

ISSN 1609-1442 (Print)
ISSN 2618-8996 (Online)

Экономическая наука современной России

Economics of Contemporary Russia

Том
Volume

28

№
No.

1

2025

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Том 28 ♦ Выпуск 1 ♦ 2025

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал

Главный редактор

Клейнер Георгий Борисович

член-корреспондент РАН, профессор (ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Заместители главного редактора и ответственный секретарь

Качалов Роман Михайлович, доктор экономических наук, профессор
(ЦЭМИ РАН, Москва)

Заместители главного редактора

Макаров Валерий Леонидович, академик РАН (ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Мизинцева Мария Федоровна, доктор экономических наук, профессор
(ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Володина Елена Евгеньевна, доктор экономических наук, профессор
(МТУСИ, Москва, Россия)

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор
(ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия)

Данилина Ярослава Владимировна, кандидат экономических наук
(ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Ключков Владислав Валерьевич, доктор экономических наук, профессор
(НИЦ Институт им. Жуковского, Москва, Россия)

Кобылко Александр Анатольевич, кандидат экономических наук
(ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Рыбачук Максим Александрович, кандидат экономических наук
(ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Хашева Зарема Муратовна, доктор экономических наук
(Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Краснодар, Россия)

Редакционный совет

Аузан А.А. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Бахтизин А.Р. (ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Бодрунов С.Д. (ИНИР им. С.Ю. Витте, Санкт-Петербург, Россия)

Ванг Джен (Китайский университет нефти, Пекин, Китай)

Волконский В.А. (ИНП РАН, Москва, Россия)

Головнин М.Ю. (ИЭ РАН, Москва, Россия)

Гринберг Р.С. (ИЭ РАН, Москва, Россия)

Грязнова А.Г. (Финуниверситет при Правительстве РФ, Москва, Россия)

ДеТомбе Д. (Сычуаньский университет, Чэнду, Китай)

Жданов Д.А. (ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Крамин Т.В. (КФУ, Казань, Россия)

Кулешов В.В. (ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, Россия)

Маевский В.И. (ИЭ РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д. (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Перко И. (Мариборский университет, Марибор, Словения)

Полтерович В.М. (ЦЭМИ РАН, Москва, Россия)

Роузфилд С. (Университет Северной Каролины, Чапел-Хилл, США)

Сакалаускас Л. (Университет Витаутаса Великого, Каунас, Литва)

Стеблянская А.Н. (Харбинский инженерный университет, Харбин, Китай)

Эскиндаров М.А. (Финуниверситет при Правительстве РФ, Москва, Россия)

Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакции.

К публикации принимаются только статьи, подготовленные в соответствии с правилами для авторов. Направляя статью в редакцию, авторы принимают условия договора публичной оферты. С правилами для авторов и договором публичной оферты можно ознакомиться на сайте журнала <https://www.ecr-journal.ru>.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат авторам статей и редакции и распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0. Полное или частичное воспроизведение материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции журнала, ссылка на журнал обязательна.

ISSN 1609-1442 (Print)
ISSN 2618-8996 (Online)

DOI: 10.33293/1609-1442-2025-28(1)

Основан в 1998 г.
академиком Дмитрием Семеновичем Львовым
при содействии Секции экономики ООН РАН,
Торгово-промышленной палаты РФ,
Всероссийского института научной
и технической информации РАН,
Института экономики РАН,
Центрального экономико-математического
института РАН,
Государственного университета управления,
Волгоградского государственного
университета.

Учредитель и издатель

Региональная общественная организация
содействия развитию институтов ОЭ РАН
117342 Москва, Нахимовский пр. 47 комн 609

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций 15 сентября 2000 г.,
свидетельство о регистрации ПИ № 77-5426.

Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих научных журналов
и изданий, рекомендуемых для публикации
основных результатов диссертаций
на соискание ученой степени кандидата
и доктора наук по специальностям:
5.2.1. Экономическая теория
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
5.2.6. Менеджмент

Индексация

РИНЦ, РГБ, Ulrich's Periodicals Directory,
ВИНИТИ, Google Scholar, КиберЛенинка,
EBSCO, RePEC, Library of Congress, WorldCat,
Mendeley.

Редакция

117418, Москва, Нахимовский пр., 47,
комн. 314
Тел.: +7 (499) 724 21 39
E-mail: ecr-ras@yandex.ru, ecr@cemi.rssi.ru
<http://ecr-journal.ru/>
Заведующий редакцией: О.А. Плетененко
Выпускающий редактор: Л.В. Куропаткина
Маркетинг: А.А. Кобылко

Открытый доступ

В электронном виде журнал
распространяется бесплатно – в режиме
немедленного открытого доступа

Дата публикации: 15.04.2025

Оригинал-макет

Редактор: Л.Е. Миронова
Корректор: О.В. Якубова
Верстка: О.А. Плетененко

Опечатано в ООО "Издательский дом
"НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА"
123022, Москва, Звенигородское шоссе,
д. 5, стр. 1
Тел.: +7 (495) 592 29 98

Подписано в печать 15.04.2025.
Формат 60 × 84%. Печать офсетная. Печ. л. 14,25.
Усл. печ. л. 13,17. Уч.-изд. л. 10,94.
Тираж экз. Номер заказа №
Дата выхода в свет 30.04.2025

Возрастная категория 16+

© Оформление. Экономическая наука
современной России, 2025

ECONOMICS OF CONTEMPORARY RUSSIA

Volume 28 ♦ Issue 1 ♦ 2025

Quarterly peer-reviewed scientific journal

Editor-in-Chief

Georgy B. Kleyner

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor
(Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)

Deputy Editors-in-Chief, Editorial Secretary

Roman M. Kachalov, Dr. Sci. (Economic), Professor
(Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow)

Deputy Editors-in-Chief

Valery L. Makarov, Academician of RAS
(Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)
Maria F. Mizintseva, Dr. Sci. (Economic), Professor
(Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)

Editorial Board

Elena E. Volodina, Dr. Sci. (Economic), Professor
(Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia)
Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Economic), Professor
(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)
Yaroslava V. Danilina, Cand. Sci. (Economic)
(Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)
Vladislav V. Klochkov, Dr. Sci. (Economic), Professor
(National Research Center "Zhukovsky Institute", Moscow, Russia)
Alexander A. Kobyallo, Cand. Sci. (Economic)
(Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)
Maxim A. Rybachuk, Cand. Sci. (Economic)
(Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)
Zarema M. Khasheva, Dr. Sci. (Economic)
(Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism, Krasnodar, Russia)

Editorial Council

Aziz A. Auzan (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Albert R. Bakhtizin (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)
Sergey D. Bodrunov (Witte Institute of New Industrial Development, St. Petersburg, Russia)
Wang Jen (China University of Petroleum, Beijing, China)
Vladimir A. Volkonsky (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)
Mikhail Yu. Golovnin (Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia)
Roman S. Grinberg (Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia)
Alla G. Gryaznova (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
Dorian DeTombe (Sichuan University, Chengdu, China)
Dmitry A. Zhdanov (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)
Timur V. Kramin (Kazan Federal University, Kazan, Russia)
Vladimir V. Kuleshov (Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Victor I. Maevsky (Institute of Economics of RAS, Moscow, Russia)
Alexander D. Nekipelov (Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Igor Perko (University of Maribor, Maribor, Slovenia)
Victor M. Polterovich (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russia)
Stephen Rosefelde (University of North Carolina, Chapel Hill, USA)
Leonidas Sakalauskas (Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania)
Anna N. Steblyanskaya (Harbin Engineering University, Harbin, China)
Michael A. Eskindarov (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)

The point of view of the authors may not coincide with the opinion of the editorial board.

Only articles prepared in accordance with the rules for authors are accepted for publication. By submitting an article to the editorial office, the authors accept the terms of the public offer agreement. The rules for authors and the public offer agreement can be found on the journal's website <https://www.ecr-journal.ru>.

The copyrights to the published materials belong to the authors of the articles and the editorial board, and are distributed under the terms of the CC BY 4.0 License. Full or partial reproduction of materials published in the journal is allowed only with the written permission of the editorial board of the journal, a link to the journal is required.

ISSN 1609-1442 (Print)
ISSN 2618-8996 (Online)

DOI: 10.33293/1609-1442-2025-28(1)

The journal was founded in 1998 by academician Dmitry S. Lvov with the assistance of the Economics Section of the Social Sciences Department of the Russian Academy of Sciences, The Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, State University of Management, Volgograd State University.

Founder and publisher

Regional Public Organization
for the Promotion of Institutes
of the Department of Economics
of the Russian Academy of Sciences
Office 609, 47, Nakhimovskij prospect,
117418, Moscow, Russian

Indexation

eLIBRARY.RU, The Russian State Library,
Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar,
Cyberleninka, EBSCO, RePEC,
Library of Congress, WorldCat, Mendeley.

Publication Ethics

Journal's ethic policies are based on:

- COPE
- ICMJE
- WAME

Editorial Office

Office 314, 47, Nakhimovskij prospect,
117418, Moscow, Russian
Phone: +7 (499) 724 21 39
E-mail: ecr-ras@yandex.ru, ecr@cemi.rssi.ru
<http://ecr-journal.ru/>
Managing editor: *O.A. Pletenenko*
Executive editor: *L.V. Kuropatkina*
Marketing: *A.A. Kobylko*

Open Access

Immediate Open Access is mandatory
for all published articles

Publication date: 04/15/2025

Typeset

Editor: *L.E. Mironova*
Proofreader: *O.V. Yakubova*
Layout editor: *O.A. Pletenenko*

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- 5 *Волконский В.А.*
Формационно-цивилизационный синтез в исследовании социальной динамики
- 20 *Егоров Д.Г.*
О проблемах классификации направлений современной экономической теории
- 34 *Стрюцкий Ф.В.*
Влияние эстетических факторов на производительность труда
- 47 *Полякова Ю.М.*
Ключевые показатели развития фриланса как модели социально-трудовых отношений: межстрановое сравнение

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

- 60 *Соловьев А.К.*
Тарифная политика в сфере социального страхования и формирование пенсионных прав граждан
- 72 *Трофимов С.Е.*
Методологический инструментарий в обеспечении устойчивого экономического развития нефтегазового комплекса России
- 87 *Большаков А.И.*
Влияние государственных закупочных интервенций на внутрироссийские цены на пшеницу

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 99 *Корнилова А.Ю.*
Энергоэффективность в историческом аспекте: понятие, оценка, концепции

ЮБИЛЕИ

- 112 Члену-корреспонденту РАН Альберту Рауфовичу Бахтизину – 50 лет

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- 5 *Volkonsky V.A.*
Formation and civilizational synthesis in the study of social dynamics
- 20 *Egorov D.G.*
About some problems of trends' classification in modern economic theory
- 34 *Stryutskiy F.V.*
The impact of aesthetic factors on labor productivity
- 47 *Polyakova Yu.M.*
Key indicators of freelancing development as a model of social and labor relations: cross-country comparison

ECONOMICAL POLICY AND ECONOMICAL PRACTICE

- 60 *Soloviev A.K.*
Tariff policy in the field of social insurance and formation of pension rights of citizens
- 72 *Trofimov S.E.*
Methodological toolkit in ensuring sustainable economic development of Russia's oil and gas complex
- 87 *Boldiasov A.I.*
The impact of state procurement interventions on domestic wheat prices in Russia

HISTORY OF ECONOMICS

- 99 *Kornilova A.Yu.*
Historical Evolution of Energy Efficiency: Definition, Evaluation, and Concepts

JUBILEES

- 112 50th Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
Albert R. Bakhtizin

ФОРМАЦИОННО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СИНТЕЗ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

© Волконский В.А., 2025

Волконский Виктор Александрович, доктор экономических наук, профессор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия
volk-econom@rambler.ru

Статья поступила: 24.08.2024, принята к печати: 04.03.2025

Оригинальная статья

Аннотация. При описании мировой истории используются два концептуальных подхода, или две модели. Первая модель – последовательная смена общественно-экономических формаций «феодализм – капитализм – социализм», или циклическая модель смены мирохозяйственных укладов, для описания развития процессов во времени. Вторая модель – модель цивилизаций (по Н. Данилевскому и А. Тойнби). Цивилизационные образования – гораздо более стабильные и долго живущие. В статье второй подход используется в основном для представления различий, сходства, взаимодействия групп стран в пространстве. Две группы стран: 1) страны запада (в статье – «цивилизация либерализма») и 2) страны формирующейся ассоциации многополярного мира (МПМ) (в статье – «цивилизация государственности») – находятся в долгосрочном многостороннем противостоянии. В настоящей статье предложен синтез двух подходов (синтетическая модель) для выявления базовых факторов процесса смены формаций «феодализм – капитализм – социализм» на фоне противостоящих друг другу двух цивилизаций. Согласно синтетической модели, капиталистическая формация с большей вероятностью могла зародиться именно в странах либерализма. Ее экспансия в страны с идеологией государственности вызвала ответ (по Тойнби) в виде возникновения там формации социализма. Модель отражает следующие факты: низкую вероятность установления социалистического общественного устройства в странах либерализма, а также тот факт, что последовательность формаций «феодализм – капитализм – социализм» не является универсальной. В странах с идеологией государственности возможно строительство социализма без прохождения стадии развитого капитализма. Для выявления роли идеологий вводится разделение этой категории на два понятия: интеллектуально формализованная идеология (ИФИ) и глубинная идеология (ГИ). В заключительном разделе обсуждаются вопросы о развитии новых формаций после капитализма и социализма, а также влияние фактора неопределенности на историческую динамику. Актуальность разработки синтетической модели связана с актуальностью внедрения исторических знаний в жизнь общества, изучения истории, расширения и углубления ее преподавания, учета при формировании политической стратегии.

Ключевые слова: общественно-экономическая формация, цивилизация либерализма, цивилизация государственности, идеология, капитализм, социализм, однополярный мир, многополярный мир

Классификация JEL: B25, N40, P51, Z10

Конфликт интересов: Волконский В.А. входит в состав редакционного совета журнала «Экономическая наука современной России», однако его мнение не влияло на решение о публикации данной работы. Материал прошел установленную журналом процедуру рецензирования. Дополнительных конфликтов интересов не выявлено.

Для цитирования: Волконский В.А. (2025). Формационно-цивилизационный синтез в исследовании социальной динамики // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 1. С. 5–19. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-5-19](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-5-19). EDN: AUZKNJ

FORMATION AND CIVILIZATIONAL SYNTHESIS IN THE STUDY OF SOCIAL DYNAMICS

© Volkonsky V.A., 2025

Victor A. Volkonsky, Dr. Sci. (Economic), professor, Institute of Economic Forecasting RAS, Moscow, Russia
volk-econom@rambler.ru

Received: 08/24/2024, Accepted: 03/04/2025

Original article

Abstract. When describing world history, two conceptual approaches or two models are used. The first model is a sequential change of socio-economic formations “feudalism – capitalism – socialism” or a cyclical model of changing world economic patterns to describe the development of processes over time. The second model is the model of civilizations (according to N. Danilevsky and A. Toynbee). Civilizational formations are much more stable and long-lived. In the article, the second approach is used mainly to represent the differences, similarities, and interaction of groups of countries “in space”. Two groups of countries: 1) the countries of the West (in the article – “the civilization of liberalism”) and 2) the countries of the emerging association of the multipolar world (MPM) (in the article – “the civilization of statehood”) are in a long-term multilateral confrontation. In this article, a synthesis of two models is proposed to identify the basic factors of the process of changing formations of “feudalism – capitalism – socialism” against the background of two civilizations opposing each other. In this article, a synthesis of two models is proposed to identify the basic factors of the process of changing formations of “feudalism – capitalism – socialism” against the background of two civilizations opposing each other. According to the synthetic model, the capitalist formation was more likely to originate in the countries of liberalism. Its expansion into the countries of statehood provoked a response (according to Toynbee) in the form of the emergence of a formation of socialism there. The model reflects the following facts: the low probability of establishing a socialist social arrangement in the countries of liberalism, as well as the fact that the sequence of formations “feudalism – capitalism – socialism” is not universal. In countries with the ideology of statehood, it is possible to build socialism without going through the stage of developed capitalism. To identify the role of ideologies, the division of this category into two concepts is introduced – intellectually formalized ideology (IFI) and deep ideology (DI). The final section discusses the development of new formations after capitalism and socialism, as well as the influence of the uncertainty factor on historical dynamics. The relevance of developing a synthetic model is related to the relevance of “introducing” historical knowledge into the life of society, studying history, expanding and deepening its teaching, and taking it into account when forming a political strategy.

Keywords: socio-economic formation, civilization of liberalism, civilization of statehood, ideology, capitalism, socialism, unipolar world, multipolar world

Classification JEL: B25, N40, P51, Z10

Conflict of interest: Victor A. Volkonsky is a member of the editorial board of the journal “Economics of Contemporary Russia”, however, his opinion did not influence the decision to publish this work. The material underwent the journal’s established peer-review procedure. No additional conflicts of interest were identified.

For reference: Volkonsky V.A. Formation and civilizational synthesis in the study of social dynamics. *Economics of Contemporary Russia*. 2025;28(1):5–19. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-5-19](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-5-19). EDN: AUZKNJ

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМАЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕЙ КАРТИНЫ ИСТОРИИ

В статье рассматриваются длительные (вековые) промежутки времени и соответственно медленные исторические процессы и определяющие их социально-экономические и, в первую очередь, ценностно-смысловые, культурно-идеологические факторы. При описании мировой истории чаще всего используются два концептуальных подхода, или две модели. Для представления динамики развития исторического процесса *во времени* применяется марксистская модель последовательной смены формаций, или циклические модели. Для учета различий в устройстве общества, типов жизнедеятельности, культуры народов в разных частях планеты, *в пространстве* используется представление о мире как множестве цивилизаций – групп стран, объединенных близостью своих ключевых характеристик и многосторонними взаимосвязями, – разделяющих *пространство* планеты (модель цивилизаций). Процессы изменения кода цивилизаций гораздо более медленные и долгосрочные. Они, конечно, изменяются во времени, но в статье это не учитывается.

С эпохи великих географических открытий и начала формирования капиталистической формации происходит все более четкое выделение части стран Западной Европы (морские державы (страны)) по идеологии, культурному и социальному облику из других стран Европы (континентальные державы (страны)) и усиление их отличия от России, Китая, Японии и большинства стран азиатского способа производства. Первая из этих групп стран активно расширялась. В настоящее время в каждой из этих двух групп стран и цивилизаций выделилась подгруппа (ядро), характеризующаяся не только чертами глубинного культурно-идеологического сходства, но и более тесными взаимосвязями: процессами установления политико-дипломатических, экономических, информационно-коммуникационных отношений. Наоборот, между этими «ядерными» группами стран возникло жесткое противостояние, временами обостряющееся до военных конфликтов.

После Второй мировой войны два лагеря этого противостояния (геополитические и культурно-идеологические образования, более широкие, чем цивилизации) – группа стран Запада во главе с США и ассоциация стран, готовых противостоять экспансии Запада и его претензии на глобальную гегемонию (лидеры – Китай и Россия). В работе (Волконский, 2024б) рассмотрены ценностно-смысловые (идеологические и социально-политические) фак-

торы, демонстрирующие различия и сходство этих двух групп стран, главными из которых признаются *идеологические приоритеты и установки*. Исследуются также их происхождение и развитие, создающее предпосылки для противостояния.

Следует заметить, что процесс выделения группы стран, образующих конкретную *цивилизацию*, в описаниях разных авторов часто существенно различается. Кроме того, характеристики страны, определяющие ее принадлежность к конкретной цивилизации, могут с течением времени изменяться, так что страны могут переходить из одной цивилизации в другую. Дальше в статье две противостоящие группы стран называются цивилизациями и используются термины «цивилизационное противостояние», «цивилизационная модель».

В странах группы Запада высшей ценностью становится личность, индивид, его интересы, возможность мыслить и действовать свободно и независимо. Ценность общества – производная, вторичная. Это страны *индивидуалистического либерализма*. В другой группе стран и цивилизаций главной ценностью является общество, его единство, суверенность, цели и интересы, и, следовательно, ценность его системы правления – государства. В России считалось, что все сословия обязаны служить государству, включая дворянство – служилое сословие. Личная установка члена государственно-иерархической системы состоит в расширении своего участия в общем деле, в подъеме по иерархической лестнице. Это *страны государственности*¹.

До распада Советского Союза важнейшим объединяющим фактором в лагере стран государственности была *идеология социализма*. После распада конфронтация идеологий между социализмом и капитализмом потеряла первостепенное значение. Однако цивилизационное противостояние сохранило историческую роль и активизировалось в форме противостояния между сторонниками однополярного мира (ОПМ) и многополярного мира (МПМ). Во втором лагере активно формируется новая идеология – идеология МПМ.

Целью статьи является демонстрация *совместного использования формационного и цивилизационного подходов*, синтеза этих моделей, который позволяет выявить простую картину развертывания важнейших *исторических процессов во времени и в пространстве*², некоего кар-

¹ Описание этих двух групп стран и их эволюции дано в работе (Волконский, 2024б).

² Близкая задача решается С.Ю. Глазьевым в теории периодической смены мирохозяйственных укладов (МХУ). С.Ю. Глазьев подробно исследует (Глазьев, 2024) тенденцию образования нового, интегрального МХУ как эко-

каса исторической динамики. Синтетическая формационно-цивилизационная модель в статье описывает исторические процессы в период XVI–XX вв. Это был период возникновения и угасания двух формаций – капитализма и социализма. В последнем разделе статьи обсуждается вопрос о возможностях возникновения в будущем новых формаций или концепция формаций окажется неприменимой для описания и изучения истории.

Эволюция народов цивилизации либерализма создает предпосылки для появления новой идеологии и новой формации – капитализма. Капиталистическая система, сформировавшаяся в некоторых странах либерализма (сначала в Голландии и Британии), существенно повышает их активность и создает высокие темпы их развития во всех сферах жизни общества. Капиталистическая формация распространяется на страны либерализма, а затем – на страны государственности и на другие неевропейские страны, превращая их в колонии или полукolonии. Некоторые страны государственности перестраиваются на принципы капиталистической системы (страны Западной Европы). Но одновременно начинает формироваться идеология противодействия капитализму – *идеология социализма*.

Существует много вариантов идеологии социализма и ее реализации в разных странах. Главными характеристиками социализма, его системы ценностей можно считать предпочтение коллективизма – индивидуализму, сотрудничества – соперничеству, единства общества – его разделению и расслоению, где главный принцип – «общее выше частного». В странах государственности создаются предпосылки социализма не только в виде высокой ценности государства. В России провозвестниками неизбежности социализма были А.И. Герцен и Н.П. Огарев, которые главной предпосылкой *русского социализма* считали *крестьянскую общину*, все специфические основы русского крестьянского быта. Предпосылки для построения целостной системы социализма существовали, видимо, только в странах государственности: в странах либерализма социализм возникал только как модификация отдельных идеологических или институциональных сегментов капиталистического устройства общества.

номическую, политическую, идеологическую систему, формирующуюся из важнейших черт и принципов, характерных в настоящее время для растущего числа стран. Важной частью нового МХУ является система взаимоотношений между политико-экономическими и культурными центрами, основанная на принципах МПМ. Образцом нового МХУ в значительной мере служит общественное устройство современного Китая.

Для краткого изложения череды преобразований, которые описывает модель синтеза, лучше всего подходит предложенная А. Тойнби схема «вызов (challenge) – ответ (response)». Цивилизационные коды народов государственности оказываются предпосылкой, условием преодолеть капиталистическое влияние и дать ответ (по Тойнби) на этот вызов в виде создания новой идеологии и новой формации – социализма. Н.П. Огарев при изложении сущности русского социализма определяет ее в первую очередь как *способ уберечь Россию от буржуазного пути развития*, защитить крестьянство от пролетаризации и обезземеливания. Препятствием, защищающим русского крестьянина от этой опасности, по его мнению, была община, хотя он прекрасно видел и ее отрицательные качества в условиях тогдашней России (Огарев, 1952, т. 1, с. 107; т. 2, с. 94).

В.И. Ленин также важнейшим значением социалистической идеологии считал ее роль в качестве оружия борьбы против капиталистической эксплуатации. С развитием идеологии социализма в общественном сознании образ капитализма оказался обремененным таким числом отрицательных качеств, что сам термин «*капитализм*» перестает использоваться его сторонниками и заменяется категориями «*либерализм*», «*демократия*» и т.п.

Почти весь XX в. ознаменован конфронтацией социалистической и капиталистической формаций. К концу столетия этот период заканчивается распадом СССР. Последствием этого события становится ослабление влияния противоборства «социализм – капитализм» на мировую историю.

Модель синтеза схематически можно описать в двух фразах. Эволюция цивилизационной группы стран создает предпосылки для рождения новой формации. Страна – инициатор новых смыслов и нового общественного устройства – получает преимущества перед другими странами, происходит всплеск общественной энергии и новаций. Распространение новой идеологии и экспансия стран новой формации на страны альтернативной цивилизации порождают там ответ на вызов в виде идеологии и других характеристик новой альтернативной формации.

Победа социализма в России и затем в Китае была воспринята цивилизацией либералов как экзистенциальный вызов. В качестве ответа там развивается *идеология превосходства* стран Запада и *идеология глобализации*, строится система глобальной гегемонии США. Эти процессы можно рассматривать как появление новой формации – формации ОПМ. На крайнем правом конце политического спектра возникает наиболее агрессивная идеология и государство – германский нацизм. Происходят значительные изменения

и в политико-институциональной системе других стран. В частности, в США формируется второй (теневой) центр власти – *глубинное государство* (Волконский, 2022).

Вполне закономерно, что коды народов-государственников – Китая и России – не позволили им поддаться экспансии формации однополярного мира дольше, чем на пару десятилетий. Начинается развитие формации МПМ формирование ее идеологии, противостоящей господству цивилизации Запада.

Сущность формаций капитализма и социализма и их противоречия определяется внутрискановыми факторами, прежде всего – факторами, связанными с экономикой, – межклассовыми отношениями, неравенством доходов и т.д. В результате выдвижения на первый план проблем цивилизационного противостояния наиболее значимую роль начинают играть факторы междискановых отношений, в первую очередь – политические и военные. Эти изменения приоритетного значения факторов (движущих сил истории) становятся особенно наглядными с уходом на вторые роли формаций социализма и капитализма. Напряженность цивилизационного противостояния при этом, однако, не ослабевает.

Важнейшую черту различия идеологии ОПМ и формирующейся идеологии МПМ можно определить следующим образом. Для ОПМ главная политико-идеологическая установка – *разделяющая (разделение)*. Для любого общества это выделение по влиянию в обществе и вниманию властвующей элиты. В отношении общества-противника разделяющая установка всегда используется как инструмент для его ослабления, обострения его внутренних противоречий – национальных, классовых, религиозных. Для идеологии многополярного мира общая установка – *объединяющая (объединение)*: установка на сотрудничество, укрепление единства общества, содействие взаимопониманию, снижению остроты социальных, политических, экономических противоречий (см. также (Волконский, 2017, разд. 2.4)).

В книге Александра Панарина (Панарин, 2005) описана важная черта, характеризующая резкое различие отношения западного человека (1) к тому, что он считает своим, «продолжением себя» и (2) к остальным предметам, в том числе и к другим людям. Первое – субъект, второе – объекты. К объектам отношение такое же, как и ко всем неодушевленным предметам.

Это *субъект-объектное* отношение к миру наглядно иллюстрирует важную черту разделяющей установки. В статье Е. Балацкого (Балацкий, 2024б) разработана концепция категории «развитие». Автор предлагает в качестве измерителя уровня раз-

вития страны показатель *накопленных стратегических преимуществ* и описывает два реализуемых в современном мире механизма развития: самостоятельное (естественное) и управляемое (искусственное). Механизм управляемого развития предполагает существование государства-гегемона, которое исходя из своих интересов помогает одним странам развиваться, а других тормозит, сдерживает их развитие. Для суверенных государств, не испытывающих заметных внешних воздействий, возможно естественное развитие. Механизм управляемого развития реализуется в группе стран однополярного мира, механизм самостоятельного развития – в странах многополярного мира.

Как отмечалось выше, главной характеристикой формации однополярного мира является идеологическая установка элиты стран Запада на достижение глобальной гегемонии, опирающаяся на представление о превосходстве западной цивилизации.

Формация многополярного мира в разных странах будет принимать различный облик. Вряд ли возможно уже сейчас выделить ее главные характеристики. Укажем только на одну черту, отличающую ее от других формаций. Эта черта связана с образом будущего и его ролью в объединении и активизации общества. Представление о возможности резкого улучшения жизни, достижимого в близком обозримом Будущем, было характерно для предпринимательской элиты в большей части периодов эпохи капитализма. Это их главное активизирующее снадобье. Для всех этих формаций характерна установка на преодоление прошлого, отказа от него (это наиболее наглядно и последовательно выражают западные глобалисты). Для стран, принявших принципы многополярного мира, более характерно принятие Прошлого (традиций, истории) как источника и необходимого идеологического дополнения Будущего. Ожидаемое Будущее – часто необходимый компонент сакральной триады «Прошлое – Настоящее – Будущее». В идеологической сфере России в последние годы активно развивается *консервативно-традиционалистский курс с восприятием истории как единой*, без разрывов, связанных с советским периодом.

Заканчивая описание последовательной смены общественно-экономических формаций, необходимо указать, что в книге А.Г. Дугина (Дугин, 2020, часть 3) дана очень содержательная картина философско-политических теорий, доминирующих в эпоху каждой из трех формации: капитализм (у Дугина – либерализм), социализм (у Дугина – коммунизм), глобализм (у Дугина – национализм классический и революционный).

Но наибольший интерес представляет разработка «Четвертой политической теории», ко-

тору можно рассматривать как предложение нового направления поиска духовной основы новой эпохи, с точки зрения нашей темы, – новой формации. Это – поиск пути человека к мировоззрению, включающему духовность и отношение к Вселенной Платона и Аристотеля. Это отношение к миру опиралось на возможности человека одновременно и согласованно использовать как способность рационально-интеллектуального, так и религиозно-теософского восприятия мира («органическое мировоззрение»). Философию, близкую к такому направлению, развивал Мартин Хайдеггер (согласно его учению, основой такого мировосприятия является *Dasein* – бытие, существование, жизнь).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

В работах (Попов, 2012; Волконский, 2024б) подробно описаны процессы происхождения капиталистической общественно-экономической формации и ее идеологии. Поэтому в настоящей статье подробно рассматривается только происхождение социализма. Для настоящей статьи важно подчеркнуть, что устройство общества в странах либерализма создавало предпосылки для возникновения капитализма именно в этой группе стран.

Началом собственно научного осмысления истории можно считать *формирование марксистской теории исторического материализма*, которая базировалась на представлении, что основными движущими силами истории, их базисом является развитие экономико-технологических факторов и производственных отношений между классами и социальными слоями. Смысловые же установки и мотивации человека определяются в первую очередь потребностями в материальных благах и положением в системе производственных отношений. Это представление в значительной мере отражало ситуацию в обществах капиталистической эпохи. Важнейшими факторами, обеспечившими победу капиталистического устройства общества над феодальным, были именно легализация и подъем на высший уровень смысловой установки на обогащение и максимальное удовлетворение материальных потребностей, в противоположность феодального, где на высшем уровне всегда находились духовные, прежде всего христианские, смыслы и ценности.

В отношении некапиталистических формаций признание главные стимулы жизнедеятельности человека – удовлетворение материальных потребностей и сохранение или изменение его положения в системе производственных отношений – представляются сомнительными или, по крайней мере,

недостаточными. Это относится и к хорошо известному нам социалистическому обществу. Трудно представить, что великие достижения в Советском Союзе или Китайской Народной Республике, где уровень благосостояния был нищенским по сравнению со США и Европой, стали результатом более справедливого распределения материальных благ и условий жизни – *по труду*. Важнейшим двигателем этих достижений был, конечно, двигатель духовный, идеологический. И дело не в распределении потребительских благ, а в том, что сама их значимость и ценность для человека были отодвинуты на второй план. Капиталистическая, потребительская система ценностей была перевернута. Большая часть советского народа, жившая в 1950–1970-е гг., вспоминают об этом времени как о счастливых годах жизни.

Социалистическая формация уникальна: ее возникновение можно рассматривать как реализацию заранее разработанного проекта – *марксистской теории*. Однако согласно теории новая формация должна была появиться в странах Западной Европы в процессе закономерной смены развитой капиталистической формации, а никак не в России, где капитализм едва зарождался. Необходимую корректировку в эту картину истории внес В.И. Ленин, который чувствовал, что Россия не менее готова к социалистической формации, чем Запад. Согласно теории для победы социализма необходимо наличие развитого промышленного капитализма, где пролетариат составляет большую часть населения. Социалистическая революция возможна в стране, где подавляющая часть населения – крестьяне (в России – 80% населения), которые и являются движущей силой революции. Пролетариат необходим для революции, а еще больше – для строительства социалистического государства, поскольку он обладает достаточной дисциплиной и опытом работы в большой организации. Крестьянин идет в революцию ради земли и своего хозяйства. Когда он получит это от революции, он отойдет от ее конечных целей. Рабочий отчужден от целей ведения своего хозяйства, он может жить далекими целями и смыслами революции. Повторим, Ленин предположил, а затем и доказал на практике, что социалистическая революция возможна в стране, где подавляющая часть населения – крестьяне (в России они составляли тогда 80% населения), которые и являются движущей силой революции, а затем возможно и создание новой общественно-экономической формации.

Цель крестьянина – личное или общинное хозяйство. Это не значит, что, получив землю, крестьянин обязательно перейдет на сторону либералов и сторонников тотальной частной собственности. Ленин оценил *возможность синтеза*

марксизма с народнической идеей союза рабочего класса и крестьянства как в революции, так и в период строительства социализма, опираясь на общинные традиции крестьянства (хорошо, что не разрушенные капитализмом в России). И.В. Сталин опирался на эту концепцию при проведении коллективизации и создании колхозно-совхозного строя в деревне.

Необходимое условие перехода к социализму – взятие государственной власти пролетариатом для построения общества с новым устройством, а затем – для общественного, т.е. государственного, контроля над использованием средств производства и распределением ресурсов. Важной предпосылкой этого может служить глубокая историческая традиция государственности в России и странах азиатского способа производства (Китай, Индия, арабские страны), а также общинный, кооперативный строй жизни крестьянства в России. В странах Западной Европы в результате длительного господства буржуазии государство было ослаблено и общинный, кооперативный строй жизни крестьянства распался. Это стало одной из причин того, что социализм возник в промышленно отсталых странах с азиатским способом производства (Китае, Северной Корее, Вьетнаме) и не возник в странах Западной Европы.

В работах С.Г. Кара-Мурзы (Кара-Мурза, 2000, 2007) подробно описано, как Маркс и Энгельс и правоверные марксисты причисляли русский народ к «реакционным» народам, а крестьянство, особенно с общинными традициями, считали «реакционным» классом. И возможную победу общинного крестьянства в надвигающейся в России революции, к которой призывали народники, они считали противоречащей задаче пролетарской революции в Европе. Наверно, они были правы, если считать единственным путем выхода из феодализма – развитие капитализма. Действительно, народ, для которого долгое время высшей традиционной ценностью была Российская Империя, и крестьянство, для которого институт общины был серьезным защитником от пролетаризации, в большой части были противниками буржуазной революции.

Идея союза рабочего класса и крестьянства была впервые высказана М. Бакуниным в полемике с Марксом и стала затем частью представлений народников. Так что обвинение Ленина марксистами-западниками в отходе от марксизма в направлении народничества не лишено оснований. Гениальность Ленина в том, что он сумел синтезировать эту идею с марксизмом, учитывая отличие России от Европы (теперь мы можем уточнить: цивилизационное отличие!). На основе идеи союза рабочего класса и крестьянства в теорию социалистического преобразования общества вошли

понятия «народ» и «народное государство», необходимые для прокладывания нового пути, нового маршрута истории.

Примеры стран, строящих социализм, не проходя капиталистической стадии исторического развития, доказывают, что открытая марксизмом последовательность общественно-экономических формаций «феодализм – капитализм – социализм» не является универсальной закономерностью. Для многих незападных стран она не является обязательной. Глубокие различия культурного и социально-психологического облика народов России и народов с азиатским способом производства, с одной стороны, и западноевропейских народов – с другой, серьезно влияют на процесс смены формаций. Эти цивилизационные различия явились предпосылкой для дальнейшего расхождения исторических путей этих групп стран: одних – по пути социалистического, других – по пути капиталистического развития. Это расхождение в наибольшей степени касалось идеологической сферы. Различия идеологий с течением времени увеличивались, а это вело к обратному влиянию – к различиям во всем цивилизационном облике этих народов.

В сообществе историков, описывающих происхождение социалистических обществ, нет разногласий во мнениях относительно того, что такие общества есть результат воплощения социалистической идеологии, возникшей в ответ на развитие капитализма. Строительство социалистических обществ *опиралось на теоретические разработки* и, как правило, даже *на проекты*, принятые централизованной властью.

Страны, вставшие на путь капитализма, длительно развивались за счет перераспределения в свою пользу продукции и добавленной стоимости, произведенных в колониях и зависимых странах, подавляя их цивилизационное развитие. Так что наш известный историк В. Багдасарян назвал страны «коллективного Запада» антицивилизацией (Антицивилизация, 2023; см. также Ваджра, 2007). В конце XIX – начале XX столетий в странах государственности стала развиваться идеология отпора (ответа – по Тойнби) воздействию капитализма.

Капиталистическая идеология и система социально-экономических институтов формировалась, последовательно продвигаясь в разных странах по разным сторонам общественной жизни. Хотя становление капиталистического общества за столетия его развития проходило через серию буржуазных революций, этот процесс не идет в сравнение с глубиной и частой сменой смысловых и институциональных переворотов и переломов в «долгом XX веке» (включая конец XIX столетия). Ответом на чрезмерные, разрушительные

результаты развития капитализма в конце XIX – начале XX столетий стало бурное развитие идеологии социализма. Главное историческое значение Великой Октябрьской социалистической (Русской) революции и создания мощного социалистического государства – в демонстрации возможности иного, чем капиталистическое, но не менее эффективного, направления развития человеческой цивилизации. Ответом на эти судьбоносные события становятся установление фашизма в Италии и в Германии и Вторая мировая война. Долгосрочным результатом стало объединение стран Запада под управлением США, гибель СССР и ослабление социалистической идеологии в мире.

Идеологическое противоборство «социализм – капитализм» отошло на второй план. Но, как ни странно, уже в начале XIX в. двухполярная структура мира возвратилась в форме цивилизационного противостояния «Запад – Незапад», с прежними периодами обострения (вплоть до военных столкновений) и разрядки (подробнее см. (Волконский, 2023)). Трудно представить, что это противостояние прекратится в ближайшие десятилетия.

Институциональная структура социалистических обществ мало отличалась от современных им обществ капиталистических. А результаты (именно результаты целенаправленной деятельности носителей новой смысловой установки) оказались неподдающимися объяснению на основе только экономических и политических факторов (см., например (Швыдка, 2023)). В экономике среднегодовые темпы роста национального дохода (в %): в период НЭПа 1921–1928 гг. – 12,7; в 1929–1955 гг. (без учета военных лет) – 13,8. Экономика СССР за период 1929–1955 гг. выросла в 14 раз и стала первой экономикой в Европе и второй в мире. Численность населения возросла со 154 млн до 200 млн человек, средняя продолжительность жизни – с 43 до 69 лет.

Без учета идеологического фактора невозможно понять чудо превращения полуграмотной страны в самую читающую страну, с лучшим в мире образованием, демонстрирующую прорывы в мировой науке (первенство в атомном проекте и в космической гонке). Что и говорить о военной победе в Великой отечественной войне, когда советская страна (одно поколение назад – периферия) побеждает Германию, страну высших военных достижений, объединившую вокруг себя всю Европу. После «эксперимента» СССР похожие «экономические чудеса» (немного скромнее) продемонстрировали и многие другие народы. Но это не означает, что их главные причины лежат не в духовно-смысловом пространстве. Скорее, следует признать, что элиты этих народов сумели воспринять пример Советского Союза и научились создавать подобное.

«ДВОЙСТВЕННАЯ» СТРУКТУРА ИДЕОЛОГИИ

Для рассмотрения таких процессов в статье будет использоваться предложенное в работе (Волконский, 2024а) *разделение категории «идеология» на два понятия* и представление ее как двойственной структуры. Общество в своей жизнедеятельности всегда руководствуется некоторым комплексом общепринятых знаний, принципов, нравственных правил и ограничений, ценностно-смысловых установок, не всегда четко осознаваемых и обладающих разной силой влияния на поведение членов общества и групп. Этот комплекс называется *глубинной идеологией* (ГИ). Но для формирования политики государства, воспитания следующих поколений нужна интеллектуально формализованная система представлений, правил мышления, поведения, ценностно-смысловых установок. Государство (или иные властвующие группировки) разрабатывает *интеллектуально формализованную идеологию* (ИФИ). Для анализа происхождения социализма рассмотрим эти понятия подробнее.

Чтобы воздействовать на общество, *интеллектуально формализованная идеология* должна быть осознана и отражена в сознании в виде основных представлений и смысловых черт сложившейся глубинной идеологии или в виде того направления, которое хотят развивать как «*глубинную идеологию*» разработчики интеллектуально формализованной идеологии. Глубинная идеология формируется и изменяется под влиянием массы процессов, происходящих в обществе, его культуре, духовной сфере; она – результат более или менее длительного развития общества, его истории. В этом смысле можно говорить об объективном, стихийном процессе развития глубинной идеологии. Интеллектуально формализованная идеология – только один из влияющих факторов. И эффективность этого влияния зависит как от приемлемости для общества того направления, которое стремится придать развитию глубинной идеологии группа разработчиков, так и от тех инструментов влияния, которыми она владеет.

Код народа – набор основных черт психики, культуры, ментальности и принципов жизнедеятельности народа. Категория «*глубинная идеология*» близка к этому понятию. Оба понятия опираются на всю культуру народа, его ментальность и психологию. Но код народа лишь немного изменяется под влиянием смены формаций, он – гораздо более долгосрочная характеристика народа, чем глубинная идеология. Сроки жизни интеллектуально формализованной идеологии обычно еще короче, чем у глубинной идеологии. Интеллекту-

альное оформление новой формации, или мирохозяйственное устройство (МХУ), часто происходит значительно позже, чем формируется система жизненных смыслов и стимулов поведения (часть глубинной идеологии), складывающаяся одновременно с преобразованием институциональных систем в экономико-политическом и правовом пространстве.

Примером может служить система институтов, сложившаяся на заре капиталистической эпохи, которая делала неизбежным участие в конкуренции. Эта система способствовала формированию у англосаксонских народов социальнопсихологической черты преобладания установки на конкуренцию перед сотрудничеством. Другой пример важнейшей роли глубинной идеологии в происхождении капитализма связан с установкой рационально использовать имеющееся богатство — увеличивать его в будущем. Можно строить все более дорогие и роскошные дворцы или дать деньги на строительство готического собора, на помощь поэтам и художникам. А можно тратить деньги и силы на достижение военного превосходства над соседями. Для экономического роста, а тем более для промышленной революции, которая является главным достижением капитализма, необходимо, чтобы богатые стремились вкладывать средства в повышение капиталовооруженности труда и существование таких проектов. За счет этого Англия обогнала великие колониальные империи испанцев и португальцев.

Использование двойной структуры категории «идеология» может помочь в схематическом моделировании и кратком изложении исторических событий. Например, феноменальные, необъяснимые успехи советской страны во всех сферах общественной жизни можно в значительной мере объяснить удачным совпадением интеллектуально формализованной идеологии с глубинной идеологией. Интеллектуально формализованная идеология смены капиталистической формации на социалистическую отвечала принципам ее цивилизационного кода. Создание СССР и первые десятилетия строительства социализма прошли под знаком совпадения интеллектуально формализованной идеологии с глубинной. Интеллектуально формализованной идеологии удавалось успешно адаптировать к развитию глубинной идеологии (трудно предсказуемому).

Начиная с 1960-х гг., догматизированная интеллектуально формализованная идеология не успевает обновляться и адаптироваться к быстро изменяющейся глубинной идеологии (изменяющейся под воздействием экономико-технологических сдвигов и информационно-идеологического воздействия Запада). В результате разрушается СССР, теряет

силу социалистическая интеллектуально формализованная идеология. Глубинная идеология вместе с ее носителем — наиболее активной частью общества (элитой) — раскалывается на несколько фрагментов. Главные из них — пророссийские государственники и прозападные либералы. *Этот раскол сохраняется до настоящего времени.* Самое интересное и важное состоит в том, что глубинная идеология пророссийских государственныхников оказывается способной на новые экономико-политические чудеса.

Как Россия, отказавшись от социалистической идеологии и даже от высшего смыслового значения государства, через пару десятилетий снова стала центром мирового идеологического противостояния?

Введя невообразимое число санкций, Запад был уверен, что организовал полное эмбарго, изоляцию от всего мира нашей маленькой по сравнению со сверхдержавами экономики. Но всего за год (конец 2022 — девять месяцев 2023 г.) российский сырьевой (в основном углеводородный) экспорт сумел на 2/3 перестроиться на восточные рынки, что не имеет аналогов в мировой геоэкономической практике (Сорокин, 2023). Несырьевой неэнергетический экспорт за девять месяцев 2023 г. стал на 85% больше, чем в 2022 г., и превысил 990 млрд руб.

Авторы книги (Сергейцев, Куликов, Мостовой, 2020) объясняют успехи России в советский период и в эпоху Путина, вводя понятие «народное государство». Как можно понять из подробных описаний, определяющими чертами народного государства являются:

- доверие народа к государству и государства к народу;
- массовое участие народа в работе государства, отказ от любой сословной структуры.

Народ верит, что целью государства является безопасность страны и жизнеобеспечение народа, поскольку он сам в определенном смысле и является государством.

Здесь снова можно использовать двойственную структуру категории «идеология». В советское время органом высшей власти была вершина партийно-государственного аппарата, которая проводила политику, основываясь на марксистской теории и научно разрабатываемой идеологии. Это интеллектуально формализованная идеология. Глубинная идеология благодаря единению государства и народа, эффективной системе образования, воспитания и культуре уже в первые советские десятилетия стала социалистической. Ее важной частью была идеология народного государства. Органы, отвечающие за идеологию, и прежде всего органы высшей власти, *оказались неспособными*

защитить идеологию страны от идеологического воздействия Запада. Это стало одним из важных факторов разрушения СССР. Но авторы книги правы: путем единения народа, государства и идеологии народного государства удалось в значительной мере восстановить в эпоху Путина.

СБЛИЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА И КАПИТАЛИЗМА

Стремительный рост в СССР сложности экономики и общества, а главное – расширение социального слоя высоко образованных и активных членов общества, которые тяготились чрезмерно ограничивающим воздействием бюрократического партийно-государственного аппарата, – все это требовало обновления идеологии и социально-политической структуры общества. *Партийно-государственная верхушка оказалась на это неспособной.* Попытка Горбачева отказаться от сопротивления влиянию Запада и установить с ним отношения открытости и сотрудничества привели к расколу элиты и развалу государства на независимые национальные республики. Вполне возможно, что при более квалифицированном и широко мыслящем высшем слое руководителей страна могла пойти по пути обновления без разрушения государства – по образцу китайских реформ Ден Сяопина. Следовало ввести в управление экономикой рыночные механизмы, а в систему стимулирования хозяйственной активности – возможности обогащения. Иными словами, использовать элементы капиталистической формации. Эволюция либерально-капиталистической и государственно-социалистической систем вела к использованию каждой системой элементов чужой системы. При этом необходимо учитывать, что согласование капиталистического и социалистического устройств общества и построение их эффективного синтеза – очень нелегкие задачи. Они стоят и перед нынешней Россией.

После разрушения СССР противостояние «социализм – капитализм» отошло в общественном внимании на второй план. Трудно объяснить ослабление мирового общественного внимания к еще совсем недавно безраздельно доминирующему в идеологическом пространстве противостоянию между социализмом и капитализмом только снижением темпов роста советской экономики и разрушением СССР. В качестве одного из факторов можно назвать *сближение их институциональных систем*³. За время существования социалисти-

ческих государств значительно изменились и теоретические представления о принципах функционирования их общественно-экономического устройства. В настоящее время общепринятым стало представление о социалистической экономике как о согласованном функционировании государственного сектора и рыночного хозяйства с частной собственностью на средства производства. Соответственно, определяющим признаком социализма было распределение по труду. Большая часть затрат труда на всех уровнях хозяйственной иерархии есть затраты труда управленческого. А для его измерения в условиях рыночного хозяйства нет общепризнанных методов, кроме дохода.

Важно отметить, что построение эффективного синтеза положительных черт рыночного (капиталистического) механизма и государственного управления экономикой – нелегкая задача, которая стоит еще и теперь перед Россией. Вполне закономерно, что в начале XXI столетия начала развиваться новая область экономической науки – *мезоэкономика*. Главным инициатором ее развития является Г.Б. Клейнер (см. (Мезоэкономика, 2001, 2011)).

В Китае частные собственники хозяйственных предприятий могут быть даже членами Коммунистической партии Китая. В России в настоящее время значительно активизировалась работа Федерального агентства по делам молодежи (по существу – министерства; см., например (Платова, 2023)). Функционируют широкие молодежные движения (например, «МЫВМЕСТЕ»), платформы патриотического воспитания, проводятся форумы, в частности, для развития и поддержки предпринимательства (проект «Больше, чем работа»). Большую работу с молодежью ведет КПРФ в рамках ЛКСМ РФ, направленную на возрождение движения пионеров. К сожалению, работы по линии Правительства и КПРФ почти не связаны друг с другом.

Капиталистические страны также заимствуют опыт, накопленный в социалистических странах. В большей части развитых стран государство активно участвует в регулировании рыночных отношений. И в социалистических, и в капиталистических странах план и рынок в значительной мере превратились просто в методы и инструменты управления технически сложной машиной под названием «экономика». Капиталистические общества заимствовали от социалистических идеологическую установку на обеспечение высокого жизненного уровня для всех членов общества: возникла доктрина государства всеобщего благосостояния, а проще – социального государства. Иными словами, *идет процесс конвергенции*, предсказанный рядом выдающихся ученых, например, Джоном Гэлбрейтом.

³ Процессы эволюции институтов подробно изучаются в работе Е.В. Балацкого (Балацкий, 2023).

Несмотря на такое сближение социализма с капитализмом, *социализм сохраняет свою роль образа Светлого будущего* для значительных масс трудящихся и представителей интеллектуальной элиты в развивающихся странах и в России. Способность социалистического (или коммунистического) учения давать людям образ Светлого будущего определяется не его наибольшей научной глубиной, а тем *направлением исследований и социально-политической деятельности*, которое характеризует сообщества социалистов и коммунистов во всем мире. Обсуждение близкой проблематики содержится в статье А.В. Бугалина (Бугалин, 2019), в статье дается следующее определение прогресса: «содержание прогресса состоит в утверждении идеалов Истины, Добра и Красоты, ради этого жили и боролись величайшие марксисты и миллионы рядовых борцов за социализм в Китае и России, в США и в Латинской Америке». Идеология социализма и народного государства продолжает серьезно влиять на взаимоотношения народов и их развитие, поскольку ее важные черты составляют основу *кода цивилизации (цивилизационного кода) государственности*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМА

В начале статьи было предложено по существу признать появление новых формаций, геополитических образований (сообществ, или групп стран), которые обозначаются как «однополярный мир» и «многополярный мир».

В экономической и политологической литературе имеется много концепций появления *новых типов общественного устройства*, которые авторы готовы рассматривать как возможные новые формации. Как правило, эти концепции не учитывают раскола современного мира на две группы стран (однополярного и многополярного мира) и вероятности их долгосрочного противостояния.

Наиболее разработанной является тема перехода человечества *от высокой ценности материальных ресурсов к первостепенной ценности информации и знаний*. В качестве новой формации предлагается концепция *информационного общества*. Уже теперь важнейшее место в господствующем классе занимают группы, которые управляют потоками общественно значимой информации через СМИ и социальные сети и непосредственно воздействуют на формирование общественного сознания, – они научились манипулировать сознанием и поведением социальных слоев.

Отношения собственности, имевшие при классическом капитализме абсолютный, даже сакраль-

ный статус, постепенно теряют свое значение (как, впрочем, и другие правовые нормы и принципы), уступая первые места отношениям с официальными и неофициальными органами власти государства и крупными организациями. Важнейшая характеристика смены формации – *изменение принципа формирования элиты*. Если при капитализме главным принципом была способность накапливать капитал, то в посткапиталистических формациях главными принципами становятся *компетентность, способность управлять*. Новый управляющий класс – это в первую очередь люди, способные создавать организации и эффективно управлять ими. Эта способность по-разному проявляется в странах разных цивилизаций. В странах государственности речь идет о способности найти свое место, вписаться в общую иерархическую структуру управления и о создании устойчивой организации или органа в структуре крупной организации. Относительно современной финансово-экономической системы экономисты стран либерализма обращают внимание на необходимость гибкости в руководстве организациями, способности вовремя адаптироваться к частым переменам. Элвин Тоффлер приводит следующие черты успешного стиля управления: когда легко собирается команда (например, под определенный проект) и, если надо, легко расформировывается, а большая часть оборудования берется в аренду (Toffler, 1979).

Приведенное перечисление факторов и социальных сдвигов, которые могут привести к рождению новой формации, наглядно свидетельствуют о том, что имеющиеся к настоящему времени *научные теории неспособны однозначно указать и охарактеризовать новые формации*, которые придут на смену существующим. Эту ситуацию неопределенности будущего можно назвать интеллектуальным кризисом, который является частью уже многократно описанного духовного, или идейного, вакуума, угасания культуры и идеологии, когда человечество утрачивает надличностные ценности и смыслы. Нет великих целей, ради которых люди готовы жить и умирать. В 2019 г. описанию этого кризиса и его осмыслению была посвящена книга Дж. Кьеца, которую он назвал «*Цугцванг человечества*» (Кьеца, 2019).

В процессе смены экономического и институционального устройства общества участвуют большие контингенты народа или, по крайней мере, элиты. А процесс возникновения и укоренения новой идеологии, нового образа культуры имеет небольшое число авторов и творцов, которые оставляют на нем свой неповторимый отпечаток.

В связи с этим представляется уместным и даже важным в нынешней ситуации вспомнить

развитую в трудах Томаса Карлейля⁴ и Фридриха Ницше и давно устраненную из сферы внимания ученых (и действительно не отвечающую требованиям настоящей науки) *концепцию роли великих личностей и героев в истории*. Эта концепция становится актуальной в связи с возрастанием в настоящее время реальной угрозы для человечества – угрозы перерастания эскалации локальных конфликтов в Третью мировую войну.

В настоящее время эту тематику связывают с широко известной *теорией пассионарности* Льва Гумилева. Пассионарии – люди, наделенные от рождения избыточной энергией, – большей, чем требуется человеку для самосохранения. Люди, поглощенные великой целью преобразования общества и готовые во имя ее осуществления рисковать собственной жизнью, а нередко и жизнью всего человечества. Для осуществления своей цели пассионариям необходима более или менее значительная группа, когорта, одушевленная единой идеей.

Великие люди в концепции Карлейля и Ницше, как правило, одиночки. Их главное значение – не собственно переворот общественного устройства, а переворот в смыслах жизни и деятельности человека. Вот как понимает историю Карлейль: «Всемирная история есть история великих людей. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и в широком смысле – творцами всего того, что вся масса людей стремилась осуществить, чего они хотели достигнуть. Все, содеянное в этом мире, представляет в сущности внешний, материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям. Их история составляет поистине душу всей мировой истории» (Карлейль, 2012).

Фридрих Ницше чувствует угасание Смыслов бытия: «Приходит время, когда человек не родит больше ни одной звезды» (Ницше, 1990). Он был одним из тех, кто стал искать *новый образ человечества*, который пробудит вялое, привыкшее к спокойной жизни, ядро элиты. Он нашел его в *идеях сверхчеловека* (по аналогии с эволюционной теорией дарвинизма), в переоценке всех ценностей, в воле к власти. Когда Заратустра говорил: «Бог умер!», это означает, что нет больше той идеи, которая лежала в основе целей, стремлений, смыслов. Без нее все в жизни человека и общества становится мелким, не важным, лишенным жизненной силы, энергии, воли к творчеству, воли к власти.

Вот что говорит Ницше–Заратустра о той новой духовности и том новом ядре человечества, провозвестником которых он стал: «Сверхчело-

век – смысл земли. Пусть ваша воля скажет: да будет сверхчеловек смыслом земли! Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком. ... Не грехи ваши – ваша умеренность вопиет к небу, самая скудость грехов ваших вопиет к небу! Где же та молния, которая лизнула бы вас языком своим? Где то безумие, что надо бы привить вам?»

Ницше стал провозвестником или, точнее, предзнаменованием новой эпохи, он предвосхищал переход к новым смыслам бытия. XX в. действительно знаменует перелом исторических устоев тысячелетий – не только подрыв здания капитализма, но и отказ от христианства как основы нравственности и всей системы ценностей. Правда, не идея сверхчеловека стала той «молнией и безумием», которых ждал и к которым призывал Ницше, а идея социализма – в форме, открытой Марксом, Энгельсом, Лениным. Природа человека действительно изменилась, правда, не в биологическом, а в социально-психологическом смысле, и не в Европе, а сначала в России и потом – в других странах.

Самым эффективным и безотказным из призывов к пробуждению новой энергии и новой духовности служит призыв к *смене отношения к войне*. Прозрения Ницше по существу стали предзнаменованием двух небывалых по масштабу мировых войн. Но главное – переоценка смысла самой войны. Вот мудрость Заратустры: «Вы говорите, что правое дело освящает даже войну? А я говорю вам, что добрая война освящает всякую цель. Я призываю вас не к работе, а к войне, не к миру, а к победе. Любите мир как средство к новым войнам». А вот – подробнее от самого Ницше: «*Война необходима*. Нам неведомы иные средства, которые могли бы также верно, как всякая великая война, внушить слабеющим народам такую энергию, такую глубокую ненависть, такое хладнокровие убийцы со спокойной совестью, такое равнодушие к собственной жизни и жизни близких. Англичане пускаются в путешествия, мореплавания, восхождения на горы якобы с научными целями. В действительности же для того, чтобы привезти домой избыточную силу. Придется изобрести еще немало подобных суррогатов войны. Но высокоразвитое и потому неизбежно вялое человечество нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне, – чтобы не потерять ради условий для культуры самой своей культуры и жизни» (Ницше, 1990а, с. 449–450).

Недавно была опубликована научная статья Евгения Балацкого (Балацкий, 2024а), в основе которой лежит разбор философского рассказа Роберта Хайнлайна о конце света. Статья начинается с перечисления признаков тяжелого кризиса, в который погружается человечество. Этот кризис

⁴ Томас Карлейль (1795–1881) – шотландский философ.

не похож на регулярно происходящие экономические кризисы: он охватывает далеко не только экономику, а практически все стороны человеческой жизни. Такими признаками в наше время являются и непрекращающиеся локальные войны, и террористические нападения фактически на всех континентах (специальная военная операция на Украине – одна из них); их объединяют с войнами информационно-идеологическими, биологическими, химическими под общим понятием «*гибридные войны*». Это – и деградация интеллектуального образа ведущих политиков, и ожидание природных катастроф, и последствия массовых миграций, и многое другое.

Герои рассказа Роберта Хайнлайна обращают внимание на ряд событий, которые можно принять за предвестников, за предупреждения о грядущей мировой катастрофе. Однако они интерпретируют их как *признаки регулярно повторяющихся фазы ухудшения в циклическом движении мировой истории*, за которой закономерно последует фаза улучшения ситуации. За фазой снижения траектории неизменно следует фаза подъема. В конце концов ситуация осознается героями рассказа как устойчивая, стабильная, и они сохраняют спокойствие.

Правда, в рассказе Роберта Хайнлайна конец света все же наступает. Но описанная ситуация интересна не своим алармизмом, а тем, что восприятие хаотически меняющейся ситуации как достаточно стабильной (за ухудшением обязательно последует улучшение!) характерно, видимо, для большинства человечества. Вместе с тем есть относительно небольшая часть обитателей нашей планеты, которые условия длительной стабильности начинают воспринимать как «темные времена», как требование изменить порядок вещей, повернуться на траекторию исторического развития. Это часть пассионариев. Их активность может быть направлена как на созидание, так и на разрушение. От них исходит опасность войны, ее бесконечной эскалации. Но и они же могут стать творцами новой идеологии и новой формации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сначала подытожим картину истории, которую дает синтетическая формационно-цивилизационная модель, а затем покажем ее актуальность. Модель позволяет выявить временную и пространственную взаимосвязь между ключевыми процессами эпохи цивилизационного противостояния и факторами, определяющими возникновение и смену формаций. Долгосрочное существование и развитие двух групп стран (в статье они обозначаются как «цивилизации») воздействуют друг

на друга по типу «вызов – ответ» путем порождения и экспансии новых, более эффективных, формаций.

В странах либерализма создаются предпосылки для появления капиталистической формации. Устройство общества и глубинная идеология в странах государственности создают условия для ответа на вызов – на экспансию капитализма. Ответом является рождение формации социализма. Ответ стран либерализма на экспансию социализма – активизация идеологии превосходства народов Запада и организационное формирование однополярного мира. После распада СССР начинается формирование идеологии и ассоциации стран многополярного мира. Правдоподобной гипотезой можно считать продолжение взаимодействия «вызов – ответ» между группами стран либерализма и государственности в виде возникновения и развития новых формаций.

Об актуальности разработки модели. Все согласны, что действительно острой проблемой становится внедрение исторических знаний в жизнь общества, изучение истории, расширение и углубление ее преподавания, ее учета при формировании политической стратегии. Имеются разные подходы и разные требования к объему и форме исторических знаний, к их детализированию, структурированию, выявлению ключевых ценностей и смыслов. Формационный и цивилизационный подходы представляются едва ли не лучшими с точки зрения требований выделения главных смыслов исторических процессов, и в то же время – легкости восприятия, понимания содержания (при сохранении смыслов). Сейчас эти два подхода остаются отделенными друг от друга, что существенно влияет на общее восприятие истории как единого процесса, несущего важнейшие смыслы и ценности благодаря своей целостности.

Для России сейчас актуальна задача защиты общества от опасности ослабления его единства, от опасности его расслоения на сторонников безусловного единства на базе формирующейся идеологии многополярного мира и сторонников возвращения к устройству общества советского периода или – капиталистического устройства по западным образцам. Эти альтернативные политические позиции могут быть значимыми и ценными в качестве одной из сторон дискуссионных процессов выработки общественного идеала, но в определенных ситуациях они же могут создавать предпосылки для раскола общества. Примером может служить позиция Б.К. Кучкина и тех историков и публицистов, которые ради возвращения к социализму готовы причислить к фашистам всех российских «антисоветчиков». Вот цитата из его статьи «К теории русского фашизма» (Кучкин, 2024): «Хорошо

известно, что массовую социальную базу европейского фашизма составляла мелкая буржуазия. Бесспорно, мелкобуржуазные слои и города, и деревни оказались рекрутами фашизма. Россия не исключение... «Городская проза», «деревенская литература», литература национальных республик были по содержанию и духу глубоко антисоветскими».

На наш взгляд, подобные позиции есть результат неправильной или непроясненной интерпретации формационной и цивилизационной структуры исторических процессов. Надеемся, представленная в статье модель синтеза сыграет, хоть малую, но положительную роль в укреплении надежности нашего единства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антицивилизация (2023). Зловещие теория и практика глобального капитализма. На вопросы «Завтра» отвечает В. Багдасарян // *Завтра*. Ноябрь. № 46.
- Балацкий Е.В. (2023). Эрозия институтов и экономический рост // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 3. С. 81–101.
- Балацкий Е.В. (2024а). Феномен мегациклов в фантастике Роберта Хайнлайна // *AlterEconomics*. Т. 21. № 1. С. 141–158.
- Балацкий Е.В. (2024б). Феномен стратегических преимуществ в XXI веке // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 4.
- Бузгалин А.В. (2019). Будущее марксизма и марксизм будущего // *Маркс после Маркса. Постсоветская школа критического марксизма*. М.: ЛЕНАНД. С. 13–24.
- Ваджра А. (2007). Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. Moscow: АСТ Астрель.
- Волконский В.А. (2017). XXI век. Многополярный мир. Тренды и задачи истории. М.: Книжный мир. 320 с.
- Волконский В.А. (2022). «Конец капитализма» и структуры власти: экономика и политика // *Экономическая наука современной России*. № 2.
- Волконский В.А. (2023). Логика противостояния цивилизационных полюсов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 1.
- Волконский В.А. (2024а). К вопросу об идеологиях и их носителях // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 1.
- Волконский В.А. (2024б). Идеология государственности во взаимоотношениях между странами Востока и Запада // *Экономическая наука современной России*. № 4.
- Глазьев С.Ю. (2024). За горизонтом конца истории: монография. М.: Проспект. 416 с.
- Дугин А.Г. (2020). *Politica Aeterna*. Политический платонизм и «Черное Просвещение». М.: Академический проект. 563 с.
- Кара-Мурза С.Г. (2000). Манипуляция сознанием. М.: Эксмо. 864 с.
- Кара-Мурза С.Г. (2007). Демонтаж народа. М.: Алгоритм.
- Карлейль Т. (2012). Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: АСТ.
- Кучкин Б.К. (2024). К теории русского фашизма // *Пятая газета*. 8 октября. № 41.
- Кьеза Дж. (2019). Цугцванг для человечества. М.: Книжный мир. 416 с.
- Мезоэкономика (2001). Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия / под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2001.
- Мезоэкономика (2011). Мезоэкономика развития / под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Наука. 805 с.
- Ницше Ф. (1990). Так говорил Заратустра // *Сочинения: в 2 т. Т. 2*. М.: Мысль.
- Ницше Ф. (1990а). Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // *Сочинения: в 2 т. Т. 1*. М.: Мысль.
- Огарев Н.П. (1952). Избранные произведения: в 2 т. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры.
- Панарин А.С. (2005). Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский мир. 432 с.
- Платова Г. (2023). О смысле «Территории смыслов» // *Советская Россия*. 30 сентября. № 110.
- Попов В.В. (2012). Новый ответ на главный вопрос мировой экономической истории: почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 13 (15).
- Сергейцев Т.Н., Куликов Д.Е., Мостовой П. (2020). Идеология русской государственности, Континент Россия. СПб.: Питер. 688 с.
- Сорокин Н. (2023). С наступательным 2024-м! // *Завтра*. Декабрь. № 51.
- Швыдкая Ж. (2023). Непревзойденный рекорд // *Пятая газета*. 24 октября. № 43.
- Toffler Al. (1979). *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow*. William Morrow & Company, Inc. 556 p.

REFERENCES

- Anticivilization (2023). The sinister theory and practice of global capitalism. V. Baghdasaryan answers the questions of the newspaper «Tomorrow». Newspaper *Tomorrow*, November, no. 46 (in Russ.).
- Balatsky E.V. (2023). Erosion of institutions and economic growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 16, no. 3, pp. 81–101 (in Russ.).
- Balatsky E.V. (2024a). The phenomenon of megacycles in Robert Heinlein's fiction. *AlterEconomics*, vol. 21, no. 1, pp. 141–158 (in Russ.).
- Balatsky E.V. (2024b). The phenomenon of strategic advantages in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 17, no. 4 (in Russ.).

- Buzgalin A.V. (2019). The future of Marxism and Marxism of the future. *Marx after Marx. The post-Soviet School of Critical Marxism*. Moscow: LENAND, pp. 13–24 (in Russ.)
- Vadgra A. (2007). The Way of Evil. The West: The matrix of global hegemony. Moscow: AST Astrel (in Russ.)
- Volkonsky V.A. (2017). XXI century. A multipolar world. Trends and tasks of history. Moscow: Book World. 320 p. (in Russ.)
- Volkonsky V.A. (2022). «The End of Capitalism» and power structures: economics and Politics. *Economics of Contemporary Russia*, no. 2 (in Russ.)
- Volkonsky V.A. (2023). The logic of the confrontation of civilizational poles. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 16, no. 1 (in Russ.)
- Volkonsky V.A. (2024a). On the issue of ideologies and their bearers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 17, no. 1 (in Russ.)
- Volkonsky V.A. (2024b). The ideology of statehood in relations between the countries of the East and the West. *Economics of Contemporary Russia*, no. 4 (in Russ.)
- Glazyev S.Yu. (2024). *Beyond the horizon of the end of history*: monograph. Moscow: Prospekt. 416 p. (in Russ.)
- Dugin A.G. (2020). *Politica Aeterna*. Political platonism and the «Black Enlightenment». Moscow: Academic project. 563 p. (in Russ.)
- Kara-Murza S.G. (2000). Manipulation of consciousness. Moscow: Eksmo. 864 p. (in Russ.)
- Kara-Murza S.G. (2007). Dismantling of the people. Moscow: Algorithm (in Russ.)
- Carlyle T. (2012). Heroes, hero worship and the heroic in history. Moscow: AST (in Russ.)
- Kuchkin B.K. (2024). On the theory of Russian fascism. *Fifth Newspaper*, October 8, no. 41 (in Russ.)
- Chiesa G. (2019). *Zugzwang for humanity*. Moscow: Book World. 416 p. (in Russ.)
- Mesoeconomics (2001). Mesoeconomics of the transition period: Markets, industries, enterprises. Ed. by G.B. Kleiner. Moscow: Nauka (in Russ.)
- Mesoeconomics (2011). Mesoeconomics of development. Ed. by G.B. Kleiner. Moscow: Nauka. 805 p. (in Russ.)
- Nietzsche F. (1990). Thus spoke Zarathustra. *Nietzsche's Writings*. In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl' (in Russ.)
- Nietzsche F. (1990a). Human, too human. A book for free minds. *Nietzsche's Writings*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl' (in Russ.)
- Ogarev N.P. (1952). Selected works. In 2 vol. Moscow: State Publ. of fiction (in Russ.)
- Panarin A.S. (2005). The revenge of history. The Russian strategic initiative in the XXI century. Moscow: Russkiy Mir. 432 p. (in Russ.)
- Platova G. (2023). About the meaning of the «Territory of meanings». *Soviet Russia*, September 30, no. 110 (in Russ.)
- Popov V.V. (2012). A new answer to the main question of world economic history: why did the West get rich earlier than other countries, and why is China catching up with the West today? *Journal of the New Economic Association*, no. 13 (15) (in Russ.)
- Sergeitsev T.N., Kulikov D.E., Mostovoy P. (2020). Ideology of Russian statehood, The Continent of Russia. St. Petersburg: Peter. 688 p. (in Russ.)
- Sorokin N. (2023). Happy offensive 2024! *Tomorrow*, December, no. 51 (in Russ.)
- Shvydkaya Zh. (2023). An unsurpassed record. *Fifth Newspaper*, October 24, no. 43 (in Russ.)
- Toffler Al. (1979). The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow. William Morrow & Company, Inc. 556 p.

О ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

© Егоров Д.Г., 2025

Егоров Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, Санкт-петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Псковский филиал, Псков, Россия
ORCID: 0000-0001-7122-3699, eLibrary SPIN: 9050-4156, de-888@ya.ru

Статья поступила: 28.12.2024, принята к печати: 04.03.2025

Оригинальная статья

Аннотация. Критикуются представления о невозможности универсальной экономической теории с опорой на принцип единства мира. Если мир един, тогда частные теории, описывающие какие-то его фрагменты (аспекты), должны быть в принципе сводимы к общей теории. Многие критики универсальных теорий сами являются их носителями; заявления в стиле «поток данных делает научный метод устаревшим» есть, в сущности, методологический регресс к наивному эмпиризму (в духе позитивизма конца XIX в.). Показано, что в ряде экономических работ обнаруживаются классификации с выделением классов по множественным основаниям, что логически недопустимо. Экономическая теория как научная дисциплина должна заниматься анализом внутренней структуры экономических теорий, для чего требуется экспликация списка принимаемых при построении теории принципов. Дана критика тезиса, согласно которому во многих случаях методология определяет выбор аксиоматики: аксиоматика теории не может зависеть от методов, потому что задачи определяют методы, а не наоборот. Показано, что первоосновой неоклассической революции был не маржинальный анализ, а принятие онтологического принципа субъективизма. уточнено значение понятия «парадигма». Если трактовать понятие парадигмы в духе Т. Куна, то разные парадигмы – не просто две любые теории, отличающиеся какими-то принципами (пусть даже теории фундаментальные). Две разные парадигмы – это две системы убеждений (априорных принципов и базовых моделей) относительно предметной области научной дисциплины, несовместимые между собой. При таком понимании в экономической теории выделяется только две парадигмы: классическая и неоклассическая. Вопрос интеграции двух экономических парадигм – в сущности, вопрос синтеза микро- и макроэкономики. Показано, что здесь возможны две принципиальных стратегии: А) считать общим случаем ситуацию равновесия и стремиться включить неравновесную макроэкономику в это общее описание как особый частный случай; Б) считать общим случаем ситуацию отсутствия равновесия. А это последнее предполагает разработку микрооснований для неравновесной макротeorии и включение равновесной микроэкономики в общую теорию как особого (хотя и важного) частного случая. Обоснован тезис, что основой парадигмального синтеза в экономической науке должна быть стратегия (Б).

Ключевые слова: Кейнс, классическая парадигма, неоклассическая парадигма, парадигмальный синтез, принцип единства мира, философия экономики

Классификация JEL: B19, B40, B50

Для цитирования: Егоров Д.Г. (2025). О проблемах классификации направлений современной экономической теории // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 1. С. 20–33. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-20-33](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-20-33).
EDN: DZWKTF

ABOUT SOME PROBLEMS OF TRENDS' CLASSIFICATION IN MODERN ECONOMIC THEORY

© Egorov D.G., 2025

Dmitry G. Egorov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch), Pskov, Russia
ORCID: 0000-0001-7122-3699, eLibrary SPIN: 9050-4156, de-888@ya.ru

Received: 12/28/2024, Accepted: 03/04/2025

Original article

Abstract. The ideas of the impossibility of a universal economic theory are criticized: based on the principle of the unity of the world. If the world is united, then particular theories describing some of its fragments (aspects) should, in principle, be reducible to a general theory. Many critics of universal theories themselves are their bearers, and statements in the style of «the flow of data makes the scientific method obsolete» are nothing more than a methodological regression to naive empiricism, in the spirit of positivism of the late 19th century. It is shown that works classifications are found in many economic with the allocation of classes on multiple grounds, which is logically unacceptable. Economic theory as a scientific discipline should deal with the analysis of the internal structure of economic theories. The problem is: the explication of the list of principles accepted in the construction of the theory is the exception rather than the rule. The thesis is criticized in many cases the methodology determines the choice of axiomatics, and not vice versa. The axiomatic of a theory cannot depend on methods, because tasks define methods, and not vice versa. It is shown that the primary basis of the neoclassical revolution was not the ultimate analysis, but the adoption of the ontological principle of subjectivism. The meaning of the concept of «paradigm» was clarified. If we interpret the concept of a paradigm in the spirit of T. Kuhn, then different paradigms are not just any two theories that differ in some principles (even if the theories are fundamental). Two different paradigms are two belief systems (a priori principles and basic models) regarding the subject area of a scientific discipline that are incompatible with each other. With this understanding, only two paradigms stand out in economic theory: classical and neoclassical. The issue of integrating two economic paradigms is, in the essence, the synthesis of micro- and macroeconomics. It is shown that two principal strategies are possible: (A) considering the equilibrium situation as a general case, and striving to include non-equilibrium macroeconomics in this general description as a special case. (B) Considering the situation of lack of equilibrium as a general case, and including microeconomic equilibrium in the macrotheory as a special case (and also to complete the micro-foundations for a non-equilibrium macrotheory). The thesis is substantiated that the basis of paradigmatic synthesis in economics should be strategy (B).

Keywords: Keynes, classical paradigm, neoclassical paradigm, paradigmatic synthesis, the principle of the unity of the world, the philosophy of economics

Classification JEL: B19, B40, B50

For reference: Egorov D.G. About some problems of trends' classification in modern economic theory. *Economics of Contemporary Russia*. 2025;28(1):20–33. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-20-33](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-20-33). EDN: DZWKTF

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая теория в XX в. распалась на множество автономных течений, при этом ни одно из основных направлений экономической теории не объясняет всего комплекса экономических явлений. Зачастую это «объясняется» крайней сложностью и/или постоянной изменчивостью экономической реальности, что и делает создание универсальной экономической теории, казалось бы, невозможным: «Объект исследования экономической и других общественных наук – человеческое поведение – слишком сложен, чтобы создать исчерпывающую науку, его полностью описывающую...» (Автономов, 2013, с. 60). По нашему мнению, дело здесь не в какой-то особой сложности экономических систем (по сравнению, например, с физическими, геологическими или биологическими), а, скорее, в сложившейся в сообществе экономистов традиции пренебрегать рядом логических требований к теоретическому знанию¹.

Ситуация, когда в какой-то области науки отсутствует универсальная (фундаментальная) теория, признаваемая таковой большинством исследователей, периодически случается практически в каждой научной дисциплине. Однако такая ситуация всегда считается ненормальной, симптомом серьезного кризиса в развитии соответствующей дисциплины. А вот в экономической теории существует традиция оправдания такого положения дел и даже объявления состояния фрагментированности методологической нормой². Дело доходит до агрессивного отрицания принципиальной возможности создания универсальной теории для экономических (и вообще социальных) систем и даже иронизирования над теми, кто считает уни-

версальные теории в общественных науках³ необходимыми (Автономов, 2024, с. 97). По этому поводу заметим следующее.

Наука опирается на принцип единства мира. Этот принцип постулирует, что научное знание универсально, т.е. не зависит от места и времени его получения и/или применения. Если мир един, тогда частные теории, описывающие какие-то его фрагменты (аспекты), в принципе должны быть сводимыми к теории общей. Мы как люди имеем интеллектуальные и сенсорные ограничения, в силу чего мы можем не суметь построить общую теорию (например, для экономики), но если мы принимаем принцип единства мира, из этого следует, что построение общей теории, из которой иерархически выводятся теории более низких уровней, в принципе возможно.

Если же мы считаем это *принципиально невозможным*, значит, мир внутренне противоречив и онтологически неоднороден. На уровне здравого смысла это означает, что у нас нет оснований быть уверенными, что законы механики на Марсе будут такими же, как и на Земле, и даже что 2+2 завтра также будет равно 4, как сегодня и вчера. Наша уверенность и во всеобщности законов механики, и в универсальности математики основана только на *метафизической гипотезе* единства мира и больше ни на чем⁴. Мы никому не запрещаем отвергать принцип единства мира, объявлять себя сторонниками «множественности истин», однако считаем необходимым заявить, что тот, кто отвергает принцип единства мира, тем самым выводит себя за рамки научного мышления⁵.

³ Экономическая теория по степени своей фрагментированности в этом антирейтинге социальных наук вполне может претендовать на лидерство.

⁴ Как показал еще Д. Юм, а в XX в. убедительно подтвердил К. Поппер, опыт таким основанием быть не может (Поппер, 1972; Поппер, 1983).

⁵ Иными словами, все эти, вдруг ставшие модными, сомнения в возможности универсальных теорий, заявления о «множественности истин» etc. – если еще не уровень теории плоской Земли, то шаги именно в этом направлении. Тенденция эта совсем не безобидна, являясь, по сути, скрытой формой разрушения понятийного мышления и архаизации массового (а теперь уже – и научного) сознания (см. детальнее (Егоров, Егорова 2022)). По нашему мнению, заявления о «множественности истин», по сути, есть то, что И. Кант саркастически называл «философией стоимостью в 1 талер». Поставим мысленный эксперимент: философ, «верящий» во множественность истин, покупает два товара по 2000 руб., а с него требуют 5000 руб., поскольку, в соответствии с теорией «множественности истин», на территории магазина отказались от «тоталитарной» таблицы умножения и приняли альтернативную. Можно уверенно

¹ Биосфера на много порядков сложнее, чем вся мировая экономика. Собственно, даже тело человека, рассматриваемое как биологическая система, гораздо сложнее мировой экономики (в среднем в теле человека – 30 трлн клеток). Однако биологи не рассказывают окружающим, «как бесконечно сложна и в силу этого непознаваема жизнь». Миллионы (если не миллиарды) людей во всем мире достигли успеха в практической экономике, многие – без какого-либо экономического образования. С учетом этих очевидных и общеизвестных фактов заявления о якобы «огромной сложности» (и в силу этого – «непознаваемости») экономических систем выглядят не слишком убедительно.

² Фундаментальных теорий может быть несколько, они могут конкурировать, и это как раз нормально. Любая теория (и фундаментальная, и частная) – это наша попытка угадать структуру реальности, и она не может претендовать на 100% достоверности. Речь именно об утверждении, что нормально и правильно – полное отсутствие фундаментальной теории.

Стремление иметь непротиворечивую (а, значит, единую и самосогласованную) модель реальности – экзистенциальная потребность человека. Именно качественное превосходство в моделировании реальности по сравнению с животными сделало человека царем биосферы. Лежащий в основе науки принцип единства мира, по нашему мнению, априорно пропит в человеческой психике (подобно законам логики, понятиям пространства и времени etc.).

Далее, многие критики универсальных теорий сами являются их носителями: либо – попросту не осознавая этого, либо – ввиду идеологической ангажированности⁶. Заявления в стиле «поток данных делает научный метод устаревшим» (Anderson, 2008), «если у вас есть Big Data, Вы можете не иметь экономической теории» (А.С. Дитон, цит. по (Кирдина-Чэндлер, 2023, с. 63)), – признак философского невежества⁷. Это и есть методологический регресс к наивному эмпиризму в духе позитивизма конца XIX в., а то и вовсе – к надеждам Ф. Бэкона, что факты сами «как бы возьмут за руку» ученого и приведут к общим принципам и обобщениям (Бэкон, 1972, с. 133).

Работы, в которых осмысление экономической реальности замещается поиском корреляций в больших массивах данных, действительно становятся в последние десятилетия популярными (Капелюшников, 2018). Но, по нашему мнению, это признак не некоего загадочного «изменения онтологических оснований знания» (Кошовец, Фролов, 2020, с. 52), а простой методологической деградации. В отсутствие теоретической интерпретации, т.е. *модели процесса*, эксплицирующей *смысл связи* коррелируемых переменных, корреляции *per se*, не означают ничего⁸, любой исследователь, занимающийся таким «сугубо эмпирическим анализом данных», на самом деле имеет фундаментальную модель экономической реальности. То, что он этого зачастую не осознает, еще не означает ее отсутствия: как рыбы не замечают воду, а люди – воздух, так и позитивистски настроенные ученые не замечают теоретических моделей, направляющих их при поиске и отборе фактов.

предположить, что наш сторонник множественности истин возмутится: «Обман!» Но обман – это искажение истины; что значит обман, если «истин множество»?

⁶ Возможен и простой эпатаж.

⁷ Это утверждение можно уподобить ситуации, когда прораб заявляет заказчику: если на стройку будет завезено много-много кирпичей, проекта дома можно и не иметь...

⁸ Можно вспомнить хрестоматийный пример М. Алле, указавшего на имевшую место во Франции в первой половине XX в. корреляцию числа лифтов в многоэтажных домах с числом распавшихся семей.

Конкретно в случае современного *economics* – это модель, которая формируется экономическим образованием в стиле *economics*: вера в «эффективность рынков». Как и 50 лет назад, это убеждение формирует теория общего экономического равновесия (ТОЭР), которая по-прежнему является универсальной теорией *неоклассического мейнстрима*. Даже если исследователь, манипулирующий Big Data, не апеллирует к ТОЭР напрямую, эта теория остается основой для его выводов на уровне «модели мира» (т.е. в виде неформализованного набора образов и убеждений, типа убеждений в «эффективности рынков», формализацией которых и является ТОЭР)⁹. Так, апологет «эмпирического поворота» и «горизонтального прогресса» в экономике Д. Родрик, объявляя теоретические модели «баснями», при этом настаивает на наличии у этих басен морали, и мораль эта оказывается для неоклассики апологетической: «...свободные рынки эффективны» (Rodrik, 2015, p. 17).

Наконец, по нашему мнению, построение фундаментальной экономической теории (более фундаментальной, чем теория общего экономического равновесия (ТОЭР), т.е. включающей ТОЭР в качестве частного, хотя и важного, случая) не только возможно, но и не слишком сложно: необходима в основном элиминация из экономической теории рудиментов позитивизма и соблюдение известных логических требований к теоретическому знанию.

КЛАССИФИКАЦИЯ

Первым шагом для интеграции частных теорий в единую фундаментальную концепцию является их *систематизация и классификация*. И уже

⁹ Тезис об «эффективности рынков» лежал в основе монетаризма (в частности) и неоллиберального поворота конца XX в. (в целом). Он по-прежнему составляет парадигмальную основу и «новой макроэкономики», и «нового макроэкономического синтеза», и конструируемых на этой теоретической базе динамических стохастических моделей общего равновесия (DSGE). В эти модели закладывается постулат о стремлении экономики к точке равновесия в будущем, который берется именно из ТОЭР. Поэтому утверждения о якобы маргинализации ТОЭР и тем более о якобы имеющем месте уходе ТОЭР из теоретического ядра неоклассического мейнстрима (Кошовец, 2019, с. 28) мы не считаем верными. Такого рода утверждения, по нашему мнению, есть форма защиты теоретического ядра неоклассического мейнстрима от критики примерно по следующей схеме: «ТОЭР из парадигмального ядра ушла, ее критика беспредметна...» – «А что пришло на ее место?» – «ничего! Универсальная теория вообще не нужна!» См. детальнее (Егоров, Егорова, 2022).

на этом первом шаге во множестве экономических работ обнаруживаются классификации, в которых классы выделяются по *разным* основаниям.

Обратимся к конкретной работе (Баженов, Мальцев, 2018)¹⁰. Все экономические теории в этой работе в соответствии с экспортированным с Запада в 1990-е гг. «стандартом» разделяются на мейнстрим и гетероксальные теории (т.е. все остальные). Вроде бы, это правильное дихотомическое деление: мейнстрим – не мейнстрим. Странность здесь в том, что ни авторами обсуждаемой работы, ни кем бы то ни было еще понятие «мейнстрим» явно не определяется¹¹. Авторы указывают признаки мейнстрима (рациональность, эгоизм, равновесие (Баженов, Мальцев, 2018, с. 8)), но не указывают, являются ли эти три принципа необходимыми и/или достаточными для его идентификации. Затем выясняется (со ссылкой на известную работу Д. Коландера с соавторами (Colander, Holt, Rosser, 2003)), что эти принципы, оказывается, в последние годы меняются на «целенаправленное поведение, просвещенный эгоизм и устойчивость» (Colander, Holt, Rosser, 2003, р. 2). И авторы солидаризируются с заключением Коландера в том, что это якобы делает всю предшествующую критику мейнстрима беспредметной. «Эгоизм» (selfishness), т.е. принцип онтологического индивидуализма, Д. Коландер заменяет на «просвещенный эгоизм» (enlightened self-interest). А что, собственно, это меняет? Главное – что это меняет в теории мейнстрима (и ее выводах)? На этот вопрос не отвечают ни Коландер с соавторами, ни Баженов с Мальцевым. «Равновесие» (equilibrium) заменимо на «устойчивость» (sustainability) – и этой манипуляцией словами закроем от критики все теоретические проблемы мейнстрима?¹² И, опять-таки, что же меняется в неоклассической теории в связи с этой заменой? Впрочем, на следующей странице обсуждаемой работы «ключевой исследовательской характеристикой» мейнстрима становится уже «математическое моделирование различных экономических процессов вплоть до узких и частных случаев» (Баженов, Мальцев, 2018, с. 9).

¹⁰ Работа эта выбрана совсем не потому, что в ней якобы имеется какой-то экстремально высокий уровень нарушения теории классификаций, а, напротив, именно в силу ее типичности.

¹¹ Ввиду отсутствия определения периодически возникают (и длятся годами) дискуссии типа «входит ли в мейнстрим новый институционализм...» etc.

¹² С тем же успехом можно «решить» социальные проблемы, предложив называть коррупционеров «просвещенными эгоистами, склонными к оппортунизму».

Далее Г. Баженов и А. Мальцев рассматривают гетероксальные теории. И вот что предлагается в качестве оснований¹³ для их классификации: старый институционализм и посткейнсианство выделяются по принимаемым онтологическим принципам (холизм, неэргодичность); феминистская экономическая теория и радикальная политэкономия – по социальной проблематике; ротбардианский вариант австрийской школы и эконофизика – по используемым методам. При этом эконофизика по признаку «математическое моделирование различных экономических процессов» соответствует указанной выше «ключевой исследовательской характеристике» мейнстрима (и тогда она должна входить в мейнстрим?), а по своей предметной области (нелинейные процессы в экономике) предполагает принятие принципа неэргодичности и потому может считаться формой посткейнсианства.

ТЕОРИИ

Для социологии экономики предметом исследования является сообщество экономистов, и анкетирование здесь – адекватный метод. Но профессиональное сообщество и теории, в рамках которых оно работает, – не одно и то же¹⁴. Для исследований в области *экономической теории* любые опросы адекватным методом не являются: теоретические проблемы не решаются голосованием и/или апелляцией к авторитетам¹⁵. Экономическая теория как научная дисциплина должна заниматься анализом внутренней структуры экономических теорий (по определению).

Научными (в современном понимании науки) классификации в биологии стали тогда, когда выделения таксонов начали основываться

¹³ Именно так – во множественном числе, что является нарушением общеизвестной нормы логики: на одном классификационном уровне классы должны выделяться по одному основанию.

¹⁴ Такое отождествление в работах экономистов зачастую встречается: «...мейнстрим современной экономической науки представляет собой конгломерат профессиональных экономистов...» (Баженов, Мальцев, 2018, с. 9). Здесь отметим, что мейнстрим – это теория (совокупность теорий), а «конгломерат экономистов» – это множество людей, которые могут признавать эту теорию, но сами они при этом теориями не становятся.

¹⁵ У математиков есть по этому поводу притянутая за уши история: «мнение академика или профессора доказательством теоремы не является». Это не значит, что мы против ссылок на мнения известных ученых при аргументации. Мы против «аргументации», которая, кроме такого рода ссылок, не содержит ничего.

не на внешних признаках, а на внутреннем строении организмов (дельфин и акула внешне довольно схожи, однако дельфин – это млекопитающее, а акула – рыба). То же самое, по нашему мнению, верно и для классификаций научных теорий.

И здесь при знакомстве с работами по экономической теории обнаруживается удивительная вещь – многие авторы имеют весьма смутное представление о структуре научной теории. Вот свежий пример: «За рамки статьи выходит дискуссия об обязательном наличии в теории таких элементов, как постулаты, аксиомы и т.п.» (Пархименко, 2024, с. 89)¹⁶. Но теория (любая) – это дедуктивно организованная совокупность предложений, которые можно разделить на: 1) принимаемые априорно принципы (аксиомы); 2) логически следующие из принципов выводные предложения (теоремы). Так же, как многоэтажное здание не может не иметь фундамента, дерево – корней, автомобиль – двигателя (хотя и фундамент, и корни, и двигатель могут непосредственно и не наблюдаться), *теория не может не иметь исходных предложений*. Это элементарная логическая истина, следующая из закона достаточного основания: в цепочке выводов должно быть как минимум одно предложение, которое в рамках этой цепи дедукций (т.е. теории) не доказывается, оно и будет принципом (аксиомой).

Теории, состоящие только из аксиом и теорем (аксиоматические), составляют математику и логику, а также некоторые разделы физики (термодинамика) и экономики (теория общего экономического равновесия). В большей же части как естественных, так и социо-гуманитарных наук, получение выводных предложений не ограничивается их дедукцией из принципов, но предполагает также операции (мысленные эксперименты, выводы по аналогии etc.) с базовыми (идеальными) моделями предметной области теории. В физике это – идеальные модели абсолютно твердого тела, идеального газа, в экономике – модели *homo oeconomicus*, «идеальный рынок» etc. Модели эти могут задаваться явно или подразумеваются по умолчанию. Но даже при явном задании многие свойства базовых идеальных моделей мыслятся, исходя из наших пространственно-временных интуиций (см. (Степин, 2000, гл. 2)).

По существу, идеальные базовые модели есть неформализованные исходные принципы. Это так-

же следует из закона достаточного основания: если в теории есть какое-то утверждение, не следующее из принципов, то на чем-то оно должно быть основано. А это может быть только неявный принцип (подразумеваемый по умолчанию) или идеальная модель предметной области теории¹⁷. Ввиду того, что все содержание теории следует из принципов, сравнение теорий состоит в анализе совокупностей принципов (как явных, так и неявных), а не того, кто и что по этому поводу говорит и/или какими методами склонен пользоваться. Поэтому для классификации, сравнения, определения области применимости теорий etc. необходима экспликация неявных (подразумеваемых) принципов и базовых моделей теорий.

Чем больше в теории принципов и чем детальнее базовые модели, тем богаче теоретические выводы, но это пропорционально уменьшает число реальных ситуаций, которые им соответствуют. По этой причине наука и строится как иерархическая система из теорий различного уровня общности дающих либо самые общие описания большого числа ситуаций, либо детальные – для узкой группы конкретных ситуаций. Сравнить выводы теории с материальной реальностью (т.е. ее эмпирическая проверка) возможно только опосредованно, через процедуру интерпретации, т.е. установление соответствия между теоретическими и эмпирическими терминами, что требует анализа принимаемых в теории идеализаций. Бессмысленно поэтому сравнивать теории в лоб, на основании того, например, насколько точны предсказания той или иной теории в какой-то конкретной ситуации: требуется предварительно проанализировать, насколько принимаемые в обеих теориях идеализации соответствуют тестовой ситуации¹⁸.

¹⁷ Если все значимые для теории свойства базовой идеальной модели(ей) удастся строго сформулировать в виде принципов, теория из гипотетико-дедуктивной становится аксиоматической и в базовых моделях не нуждается. Однако этот идеал крайне сложно достичь даже в математике: «...Гаусс обратил внимание на то, что Евклид говорит о точках, лежащих *между* другими точками, и о прямых, лежащих *между* другими прямыми, ни словом не обмолвившись о понятии «*лежать между*» и его свойствах. По-видимому, Евклид мысленно представлял геометрические фигуры и использовал в доказательствах теорем свойства реальных фигур, не отраженных в аксиомах» (Клайн, 1984, с. 120).

¹⁸ В качестве иллюстрации вышеизложенного мы позволим себе большую цитату из Дж. Стиглица: «...часто считается, что эмпирическая верификация теории сводится к ее статистической проверке: согласуются ли предсказания теории с фактами... к сожалению, слишком много теорий довольно хорошо проходят по этому критерию: уме-

Ввиду вышеизложенного мы не склонны делить теории на «правильные» и «неправильные». Любая теория правильна для группы ситуаций, которые соответствуют ее принципам. Поэтому так важен вопрос определения *области применения теории* (границ, отделяющих ситуации, где теория применима, от ситуаций, где адекватны другие теории). Ключ к разграничению областей приложения теорий – процедура *приведения принципов теорий к единой согласованной системе понятий*.

Конкретно в экономической теории проблема состоит в том, что экспликация списка принимаемых при построении теории принципов – скорее, исключение, чем правило. Этим зачастую пренебрегают даже весьма компетентные исследователи. Приведем конкретный пример из работы М. Блауга. В своей книге «The Methodology of Economics, or How Economists Explain» он констатирует (со ссылкой на А. Лейонхуфвуда), что между монетаристами и кейнсианцами, очевидно, есть парадигмальные различия: «... следует признать, что сохранение этого противостояния, несмотря на все маневры и контрманевры в обоих лагерях, можно объяснить лишь существованием некоторых глубоких, лежащих в «твердом ядре» разногласий...» (Блауг, 2004, с. 298). Но в чем же заключаются эти разногласия? Чем именно различаются «твердые ядра» монетаризма и кейнсианства? М. Блауг не отвечает на эти вопросы; более того, он их даже не ставит (!).

Ранее нами было проведено исследование, посвященное выявлению принципов основных направлений современной экономической теории и приведению их к единой согласованной системе понятий (Егоров, Егорова, 2021, с. 35).

Мы не утверждаем, что предложенное в этой работе «методологическое эсперанто» для экономической теории является исчерпывающим (тем более – единственно возможным). Работу такого

лий выбор статистических методов, источников данных и периодов позволил многим экономистам показать, что их теории не только выдерживают проверку, но и обладают преимуществами... Но о достоверности теории следует судить не по тому, что одно или два из ее предсказаний нашли эмпирическое подтверждение, а по тому, подтвердились ли все ее предсказания» (Стиглиц, 1997, с. 72; курсив – наш). Мы полностью согласны с мыслями Дж. Стиглица, предшествующими выделению курсивом. Что же касается выделенного курсивом тезиса, то без оговорок о предварительном определении области реальности, которую моделирует теория, он просто неверен. Любая теория есть модель, а модель не может быть богаче оригинала; поэтому в реальности всегда можно найти контрпример для любой теории. И, напротив: если при построении теории не допущено логических ошибок, в рамках своего проблемного поля теория всегда соответствует фактам.

рода можно и нужно продолжать. Однако мы действительно считаем, что научная классификация, а затем и интеграция частных теорий в единую иерархическую схему (т.е. решение проблемы единства экономической теории) возможна в рамках именно такого подхода. Точнее, мы считаем, что это – единственный адекватный путь для интеграции экономической теории.

ОПРЕДЕЛЯЕТ ЛИ МЕТОДОЛОГИЯ АКСИОМАТИКУ?

Существует мнение, что «...во многих случаях методология определяет выбор аксиоматики, а не наоборот...» (Либман, 2007, с. 36). Мы считаем этот тезис неверным (и также следствием смещения проблематики социологии экономики и экономической теории). Конкретный исследователь, конечно, может выбирать для себя область исследований с учетом своих профессиональных навыков. Но аксиоматика теории не может зависеть от методов, потому что *задачи определяют методы*, а не наоборот. Если кто-либо начинает построение теории с методологических принципов, то, по нашему мнению, естественно задать встречный вопрос: почему, по какому критерию выбраны именно эти методологические принципы? По мнению автора, этими критериями являются представления об онтологии экономической системы и принимаемая модель человека¹⁹.

Казалось бы, неоклассическая революция в экономической теории (которую зачастую именуют маржиналистской революцией) является примером того, как метод (маржинальный, или предельный, анализ) определяет аксиоматику. Именно для того, чтобы в рамках экономической теории стало возможным применение предельного анализа, основоположники неоклассики постулировали откровенно нереалистичные свойства экономического субъекта: «Основные свойства экономического субъекта у маржиналистов выбраны так, чтобы обеспечить однозначное решение задачи на максимизацию полезности» (Автономов, 1993, с. 32). Но здесь мы зададим вопрос следующего уровня: а почему вообще потребовалось обращение к маржинальному анализу? Это что – ценность *per se*? Причина этого обращения – в том, что сутью неоклассической революции был отказ от рассмотре-

¹⁹ Почему строятся высотные здания? Потому что есть высотные краны и бригады монтажников-высотников? Или все же высотные здания строятся по соображениям престижа и экономии (ввиду дороговизны земли в больших городах), а техника и монтажники-высотники есть орудия для достижения этих целей?

ния экономики как целостной системы, т.е. принятие *онтологического* принципа субъективизма или индивидуализма (в рамках мейнстрима он именуется индивидуализмом методологическим²⁰) и вытекающий из этого отказ от стоимостного подхода (поскольку стоимость – свойство системное). Отказ от использования категории стоимости – это, по сути, отказ от объективной меры. По этой причине ряд экономистов второй половины XIX в., искавших способ построения экономической теории на субъективистской основе, обратились к предельному анализу и *вследствие этого* приняли ряд технических принципов, необходимых для его применения²¹.

Также отметим, что характеристика распространения неоклассической школы как маржиналистской революции – относительно позднее клише. Ранее этот процесс назывался именно субъективной революцией: «...работы Уильяма Стенли Джевонса, Карла Менгера и Леона Вальраса ... произвели переворот, получивший позднее название «субъективной» революции...» (Хайек, 1992, с. 169).

О НЕКОНСТРУКТИВНОСТИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ АПРИОРИЗМА И ЭМПИРИЗМА

Еще одним источником фрагментации экономической теории является ложная методологическая дилемма: противопоставление гипотетико-дедуктивного метода («априоризма») конкретно-историческому (эмпирическому). В ее основе – позитивистские представления, что при исследованиях исторически конкретных экономических систем применяются принципиально иные процедуры (сбор и обобщение фактов), чем при гипотетико-дедуктивном построении универсальных теорий, а потому это принципиально разные методы. Хотя позитивизм как философия науки уже давно стал историей, у вышеозначенной

искусственной коллизии есть немало сторонников и в XXI в. Так, в работах В.М. Ефимова (Ефимов, 2016) содержится критика мейнстрима как аксиоматизированной и математизированной теории (отчего, якобы, мейнстрим и неадекватен экономической реальности) и призыв вернуться к методологии Г. Шмоллера, т.е. к «конкретным теориям с опорой на факты» и т.д. По этому поводу мы отметим следующее.

1. Как ясно показал еще в первой половине XX в. К. Поппер, выведение принципов индуктивно (общего через единичное) не то чтобы сложно или «неэффективно», а невозможно. Никакой логической процедуры «индуктивного вывода», т.е. перехода от множества единичных высказываний к общему высказыванию, просто не существует: объединение любых единичных высказываний в какое-либо множество *уже подразумевает общее* как основание для такого объединения (Поппер 1983, с. 88–93, 124–126)²². «Индукцией» по факту именуют процесс *поиска гипотезы*, согласующейся с имеющимися фактами, и этот процесс является не формальным логическим выводом, а интуитивной догадкой, в принципе не формализуемой²³.

2. Наука – это иерархия теорий от предельно общих (универсальных) до частных (которые выводятся из теорий универсальных путем добавления частных принципов и определения конкретных граничных условий с целью объяснения каких-то конкретных фактов и ситуаций). Противопоставление общих (и потому абстрактных) и конкретных теорий – это «противопоставление» разных уровней единой иерархии. И абстрактные, и конкретные теории в принципе устроены одинаково, отличаются они только числом и степенью детальности исходных принципов.

Так, в механике есть множество конкретных моделей и частных теорий, но никому и в голову не придет противопоставлять их абстрактным законам Ньютона (тем более – именовать конкретные теории «индуктивными»). Иными словами, «методологического противопоставления» конкретных законов Кеплера (описывающих движение планет вокруг Солнца) и абстрактных законов Ньютона в механике и астрономии не существует: законы Кеплера есть одно из частных следствий законов Ньютона. Полагаем, что если бы вдруг случилась встреча Кеплера с Ньютоном, никакого «методологического спора» между ними не возникло бы.

²² Исследования в области философии науки после Поппера определенно свидетельствуют о том, что никто с тех пор его аргументы не опровергнул; см., например (Степин, 2000).

²³ Детальнее см. (Егоров, 2022).

²⁰ Термин «методологический индивидуализм» – еще один рудимент позитивизма в экономической теории: следствие декларированного основоположниками позитивизма стремления избавиться в науке от метафизики (онтологии), ввиду чего очевидно онтологический принцип и был переименован в «методологический».

²¹ Отметим также, что если бы дело было именно в стремлении применить в экономической теории предельный анализ, то необходимости в отказе от категории «стоимость» не было бы: маржинализм как метод вполне совместим со стоимостным подходом. А вот позиция субъективизма (отказа от стоимостного подхода) практически принуждает применять предельный анализ. Детальнее об этом см.: (Егоров, 2016).

Однако в историю экономической науки вошел происходивший в 1880-е гг. «спор о методах» между К. менгером и Г. Шмоллером, представлявших соответственно маржинализм и немецкую историческую школу. При этом:

а) спор этот зачастую интерпретируется как сугубо *методологическая* коллизия: столкновение между дедуктивным и индуктивным методами («строгого и «реалистичного» канонов» см. (Автономов, Автономов 2016, с. 60));

б) ни к какому конструктивному итогу «спор о методах» не привел: никакого целостного, интегрального взгляда на экономическую теорию в результате дискуссии не возникло.

Причина (б) в определенной степени была в методологической ограниченности спорящих: из двух принципиальных (и одинаково важных) стратегий проверки достоверности знания (выбор как можно более очевидных исходных принципов, и эмпирическая проверка теории) каждый догматически отстаивал только одну. Иными словами, в методологическом аспекте дискуссии позицию «или – или» следовало заменить на «и – и».

Однако была и вторая причина, ввиду которой два выдающихся мыслителя категорически отказались понимать друг друга: спор между К. Менгером и Г. Шмоллером был спором не только методологическим, но и *онтологическим*: его участники были сторонниками *разных парадигм*.

СКОЛЬКО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПАРАДИГМ

Прежде всего уточним значение понятия «*парадигма*». Если верить утверждениям авторов многочисленных работ об основаниях экономической теории, экономические парадигмы исчисляются десятками. По существу, понятие «*парадигма*» стало синонимом любой теории, претендующей хоть на какую-то универсальность. Например, Я. Корнай трактовал неоклассическую школу, неoinституционализм и школу эволюционной экономики как разные парадигмы, которые «последовательно сменяли друг друга» (Корнай, 1999). Однако если трактовать понятие парадигмы в духе Т. Куна, который, собственно, и вернул это понятие в науку и философию в своей известной работе (Kuhn, 1962), тогда разные парадигмы – это не просто две любые теории, отличающиеся какими-то принципами (пусть даже теории фундаментальные). Важнейшим свойством парадигм, по Куну, является их *несоизмеримость*: две разные парадигмы – это две системы убеждений (априорных принципов и базовых моделей) относительно предметной области научной дисциплины, *несовместимые* между со-

бой. Если же теории, созданные в рамках разных научных школ, имеют сопоставимый (сводимый один к другому или хотя бы не взаимоисключающий) набор принципов, то они принадлежат к одной парадигме, даже если различаются методически или по своим практическим рекомендациям.

Поэтому при трактовке понятия парадигмы в духе Т. Куна²⁴ неоклассическую школу, неoinституционализм и школу эволюционной экономики (в понимании Р. Нельсона и С. Уинтера²⁵) нельзя считать разными парадигмами. Поясним нашу позицию аналогией с механикой: очевидно, что рассмотрение движущегося тела как материальной точки; учет или абстрагирование от трения; рассмотрение движения равномерного или с ускорением все это не есть разные парадигмы. Это разные степени абстрагирования при описании физической реальности, но в рамках единой парадигмы классической механики, поскольку они не имеют между собой логических и/или онтологических противоречий.

Возвращаясь к экономической теории: ТОЭР (парадигмальное ядро неоклассики и «новой классики») есть наиболее абстрактный уровень рассмотрения экономических систем. В неoinституциональном подходе принимаются во внимание явления «институционального трения» etc. Наконец, в эволюционном подходе рассматриваются динамические аспекты эволюции экономических систем. Ни одна из этих фундаментальных теорий не содержит принципов, несовместимых с принципами двух других теорий так, сам Р. Коуз неоднократно подчеркивал, что при нулевых транзакционных издержках его концепция переходит в ТОЭР²⁶.

В рамках проведенного нами ранее сравнительного исследования принципов основных направлений современной экономической теории мы выделили четыре пары несовместимых между собой принципов (Егоров, Егорова, 2021, с. 39). По этому критерию основные направления современной экономической теории ясно разделились на две парадигмы, определенные нами как классическая и неоклассическая (табл. 1).

²⁴ Мы считаем, что именно так следует поступать, иначе мы будем иметь простое умножение терминологии. Впрочем, мы совсем не против, если кто-то использует понятие парадигмы в интерпретации Я. Корнай (и любой иной). В то же время понимание парадигмы не по Куну, по нашему мнению, желательно обозначать явно.

²⁵ Эволюционную экономику в трактовке В.И. Маевского (1999) мы не считаем развитием неоклассического подхода.

²⁶ Детальнее о критике тенденции избыточного выделения парадигм см. (Егоров, Егорова, 2021; Егоров, 2021).

Таблица 1. Онтологические принципы, лежащие в основе выделения парадигм экономической теории

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА	КЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
Онтологический индивидуализм	Онтологический холизм
Объективной меры ценности нет (субъективизм)	Существует объективная мера ценности (стоимость)
Равновесность рынка	Неравновесность рынка
Эргодичность	Непредсказуемость будущего

Практически весь мейнстрим современной экономической теории соответствует неоклассической парадигме²⁷. Оппозицию неоклассической парадигме в настоящее время составляют посткейнсианство²⁸, неорикардизм и неомарксизм, парадигмально несовместимые с мейнстримом. Они представляют вторую главную парадигму экономической теории²⁹. Все остальные принципы, выявленные нами при исследовании оснований современных экономических теорий (Егоров, Егорова, 2021, с. 35), совместимы с обоими подходами³⁰.

Почему в экономике последние 150 лет сосуществуют эти две парадигмы? В общем случае новые парадигмы появляются в науке в ответ на новые факты, которые не укладываются в старые теории. Тем не менее в случае появления неоклассической теории никаких принципиально новых фактов и явлений в экономике во второй половине XIX – начале XX в. не открылось. Скорее, наоборот: процессы монополизации рынков США и Европы создали ситуацию очевидного рассогласования модели «идеального рынка», который «стремится к оптимальному равновесию», с хозяйственной практикой.

Неоклассическая субъективистская научная революция в экономике – это следствие формирования и институализации индивидуалистической идеологии либерализма иными словами, это реакция на трансформацию западного общества из традиционного в «открытое», в понимании К. Поппера (Popper, 1945) – общество индиви-

дуумов³¹. Для традиционного общества естественен целостный (холистический) взгляд на социум, и, соответственно, задача нахождения «справедливых» цен (стоимостей) для классической школы экономической теории (политэкономии) является одной из центральных. А с точки зрения индивидуализма эта задача становится бессмысленной. Так, В. Парето уже в начале XX в. заявил, что любой искатель источника и сущности стоимости демонстрирует лишь свое невежество и непонимание сути экономического равновесия (Pareto, 1909, р. 246). Таким образом, причина, по которой в экономике последние 150 лет сосуществуют две парадигмы, состоит в том, что все это время идет борьба двух глобальных социально-идеологических проектов: либерального и социалистического (являющегося, по сути, секулярным вариантом мировоззрения традиционного общества на индустриальном этапе развития).

Возвращаясь к спору между К. Менгером и Г. Шмоллером, заметим, что первый был носителем либерального мировоззрения, а второй – традиционного (приоритет интересов государства над интересами индивида), отчего «спор о методах» ни к какому конструктивному итогу и не привел. Спустя полтора века ситуация во многом остается прежней. Так, В.Л. Тамбовцев (Тамбовцев, 2020) отметил существование многолетнего острейшего конфликта между сторонниками «методологического индивидуализма» и «методологического холизма», который доходит до взаимных оскорблений. Причина непродуктивности таких споров в значительной степени состоит в том, что участ-

²⁷ Исключением является неонавстрийская школа, не принимающая гипотезу эргодичности. В остальном она парадигмально и идеологически примыкает к мейнстриму.

²⁸ Приставку «пост-», по нашему мнению, вполне допустимо убрать – именно посткейнсианцы развивают идеи Дж. Кейнса. Детальнее см. об этом ниже.

²⁹ В двух вариантах: применяющих категорию «стоимость» и ее не использующих (посткейнсианство).

³⁰ То, с какой легкостью вошли в мейнстрим неоинституционализм, экспериментальная экономика и т.д., и есть свидетельство того, что разница аксиоматик этих подходов с неоклассической – в трактовке Эрроу–Дебре – не парадигмально.

³¹ Зачастую можно встретить утверждение, что либерализм есть следствие «рынка» так, К. Крауч определил либерализм как «базовое предпочтение рынка государству» (Крауч, 2012, с. 28). Мы же считаем, что в такой интерпретации причина перепутана со следствием. Первичны индивидуалистические убеждения, а симпатии к «рынку» – их следствие: «В зависимости от доминирования тех или иных ценностей в общественном сознании мы можем ожидать воплощения определенных типов государственного устройства... если в обществе доминируют индивидуалистические (либеральные) ценности, то определяющей силой регулирования общественной жизни в условиях рыночной экономики становится «невидимая рука рынка»» (Клейнер, 2024, с. 11).

ники зачастую не осознают: это спор не столько о методологии, сколько о метафизических (онтологических) принципах.

ВОЗМОЖНА ЛИ ИНТЕГРАЦИЯ ДВУХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ?

По нашему мнению, она, конечно, возможна. Более того, последние 70 лет попытки такой интеграции предпринимались неоднократно: в форме ряда попыток синтеза микро- и макроэкономики. Неоклассическая парадигма до начала XXI в. была представлена почти исключительно микротеориями (постулирующими равновесие или стремление к оному); классическая парадигма в XX в. была представлена в основном макротеориями (предметом изучения которых являются в первую очередь неравновесные ситуации). Здесь возможны две принципиальных стратегии:

а) считать общим случаем ситуацию равновесия и стремиться включить неравновесную макроэкономику в это общее описание как особый частный случай;

б) считать общим случаем ситуацию отсутствия равновесия, а это предполагает: i) разработку микрооснований для неравновесной макротеории³² и ii) включение равновесной микроэкономики в общую теорию как особого (хотя и важного) частного случая.

Принципиальная проблема современной экономической теории в том, что частный, особый, случай равновесного рынка, описываемый ТОЭР, выдается за общий. В результате все варианты объединения микро- и макротеории, включая провозглашенный в 2008 г. М. Вудфордом новый неоклассическо-новокейнсианский синтез (Woodford, 2009), были реализацией стратегии (а).

Причины этого – не только собственно научные, но также и идеологические.

С конца XIX в. неоклассическая теория используется для идеологической апологетики рыночной экономики: «доказательства» ее оптимальности и справедливости³³. Эту роль она сохраняет вплоть

до настоящего времени, являясь важным гуманитарным компонентом «мягкой силы» Запада.

Отдельного упоминания заслуживает такое важнейшее для современного мирового финансово-экономического порядка обстоятельство, как обоснование легитимности резервных валют без эталона. То, что отмена золотого эталона доллара стала мыслимой, а затем и возможной, – прямое следствие десятилетий господства неоклассических представлений об отсутствии объективной ценности у какого-либо товара³⁴.

Неопределенность в понимании того, что же представляет собой экономический мейнстрим, настолько велика, что существуют «определения», просто указывающие на список ведущих западных экономических журналов, публикации в которых как раз и представляют собой это самый мейнстрим: «...мейнстрим может быть прагматически определен через анализ работ, выходящих в небольшом числе ведущих журналов (прежде всего «American Economic Review», «Quarterly Journal of Economics»...)» (Либман, 2007, с. 43).

От этого тезиса всего один шаг до того, чтобы определить мейнстрим как совокупность теорий, идеологически обосновывающих «правильность» современного мирового финансово-экономического порядка. Этот шаг, по существу, сделал, например, такой известный экономист, как Дж. Стиглиц, констатировавший, что «...западные экономисты уже давно не столько ученые, сколько «группа поддержки капитализма»» (Стиглиц, 2011, с. 288)³⁵.

Мы считаем, что положению дел в реальных экономических системах соответствует стратегия (б), а потому именно она и должна быть основой парадигмального синтеза в экономической науке. В этом мнении мы, впрочем, не оригинальны: эта основополагающая идея была сформулирована Дж. Кейнсом в первом же абзаце его *opus magnum*: «...постулаты классической (Дж. Кейнс называ-

эксплуатации в рыночной экономике: «Каждый фактор производства получает ту сумму богатства, которую этот фактор создает» (Кларк, 2000, с. 46).

³⁴ Если ценность любого товара определяется соотношением спроса и предложения, а деньги – тоже товар, пусть и особый, – ценность денег тоже можно определять соотношением спроса и предложения. Более того, так поступать следует, ибо это «теоретически правильно». См. (Егоров, 2016, с. 36).

³⁵ По нашему мнению, отмеченная в первой части настоящей работы тенденция пренебрегать в *economics* рядом логических требований к теоретическому знанию в определенной степени есть форма защиты твердого ядра мейнстрима. Этот тезис нами детально обоснован в (Егоров, Егорова, 2022).

³² Макроэкономика в современном смысле этого слова была создана Дж. Кейнсом: а) на основе представления об экономике как принципиально неравновесной системе; б) под лозунгом «конец *laissez faire*». В то же время микрооснования своего подхода Кейнсом не были описаны в явной форме, что, по нашему мнению, и привело кейнсианство к глубокому теоретическому кризису.

³³ Уже в работе 1899 г. «Распределение богатства» Дж.Б. Кларк на основе неоклассического тезиса о соответствии доходов от факторов труда их предельной производительности дал «обоснование» невозможности

ет здесь «классикой» то, что сейчас именуется «неоклассикой») теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономи-

ческого общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» (Кейнс, 1993, с. 224).

Наш вариант пролегоменов к такому синтезу мы предложили в работе (Егоров, Егорова, 2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С. (1993). Человек в зеркале экономической теории. М.: Наука.
- Автономов В.С. (2013). Абстракции в экономической науке // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 160–162.
- Автономов В.С. (2024). Судьба «больших теорий» в экономической науке // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 96–105. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105
- Автономов В.С., Автономов Ю.В. (2016). Общая теория «споров о методах» в экономической науке // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–20. EDN: WNRXUP
- Баженов Г., Мальцев А. (2018). Современные гетеродоксальные направления экономической теории в контексте трансформации мейнстрима // Общество и экономика. № 1. С. 5–21. EDN: YMCMFP
- Блауг М. (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики».
- Бэкон Ф. (1972). Новый Органон. Новая Атлантида // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.
- Егоров Д.Г. (2016). Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 35–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-35-41
- Егоров Д.Г. (2021). Сколько парадигм в экономической теории, и может ли она стать наукой с одной парадигмой // Общественные науки и современность. № 5. С. 129–142. DOI: 10.31857/S086904990017287-7
- Егоров Д.Г. (2022). Откуда берутся принципы // Философия науки. № 1. С. 21–31. DOI: 10.15372/PS20220102
- Егоров Д.Г., Егорова А.В. (2020). О построении неравновесной микротeorии // Общество и экономика. № 2. С. 18–33. EDN: EDZKFA
- Егоров Д.Г., Егорова А.В. (2021). Сколько парадигм в экономической науке? // Общество и экономика. № 2. С. 31–42. DOI: 10.31857/S020736760013635-7
- Егоров Д.Г., Егорова А.В. (2022). О методологии основного течения современной экономической теории // Век глобализации. № 1. С. 111–125. DOI: 10.30884/vglob/2022.01.08
- Ефимов В.М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методологии, история и исследовательские практики. М.: ИНФРА-М.
- Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Куда движется современная экономическая наука? М.: Институт экономики РАН. С. 8–33.
- Кейнс Дж.М. (1993). Общая теория занятости, процента и денег // Избранные произведения. М.: Экономика. С. 224–518.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов // AlterEconomics. № 1. С. 59–78. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4
- Клайн М. (1984). Математика. Утрата определенности. М.: Мир.
- Кларк Дж.Б. (2000). Распределение богатства. М.: Гелиос АРВ.
- Клейнер Г.Б. (2024). Экономические парадигмы, общественная этика, социально-экономические институты: динамика и взаимосвязь // Экономическая наука современной России. № 2. С. 7–16. DOI: 10.33293/1609-1442-2024-2(105)-7-16
- Корнаи Я. (1999). Системная парадигма // Общество и экономика. № 3–4. С. 85–96.
- Кошовец О.Б. (2019). «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технонаукой: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Кошовец О.Б., Фролов И.Э. (2020). Наука в опасности или (техно)наука становится опасной? // Эпистемология и философия науки. Т. 57. № 1. С. 51–58. DOI: 10.5840/eps20205716
- Крауч К. (2012). Странная не-смерть неолиберализма. М.: Дело.
- Либман А. (2007). Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. № 3. С. 36–54. DOI: 32609/0042-8736-2007-3-35-54
- Маевский В.И. (1999). Эволюционная теория и неравновесные процессы // Экономическая наука современной России. № 4. С. 45–62.
- Пархименко В.А. (2024). Второй парадокс Леонтьева: экономическая теория или экономическая инженерия? // Вопросы экономики. № 2. С. 84–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-84-102
- Поппер К. (1983). Логика научного исследования // Логика и рост научного знания. М.: Прогресс. С. 33–235.
- Степин В.С. (2000). Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция.
- Стиглиц Дж. (1997). Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство // Мировая экономика и международные отношения. № 5. С. 64–72.

- Стиглиц Дж. (2011). Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо.
- Тамбовцев В.Л. (2020). Непродуктивность попыток методологического синтеза // Вопросы теоретической экономики. № 3. С. 7–31. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10301
- Хайек Ф. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.
- Anderson C. (2008). The end of theory: The data deluge makes the scientific method obsolete. URL: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/> (access: 19.11.2024).
- Colander D., Holt R., Rosser B. (2003). The Changing Face of Mainstream Economics. Middlebury College Economics Discussion. Paper no. 03–27. URL: <http://community.middlebury.edu/~colander/articles/Changing%20Face%20of%20Mainstream%20Economics.pdf> (access: 19.11.2024).
- Kuhn T.S. (1962). The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press.
- Pareto V. (1909). Manuel d'Économie Politique. Paris: Giard & Briere.
- Popper K. (1945). The open society and its enemies. Vol. 1–2. London: Routledge.
- Popper K. (1972). Objective knowledge: An evolutionary approach. London: Oxford University Press.
- Rodrik D. (2015). Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. New York: W.W. Norton.
- Woodford M. (2009). Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis. American Economic Journal: Macroeconomics, no. 1, pp. 267–279.
- Avtonomov V.S. (1993). *Man in the Mirror of Economic Theory*. Moscow: Nauka (in Russ.)
- Avtonomov V.C. (2013). Abstractions in Economics. *Journal of the New Economic Association*, no. 4, pp. 160–162 (in Russ.)
- Avtonomov V.S. (2024). The Fate of «Grand Theories» in Economic Science. *Issues of Economic Theory*, no. 1, pp. 96–105 (in Russ.) DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_96_105
- Avtonomov V.S., Avtonomov Yu.V. (2016). The general theory of «disputes about methods» in economics. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 4, pp. 5–20 (in Russ.) EDN: WHRXUP
- Bazhenov G., Maltsev A. (2018). Modern heterodox directions of economic theory in the context of mainstream transformation. *Society and Economy*, no. 1, pp. 5–21 (in Russ.) EDN: YMCMFP
- Blaug M. (2004). *The Methodology of economics, or How economists explain*. Moscow: Zhurnal «Voprosy Ekonomiki» (in Russ.)
- Bacon F. (1972). New Organon. New Atlantis. In: *Essays*. In 2 vols. V. 2. Moscow: Mysl (in Russ.)
- Egorov D.G. (2016). Neoclassics vs Classics: whether there is in the Economic Theory the Third Way? *World Economy and International Relations*, no. 6, pp. 35–41 (in Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-35-41
- Egorov D. (2021). How Many Paradigms There are in Economic Theory – and Can It Become a One-Paradigm Science. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 129–142 (in Russ.) DOI: 10.31857/S086904990017287-7
- Egorov D.G. (2022). Where the Principles Come From. *Philosophy of Science*, no. 1, pp. 21–31 (in Russ.) DOI: 10.15372/PS20220102
- Egorov D.G., Egorova A.V. (2020). On the Construction of a Non-Equilibrium Microtheory. *Society and Economy*, no. 2, pp. 18–33 (in Russ.) EDN: EDZKFA
- Egorov D.G., Egorova A.V. (2021). How many paradigms are there in economics? *Society and Economy*, no. 2, pp. 31–42 (in Russ.) DOI: 10.31857/S020736760013635-7
- Egorov D.G., Egorova A.V. (2022). On the methodology of the modern mainstream economic theory. *Age of Globalization*, no. 1, pp. 111–125 (in Russ.) DOI: 10.30884/vglob/2022.01.08
- Efimov V.M. (2016) Economic science in question: other methodology, history and research practices. Moscow, IN-FRA-M (in Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2018). On the current state of economic science: semi-sociological observations. *Where is modern economic science moving?* Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, pp. 8–33 (in Russ.)
- Keynes J.M. (1993). General Theory of Employment, Interest and Money. *Collected works*. Moscow: Ekonomika, pp. 224–518 (in Russ.)
- Kirdina-Chandler S.G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics*, no. 1, pp. 59–78 (in Russ.) DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4
- Klain M. (1984). *Mathematics. Loss of certainty*. Moscow, Mir (in Russ.)
- Clarke J.B. (2000). *The distribution of wealth. A theory of wages, interest and profits*. Moscow: Gelios ARV (in Russ.)
- Kleiner G.B. (2024). Economic paradigms, public ethics, socioeconomic institutions: dynamics and relationships. *Economics of Contemporary Russia*, no. 2, pp. 7–16 (in Russ.) DOI: 10.33293/1609-1442-2024-2(105)-7-16
- Kornai J. (1999). System Paradigm. *Society and Economy*, no. 3–4, pp. 85–96 (in Russ.)
- Koshovets O.B. (2019). «Horizontal Progress» of Economic Science: Between Constructed Reality and Technoscience. Moscow: Institute of Economics, RAS (in Russ.)
- Koshovets O.B., Frolov I.E. (2020). Is science in danger or is (techno)science becoming? *Epistemology & Philosophy of Science*, no. 1, pp. 51–58 (in Russ.) DOI: 10.5840/eps20205716
- Crouch C. (2012). The strange non-death of neoliberalism. Moscow: Delo (in Russ.)
- Libman A. (2007). Modern economic theory: the main trends. *Voprosy Ekonomiki*, no. 3, pp. 36–54 (in Russ.) DOI: 32609/0042-8736-2007-3-35-54
- Majevsky V.I. (1999). Evolutionary Theory and Nonequilibrium Processes. *Economics of Contemporary Russia*, no. 4, pp. 45–62 (in Russ.)

- Parkhimenko V.A. (2024). The second Leontief Paradox: Economic theory or economic engineering? *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 84–102 (in Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-84-102
- Popper K. (1983). The Logic of Scientific Discovery, pp. 33–235. In: Popper K. *The Logic and Growth of Scientific Discovery*. Moscow: Progress (in Russ.)
- Stepin V.M. (2000). *Theoretical knowledge*. Moscow: Progress-Traditio (in Russ.)
- Stiglitz J. (1997). Alternative approaches to macroeconomic: Methodological problems and New Keynesianism. *World Economy and International Relations*, no. 5, p. 64–72 (in Russ.)
- Stiglitz J. (2011). *A Steep Dive: America and New Economic Order after the Global Crisis*. Moscow: EKSMO (in Russ.)
- Tambovtsev V.L. (2020). The Unproductiveness of Attempts at Methodological Synthesis. *Issues of Economic Theory*, no. 3, pp. 7–31 (in Russ.) DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10301
- Hayek F. (1992) *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. Moscow: Novosti (in Russ.)
- Anderson C. (2008). *The end of theory: The data deluge makes the scientific method obsolete*. URL: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/> (access: 19.11.2024).
- Colander D., Holt R., Rosser B. (2003). The Changing Face of Mainstream Economics. *Middlebury College Economics Discussion*. Paper no. 03–27. URL: <http://community.middlebury.edu/~colander/articles/Changing%20Face%20of%20Mainstream%20Economics.pdf> (access: 19.11.2024).
- Kuhn T.S. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Pareto V. (1909). *Manuel d'Économie Politique*. Paris: Giard & Briere.
- Popper K. (1945). *The open society and its enemies*. Vol. 1–2. London: Routledge.
- Popper K. (1972). *Objective knowledge: An evolutionary approach*. London: Oxford University Press.
- Rodrik D. (2015). *Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science*. New York: W.W. Norton.
- Woodford M. (2009). Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis. *American Economic Journal: Macroeconomics*, no. 1, pp. 267–279.

ВЛИЯНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

© Стрюцкий Ф.В., 2025

Стрюцкий Фёдор Вячеславович, консультант по вопросам организации и управления производственными комплексами, Самара, Россия
stru1967@mail.ru

Статья поступила: 07.09.2024, принята к печати: 04.03.2025

Оригинальная статья

Аннотация. Предметом настоящего исследования является механизм влияния эстетического фактора на уровень удовлетворенности трудом и установки работников в отношении труда. Объект исследования – социокультурная сфера предприятия в контексте ее взаимодействия с другими подсистемами. Целью статьи является теоретико-методологическое обобщение результатов эмпирического анализа, проведенного в ходе проверки гипотезы о значимости эмоционального компонента в эффективности труда работников. Исследование затрагивает вопросы экономики, социологии, культурологии, аксиологии и других дисциплин. Основные выводы получены в области их пересечения. Актуальность работы обусловлена отсутствием принципиального решения проблемы эффективности труда на микроуровне. Ее научная новизна состоит в формулировании и эмпирической проверке механизма влияния эстетического переживания на эффективность труда работника. Основу работы составили эмпирические данные, полученные в результате лонгитюдного исследования, проведенного 2001–2003 гг. на действующем производственном предприятии, в процессе реализации антикризисных мер. Таким образом, статья содержит и методологические обобщения, и описание конкретного опыта их применения. Основными методами исследования стали закрытый и открытый массовые анкетные опросы, фокус-группы, а также численная интерпретация экспертных мнений. Эмпирический анализ динамики производительности труда и трудовых установок во всех профессиональных группах обнаружил устойчивый корректирующий эффект эстетических воздействий на изменение в лучшую сторону эмоционального отношения к работе и позитивную переоценку ожиданий работников. В ходе исследования получены следующие результаты: разработана модель коррекции трудовых установок посредством эстетических воздействий; определены условия результативности предложенного подхода и его ограничения.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом, социальная коммуникация, трудовые установки, социокультурные измерения.

Классификация JEL: M14, M54, Z10

Для цитирования: Стрюцкий Ф.В. (2025). Влияние эстетических факторов на производительность труда // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 1. С. 34–46. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-34-46](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-34-46). EDN: HGZBVB

[https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-34-46](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-34-46)

EDN: HGZBVB

THE IMPACT OF AESTHETIC FACTORS ON LABOR PRODUCTIVITY

© Stryutskiy F.V., 2025

Fyodor V. Stryutskiy, consultant on organization and management of production complexes, Samara, Russia
stru1967@mail.ru

Received: 09/07/2024, Accepted: 03/04/2025

Original article

Abstract. The subject of study is the mechanism of influence of aesthetic factor on job contentment and attitude to labor. The object of study is the socio-cultural sphere of the enterprise in the context of its interaction with other subsystems. The purpose of the article is a theoretical and methodological generalization of the results of the empirical analysis carried out during testing the hypothesis of the significance of the emotions in the labor productivity. The research touches upon issues of economics, sociology, cultural studies, axiology and other disciplines. The main conclusions were obtained around their intersection. The relevance of the study is due to the fundamental uncertainty of labor efficiency problems at the corporate level. The supposed scientific novelty lies in the formulation and empirical verification of the mechanism of influence of the aesthetic perception on labor efficiency. The work was based on empirical data obtained in a longitudinal study conducted in 2001–2003 at a manufacturing enterprise implementing anti-crisis measures. Thus, the article contains both methodological generalizations and a description of the specific experience of their application. The main research methods were closed and open questionnaire surveys, focus groups, as well as numerical interpretation of expert opinions. An empirical analysis of labor productivity dynamics and labor attitudes in all professional groups revealed a sustainable effect of aesthetic actions on a change for the better in the emotional attitude to work and a positive revaluation of employee expectations. The following results were obtained during the study: a model for correcting attitudes to labor through aesthetic influences was developed; the conditions for achieving effectiveness and the limitations of the proposed approach were determined.

Keywords: job satisfaction, social communication, attitudes to labor, sociocultural measurement

Classification JEL: M14, M54, Z10

For reference: Stryutskiy F.V. The impact of aesthetic factors on labor productivity. *Economics of Contemporary Russia*. 2025;28(1):34–46. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-34-46](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-34-46). EDN: HGZBVB

ВВЕДЕНИЕ

Задачу повышения эффективности использования ограниченных ресурсов для создания потребительских благ можно считать одной из центральных в хозяйственной практике. Имея глубокие исторические корни, эта проблема будет актуальной и в перспективе. В соответствии с доминирующим представлением о поступательном в целом развитии системы хозяйствования (например, о прогрессе – как росте многообразия и объемов материальных благ), экономическая наука сформировала большой корпус концепций и объяснений механизмов и движущих сил, определяющих эффективность производства. Наиболее общими подходами, показывающими действенность на длительном интервале наблюдений, можно считать развитие способов организации труда (разделения труда на всех уровнях – от операций на рабочем месте до страновой специализации) и внедрения достижений научно-технического прогресса (НТП). Известными ограничениями являются, как минимум, физические пределы разделения труда и нарастающая неравномерность распределения эффектов от достижений НТП, что позволяет утверждать: строгое решение проблемы эффективности (в том числе и производительности труда) отсутствует.

Настоящая статья сфокусирована на проблематике эффективности труда¹ на промышленном предприятии. Нечастые трансграничные сравнения сопоставимых по масштабу и технологическому облику предприятий показывают кратный разрыв в удельной выработке, измеренной в натуральных показателях на российских заводах, не обусловленной уровнем технологий, подготовки и организации трудового процесса. Перенос на российскую почву производства вместе со всей нормативной (в том числе организационной) базой в большинстве случаев не позволяет достигнуть обычного в стране происхождения продукта уровня производительности.

Одновременно с укреплением глобализации расширялся интерес исследователей к обоснованию причин экономического успеха или неудач стран и регионов, в высокой степени интегрированных в едином экономическом пространстве. Специфика включения экономического субъекта в глобальную цепочку, целевые установки ее участников, вектор перераспределения ресурсов, издержек и результатов не притягивают такого внимания, как измерение межстрановых

дистанций в институциональной, социально-психологической, культурной областях и обоснование на этой базе наблюдаемых различий в экономической эффективности. Несмотря на большое число работ, устоявшаяся методология в этом вопросе пока не определена. С. Хантингтон в 1993 г. выдвинул тезис о культурной принадлежности как о единственном значимом различии между народами после окончания Холодной войны (Хантингтон, 2014). М. Вебер в одной из первых (1905 г.) социокультурных работ (см. Вебер, 2021) во многом задал направление, которого до сих пор придерживаются многие современные исследователи (Р. Ингларт, Г. Хофстеде, Ю. Хабермас).

Акцентированная на отдельных социокультурных аспектах соответствующая методология позволяет делать непротиворечивые выводы о причинах экономической и иной дифференциации. Показательны долгосрочные и объемные проекты, например, инициированный Р. Инглхартом (Инглхарт, 2018) и переросший в программу «Всемирный обзор ценностей»². Другие примеры – типология культурных измерений Г. Хофстеде (Hofstede, 2001) и исследование «чистых эффектов культуры в экономике» (прежде всего межличностного доверия, проявляемого в том числе, в масштабе социальных транзакционных издержек и на уровне предприятия (Алган, Кайю, 2011)).

Тем не менее важные параметры, выявленные в этих исследованиях, не описывают достаточно полно социокультурную среду на конкретном предприятии. Любой набор параметров моделирования неизбежно несет на себе заметный отпечаток персональной аксиологии автора. Это ограничение – существенно, хотя методический подход демонстрирует продуктивность. Основные современные результаты исследований социокультурных факторов в экономике сделаны применительно к системам макроуровня (нация / регион). Как правило, с помощью эконометрических моделей причины страновой специализации и дифференциации по уровню благосостояния объясняются влиянием культурных архетипов.

Проекция таких выводов с национального на отраслевой, а тем более – на микроуровень часто не подтверждается эмпирически: находящиеся в одном культурном пространстве отрасли / предприятия демонстрируют широкий спектр экономической эффективности, что не подтверждает гипотезы приведенных теорий культурных измерений. Однако это не противоречит принципиальной значимости социокультурных факторов на мезо- и микроуровнях.

¹ В дальнейшем будем использовать для обозначения эффективности (производительности) труда сокращенный термин – эффективность труда.

² World Values Survey (WVS). Сведения о проекте: WVS Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

Эффективность труда зависит от *степени ответственности, предъявляемых к работнику требований и его поведенческих установок по отношению к труду как части его культурного базиса*. Гомогенная структура ценностей в производственном коллективе является большим преимуществом, а фрагментированная или атомизированная структура несет, как минимум, риски высоких транзакционных издержек и требует корректирующих усилий. Г. Хофстеде признавал: *социокультурная среда компаний* во многом определяется окружением, что может давать принципиально разные результаты в странах с существенной культурной дистанцией (Hofstede G., Hofstede G.J., Pedersen, 2002).

Многие подходы к достижению требуемых параметров производительности труда (фокусирование системы мотивации, регламентация и нормирование, тренировка навыков, пропаганда «корпоративной культуры» и проч.) методически проработаны и широко внедряются. Но практика показывает множество как успешных, так и неудачных примеров их применения, и поиск продолжается. Такая ненадежность результатов применения того или иного подхода характерна скорее для межстранового, чем меж- и внутриотраслевого сопоставления. При проблематизации различных аспектов коррекции трудовых установок работников (реже – коллективов) значимой представляется мера соответствия локальной культурной среды применяемым корректирующим и мотивирующим инструментам. Вопрос соответствия объективен, поскольку разработанный в условиях конкретной социокультурной специфики подход может не работать при переносе на предприятие со значительной культурной дистанцией от оригинала.

Таким образом, социокультурная среда и хозяйственная специфика в значимой мере взаимозависимы, эта связь больше проявлена на макро- и корпоративном уровнях, и в меньшей степени – на отраслевом. На корпоративном уровне оценка успешности и технология переноса опыта должны учитывать наблюдаемые культурные дистанции у источника и реципиента, а также тесную взаимосвязь составляющих культурную среду компонентов (Полтерович, 2001).

В данной связи целью исследования стала оценка значимости влияния эмоциональных факторов, возникших в связи с созданными эстетическими событиями, на производительность труда работников.

Центральная гипотеза исследования состояла в наличии сильной связи между эмоциональным состоянием работника, его оценками удовлетворенности трудом и возможности реализовать свою трудовую установку.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представление о хозяйствующем субъекте как социально-экономической системе с сильным влиянием труда на ее эффективность смещает акцент в исследованиях с управления технологиями в сторону регулирования человеческих ресурсов. Можно выделить три группы характеристик индивидуального и коллективного труда и соответствующих подходов к их улучшениям:

- технологическая адекватность работника регулируется в соответствии с концепцией человеческого капитала (Жданов, 2023);
- интенсивность и стабильность рабочего процесса – предмет организационных методов и нормирования;
- желание работать на общий результат (нормативные трудовые установки) – обычно задача настройки системы стимулирования или регулирования социально-психологической микросреды.

Последняя область, что подтверждается эмпирически, – наименее структурированная и слабо управляемая с точки зрения прогнозируемости отклика на воздействие. Ей редко занимается практика, еще реже ведутся прикладные исследования. Однако, по нашему мнению, *эффективность труда определяется главным образом состоянием социально-психологической микросреды*.

Актуальная теория представляет трудовые установки (устойчивые модели действий в отношении трудовой деятельности) работника как комбинацию осознанного оценивания, эмоциональной оценки и поведения с преобладанием первого компонента. Эмоциональному аспекту не уделяется достаточного внимания (Смирнова, 2019). При этом основной содержательной характеристикой степени соответствия рабочего поведения ожиданиям работодателя является удовлетворенность трудом, и это эмоциональное во многом отношение формируется конкретными факторами рабочего окружения (Иванова, Рассказова, Осин, 2012). Положительное значение удовлетворенности трудом трансформируется в ответную лояльность и, как минимум, нормативную производительность работника. Как сложная и динамическая характеристика удовлетворенности трудом интегрирует не только текущие оценки трудового процесса, но и перспективы социализации, принадлежности, признания заслуг и т.д. Иными словами, этот показатель характеризует соответствие личной системы ценностей работника и сложившейся практики в профессиональной группе и в иерархических структурах предприятия.

Несоответствие взаимных ожиданий и низкая производительность обычно понимается менед-

жментом как негодность методов стимулирования, нормирования, организации трудового процесса и проч. *Обновление замеров удовлетворенности трудом может дать пеструю картину и потребовать ее более глубокого анализа.* При подборе инструментов корректировки, даже с учетом их проверки на культурное соответствие, результат не будет гарантирован в силу особенностей объекта воздействия (промежуточного, невыраженного отношения работников). Так, с большой вероятностью будет выглядеть ситуация в целом стабильно работающей компании.

В случае существенных изменений в работе предприятия (кризис, слияние, поглощение, смена собственника, перепрофилирование) проблемы собственно бизнеса усиливаются фактическим распадом социальной микросреды. Негативные явления в социуме предприятия при этом опережают реальные события, формируются на основе ожиданий, базируясь на личном и коллективном опыте. Неясность перспектив для коллектива предприятия проявляется в разрушении коммуникаций, критичном снижении уровня межличностного доверия, ослаблении норм трудового поведения и корпоративной лояльности. Здесь могут потребоваться иные инструменты для реконструкции социальной ткани компании – в первую очередь необходимо вдохновлять работников и формировать позитивные ожидания, создать условия для восстановления коммуникаций и, как следствие, доверия внутри компании.

Общая постановка задачи управления в данном случае может быть сформулирована как восстановление до нормативного (желаемого) состояния основных параметров социальной среды, а именно – степени удовлетворенности трудом работников и продуктивного взаимодействия между иерархическими уровнями (работниками, линейным менеджментом и руководством предприятия). Значения этих параметров зависят и от текущих личных (групповых) оценок рабочих условий и перспектив, и от устойчивой ориентации человека в отношении труда, своих ролей и статусов – трудовых установок (Goldthorpe, 1998).

В соответствии с трехкомпонентным представлением о структуре установки (трудовой в том числе) необходимо определить, будут ли направлены корректирующие усилия на оценочный (ценностно-когнитивный), эмоциональный или поведенческий аспект трудовых установок. Все они в полной мере методологически проработаны. Трудовое поведение, скорее, вторично по отношению к осознанным или эмоциональным оценкам, оценочный же аспект – наиболее устойчив к воздействию в обозримом времени. Согласно гипотезе автора, эмоциональная сторона трудовых устано-

вок значима не менее, чем когнитивная и поведенческая, но существенно легче поддается корректировке с точки зрения решения задач управления человеческим ресурсом предприятия.

Еще одним методологическим вопросом является упорядочение семантического пространства, в котором соотносятся затрагиваемые в работе категории установок, норм, символов, ценностей. Адекватным представляется понятие *культурного кода*, структурирующего эти категории и многие другие аспекты, относимые к культуре. Аккумулируя архетипические компоненты, культурный код во многом формирует идентичность и целостность, обеспечивает различение и коммуникацию (Тросби, 2018). Имея свойства среды, культура (и культурный код как ее модель) характеризуется существенным, но внешне не проявленным взаимодействием своих компонентов, что накладывает ограничения на аналитические и количественные методы исследования.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЭСТЕТИКИ И ЭТИКИ

Концепция воздействия на эмоциональную картину на предприятии с целью достижения сдвигов в удовлетворенности трудом и восстановления межличностного доверия соответствует теоретико-методологическим обоснованиям и прикладным исследованиям в вопросах соотношения эмоциональной и ценностной ориентации как диалектической связанности эстетического и этического аспектов (Эстетика: словарь, 1989), иерархии между чувственной и сознательной сторонами восприятия.

Потребность в образном восприятии и постижении окружающего (эстетика) определяет особую неутилитарную связь между субъектом и объектом, при котором человек получает духовное переживание от созерцания («эстетический акт»). Эстетическое чувство позволяет различать прекрасное и безобразное, в высшем проявлении – возвышенное и низменное. Таким образом, бинарные оппозиции эстетики в пределе соприкасаются с антиномией «добро – зло», которая имеет уже аксиологическое содержание. Смысловые (в данном случае – этические) ориентации – как фундаментальная часть ядра личности – определяют направление действий и их цель в виде идеального образа (Гартман, 2002). Это ядро модифицируется со временем, но остается устойчивым к текущим внешним воздействиям. С точки зрения нашего исследования важно, что практическая реализация действий (трудовых установок) в соответствии с принятым как «свои» идеалами зависит от их соответствия обычаям, нормам микросоциума

и эмоционального статуса работника. Например, высокая вовлеченность в работу и энтузиазм плохо сочетаются с общей депрессией на предприятии и негативными ожиданиями коллег.

Механизм воздействия эстетического переживания на этический компонент личностного ядра можно интерпретировать как побуждение, вызванное позитивным эмоциональным состоянием, переоценить в положительную сторону возможности действовать в соответствии с личной системой ценностей. Исходя из системной экономической теории (Клейнер, 2022), большинство персональных и межличностных проявлений соотносятся со средовой проекцией экономической системы (в том числе предприятия). Описанное выше взаимодействие эстетических и ценностных проявлений имеет средовой характер.

На уровне отдельного эстетического акта (персонального переживания) *связанность эстетики и этики* проявляется так же отчетливо. В момент восприятия зрителем / слушателем эстетический объект передает только часть чувственной информации, активируя уже имеющийся у получателя гораздо больший массив сведений, требующих реструктурирования и этической переоценки (Лютман, 2022). Обязательное условие для доступа к расширенному содержанию сообщения в ходе эстетического акта – его персонализация (Маклюэн, 2007), второе условие – возможность остановки процесса для осмысления (Раппопорт, 1997). Множество сообщений (текстов и вскрываемых ими контекстов) образуют сложный гипертекст. Кроме того, эстетические переживания не спонтанны, они неявно диктуются культурой как нормативного душевного состояния, имеется культурный контекст переживания (Касавин, 2008), соотнесенный в том числе, с системой ценностей.

Согласованное на уровне теории общее представление о двухуровневом механизме эстетического рассмотрения предполагает, что первично оно реализуется на чувственном уровне, вторично – на уровне осмысления. Полного единства в методологии не достигнуто, в том числе из-за противоречивых концепций ценностей и их производных. Тем не менее Д. Канеман дал убедительное обоснование и привел эмпирические доказательства восприятия и принятия решений человеком, селективно используя сначала быструю, интуитивную подсистему, затем (при необходимости) – медленную, аналитическую, которая базируется на впечатлениях и эмоциях как результате работы быстрой системы. Объяснительная схема Д. Канемана (Канеман, 2014) может быть привлечена и для рассуждения о соотношении эстетического и этического.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первоначально гипотеза о результативности применения методов улучшения социально-психологической ситуации на предприятии через создание локальных, но эмоционально ярких событий (обычно относимых к сфере «культурных мероприятий») была сформулирована автором в ходе разработки программы восстановления работы предприятия «ЭлектроПром»³, выпускающего электротехнические агрегаты для транспортного машиностроения. Ниже приводится краткое описание исходной ситуации, анализ проблем, ограничения и возможности реализации данного подхода, ожидаемые и полученные результаты.

В 2001 г. автор возглавил предприятие полного технологического цикла в регионе Среднего Поволжья, находящееся в предбанкротном состоянии. Контракт предполагал стабилизацию деятельности завода и вывод его на режим устойчивой операционной прибыльности. Внешних источников инвестирования антикризисных мероприятий не предполагалось.

Продукция завода объективно *пользовалась стабильным спросом* у конечных потребителей и имела понятный ландшафт конкуренции. Технологический уровень производства и потенциальная обеспеченность ресурсами соответствовали среднеотраслевым. Но хроническая текущая убыточность привела к упадку всех основных систем предприятия (лояльности потребителей, закупок, организации производства, обслуживания оборудования, большим потерям от производственного брака, технологическим несоответствиям, простоям и т.д.).

В финансовом плане системный кризис выразился в срыве обязательств перед кредиторами, в том числе поставщиками, в длительных задержках выплат вознаграждения персоналу, отсутствии источников для проведения каких-либо стабилизационных мероприятий. Показательно, что в условиях такой деградации на заводе сложился острый дефицит мотивированного промышленно-производственного персонала при полном штате линейных руководителей и избыточной численности аппарата заводоуправления (в сравнении в аналогичными по масштабу и профилю предприятия в целом обеспеченного кадрами региона).

В соответствии с первоочередной задачей финансовой стабилизации было необходимо прежде всего *восстановить производственный процесс*, а для этого – обеспечить исполнение рабочими

³ Условное название.

и специалистами своих обязанностей и создать условия для вывода качества продукции на нормативный уровень. Конъюнктурные и технические предпосылки для этого имелись. Как показал анализ, наиболее значимая проблема состояла в *фактическом распаде социальной подсистемы предприятия*, и это эксплицитно проявлялось в устойчивом взаимном недоверии трех основных групп заводского коллектива и фактической атомизации заводского социума, критически *сместило баланс личных и общих* (групповых, профессиональных, общекорпоративных) *интересов* в сторону индивидуальных. Повсеместный брак, технологические и организационные несоответствия, срыв обязательств, нелояльность работников на всех уровнях привели к деградации операционных процессов и механизмов управления.

Таким образом, нормализация социальной подсистемы в принципиальных, с точки зрения автора, вопросах состояла в *восстановлении уровня доверия* между иерархическими группами, но прежде всего в *возврате к нормальному состоянию трудовых установок всех групп работников*. Ограничениями при решении задачи было отсутствие бюджета, сжатые сроки, отсутствие истории взаимодействия автора с работниками предприятия.

Технически-ориентированные улучшения производственного процесса и качества продукции не ставились как первоочередная задача, так как разрушенная мотивация нормально работать делала неприемлемыми риски отсутствия результатов в данном направлении. Предложение о конкурентном вознаграждении в данном регионе не получило отклика у бывших рабочих завода из-за стойкого недоверия к обещаниям, а вахтовая схема привлечения трудовых ресурсов не соответствовала цели восстановления устойчивой социально-экономической системы.

По результатам сценарного анализа доступных ресурсов и ограничений была сформулирована *концепция сдвига эмоционального отношения работников к своему предприятию посредством точечных изменений визуального окружения*. Эти изменения должны были показать желание и готовность инициатора изменить ситуацию на предприятии, но проявились они в сфере эмоций, а не лозунгов и увещаний. Были показаны не столько сами изменения, сколько *намерения* их проводить. С этой целью в производственных цехах, во вспомогательных и административных помещениях было размещено около сотни репродукций шедевров мировой живописи (в основном – русские академические художники). Постоянная экспозиция резко контрастировала с неухоженными стенами, а сам выбор репродукций – с визуальным рядом из средств массовой коммуникации.

Для усиления эффекта через месяц в механо-обрабатывающем цеху состоялось выступление республиканского хора с классическим репертуаром. Позднее был закончен ремонт бытовых помещений одного из цехов с использованием высококачественных материалов. Следует подчеркнуть, что ремонт проводился в бытовом помещении одного цеха, локально, поскольку были ограничения по смете. Но была решена задача демонстрации радикальных позитивных изменений для работников непосредственно, хотя и на небольшом участке.

В соответствии с исходным предположением экстраординарные на фоне обыденности мероприятия сразу вызвали бурное обсуждение и спровоцировали сначала неоднозначную реакцию работников всех уровней. По оценкам автора, большинство работников легко считывало эстетическую нагрузку «культурных инициатив» руководства, каждый день демонстрирующих феномены «прекрасного» на фоне «безобразного». Эти инициативы, персонифицированные по форме, но персональные в эмоциональном восприятии (и воздействии) неявно стимулировали выбор в пользу гармоничного и позитивного.

Ожидалось также, что эстетические акты (переживания) со временем естественным путем сформируют ограниченную по тематике, но актуальную и с широким охватом платформу коммуникации среди работников. Важно, что изначально эта тематика не имела никакого производственного или иного актуального содержания. Предполагалось, что содержательные вопросы заводской жизни будут вовлекаться в повестку социального взаимодействия постепенно. Для подкрепления позитивного эффекта от кристаллизации обновленной социальной подсистемы автор привлёк не имеющих формального статуса лидеров мнений. В круг групповых обсуждений вошли острые вопросы восстановления производства практически во всех его аспектах. Личное участие руководителя предприятия (автора настоящего исследования) в решении насущных проблем при организации третьей (ночной) смены укрепило доверие между рабочими, ИТР и руководством.

Активный период в сдвиге восприятия работниками перспектив и привлекательности собственного предприятия длился около трех месяцев, что согласуется с современными представлениями о социальной динамике. За это время неравнодушно обсуждающая живописную экспозицию и выступление хора группа работников стала настоящим коллективом. Организационно-штатная структура быстро пришла к отраслевым пропорциям: коллектив практически самостоятельно избавился от коллег, не приемлющих негласные нормы трудовых и поведенческих практик.

В этой эмоциональной среде восстановление рабочих процессов происходило естественным путем. Последующие оценки объективных результатов трех лет работы предприятия в условиях «эстетической трансформации» приведены далее. Предприятие кратно улучшило основные технико-экономические показатели, доля рынка выросла с 30 до 70%; были восстановлены нормальные технологические и производственные процессы и система управления в целом (табл. 1).

Статистика за ряд лет показала устойчивость достигнутого результата. С экономической точки зрения общие затраты на реализацию программы составили менее 0,5% годовой выручки. Существенно важнее, что нормальные экономические результаты позволили восстановить техническое состояние основного производства и производственного обеспечения.

Для определения значимости проведенных реформ в достигнутых экономических результатах были сформированы экспертные оценки вклада отдельных факторов различного генеза. В качестве метрики результата установлен прирост операционной маржи. Методом анализа иерархий (Т. Саати) были получены одноуровневые ранговые оценки (табл. 2).

В качестве экспертов к оценке были привлечены 12 квалифицированных специалистов за-

вода различного функционального профиля⁴. До 40% прироста экономической эффективности предположительно обеспечивалось позитивным изменением трудовых установок рабочих и ИТР (факторы 2, 4). Возможно, доля человеческого компонента в данных измерениях выше, поскольку фактор роста объема продаж (фактор 1) является композитным – с вкладами от роста деловой репутации компании, значимого повышения качества и т.д. Отметим, что эксперты оценивали изменения в целом, не анализируя такие системные результаты, как гармонизация взаимодействия иерархических групп работников, здоровая социальная среда и т.д.

Для подтверждения (отбрасывания) гипотезы о сильном влиянии трудовых установок на факторы эффективности предприятия экспертный опрос был расширен в сторону определения структуры вклада отдельных инструментов и средств трансформации в соответствующей области (табл. 3).

Очевидное смещение средств повышения эффективности в сторону мотивационных инструментов с большой вероятностью будет характерно для предприятий, имеющих сопоставимые условия и похожие проблемы. Фокус внимания экспертов

⁴ Экспертная группа формировалась по критерию максимальной репрезентативности.

Таблица 1. Динамика ключевых показателей ООО «ЭлектроПром» (на конец года)

Показатель	Единица измерения	Годы		
		2000	2001	2003
Объем продаж (в руб.) к концу 2000 г.	%	100	160	200
Объем продаж (в шт.) к концу 2000 г.	%	100	150	200
Отношение операционной маржи к затратам	%	< 0	35	75
Отношение численности основного производственного персонала к общей численности персонала предприятия	Человек / человек	500/1000	400/850	400/750
Сравнение потерь от брака (в руб.) с концом 2000 г.	%	100	25	15
Сменность	Ед.	1,5	3	3
Сравнение производительности труда в натуральном измерении (шт./человек) с концом 2000 г.	%	100	150	185

И с т о ч н и к: составлено автором.

Таблица 2. Влияние отдельных факторов на прирост технико-экономической эффективности

№	Фактор прироста операционной маржи	Влияние фактора на прирост операционной маржи, %
1	Рост объема продаж	50
2	Снижение брака до нормативного уровня	20
3	Технологические улучшения рабочего процесса	10
4	Сокращение потерь рабочего времени (трудовая дисциплина)	20

И с т о ч н и к: составлено автором.

Таблица 3. Структура факторов прироста эффективности, %

Факторы эффективности / Средства трансформации	Инвестиции	Методы управления	Технологические новации	Бизнес-процессы	Мотивация работников
Рост объема продаж	10	20	10	10	50
Снижение брака	5	20	10	10	55
Технологические улучшения	10	20	10	10	50
Сокращение потерь рабочего времени	5	20	10	10	55

И с т о ч н и к: составлено автором.

Таблица 4. Оценка проведенных изменений различными категориями работников

Насколько сильно изменилась на предприятии ситуация в соответствующей сфере / группе работников	Производственный персонал	ИТР	Руководители
Дисциплины труда	7	5	5
Ответственности работников	7	5	7
Творческого отношения к делу	5	7	6
Настроения в целом: личного и окружающих	7	7	5
Понимания заводских и личных перспектив	7	7	5

И с т о ч н и к: составлено автором.

на область мотивации не противоречит исходной гипотезе автора о глубоких проблемах завода именно в социальной сфере. Приведенную смещенную оценку можно считать корректной, поскольку экспертная группа не была осведомлена о первоначальных гипотезах и о содержании программы реформирования. Этот известный метод (анализа иерархий) будет полезен при разработке комплексных программ развития (трансформации) для сравнения объектов (явлений) различной природы, позволяя получать «объективизированную» усредненным мнением экспертов численную оценку.

Из приведенных в табл. 2 и 3 сведений следует вывод о значимости *мотивационного фактора* в наблюдаемом приросте эффективности работы предприятия. В анализируемый период не отмечалось никаких заметных изменений во внешних параметрах или внутривозводских процессах и технологиях (помимо фонового восстановления до их обычного нормального течения). Но одновременно существенно и стабильно росла производительность труда за счет сокращения потерь рабочего времени, ущерба от брака и других несоответствий. В неизменных условиях системы стимулирования работников коррективная эмоционального компонента трудовой установки посредством ряда мер эстетического характера представляется наиболее значимым иницирующим механизмом улучшений.

Не подтвердилась гипотеза о существенных различиях в субъективной оценке изменений в отношении к труду работниками различных иерархических групп. Массовый анкетный опрос по-

казал, что позитивные изменения подтверждали все категории работников, независимо от должности, образования и других личных характеристик (табл. 4). Респондент оценивал глубину изменений по предложенному перечню областей, присваивая ранг по шкале (–10...+10), где «0» – отсутствие наблюдаемых изменений.

Данные табл. 4 показывают усредненные по каждой группе значения рангов глубины изменений. Их значения очень близки, хотя автор ожидал более критических оценок от группы ИТР. В каждой групповой выборке распределение значений имело выраженную медиану. Таким образом, изменения в трудовых установках можно назвать системными, поскольку они затронули все группы работников и были значимыми, а результаты проявились относительно быстро (к концу первого года реализации программы) и сохранялись в течение всего периода наблюдений (три года).

В данном примере применения предложенного нами подхода (к улучшению параметров удовлетворенности трудом посредством направленного эстетического воздействия на эмоциональное восприятие работником своей деятельности на заводе) необходимо учитывать, что начало реализации программы (2001 г.) – время ожиданий больших перемен. Еще одна особенность – средний возраст работников предприятия (35 лет) соответствует середине *второго поколения* рожденных и живущих в благополучную эпоху послевоенного подъема, в том числе и в СССР. Социологи отмечают в том числе более высокую эмоциональную восприим-

чивость этой возрастной группы, что, возможно, стало дополнительным фактором результативности применения эстетических инструментов.

Вывод о стабильной работе данного подхода должен быть сделан на основе представительной статистики разных отраслей, стартовых условий предприятия и макроэкономического окружения. По известной автору практике данный подход использован преимущественно в регионе Среднего Поволжья в первой декаде 2000-х гг. предприятиями и организациями (более 30) различной формы собственности и отраслевой принадлежности. Поэтому применение описанного выше подхода нельзя считать уникальным, инициатива получила общественное признание, хотя, скорее, локальное по месту и времени, канализируя эмоциональный эффект от эстетического инструментария в соответствии со своими актуальными задачами, что расширяет область применения подхода, не ограниченного описанными здесь задачами повышения производительности труда в производстве. По истечении некоторого времени и производственные предприятия, и организации здравоохранения, образования и государственной службы были практически единодушны в оценках эффективности данного подхода. Широкое социологическое анкетирование работников этих предприятий и организаций показало, что 93% опрошенных чувствуют эмоциональную поддержку, 80% отметили изменение в лучшую сторону в своей организации.

ООО «ЭлектроПром» было признано лучшим в отрасли по темпам роста производства, динамике финансово-хозяйственной деятельности и получило право представлять промышленный сектор на крупной региональной выставке.

Инициатива автора, оформленная как проект «Формирование корпоративной культуры средствами искусства» получила диплом администрации главы Чувашской Республики за первое место в сфере инноваций в промышленном секторе.

Несмотря на отмечаемую всеми применявшими описанный подход положительную динамику, необходимо подчеркнуть его *ограничения*. Побуждение изменений в трудовых установках работников через эмоциональный компонент эстетическими средствами приносит хорошие результаты в организациях с большими, но не критическими отклонениями в удовлетворенности трудом значительного числа работников. В этом случае демонстрация позитивных изменений укрепляет ожидания лучшего. Продуктивность подхода невелика в полярных состояниях микросоциума – в глубоком кризисе (полная утрата доверия) и коллективах, находящихся в благополучном состоянии (малый прирост удовлетворенности за счет «высокой базы»). Таким образом, все описанные инструмен-

ты действуют на принципе манифестации бинарной оппозиции в области эстетики и чувствительны к относительной величине разрыва.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Гипотеза о влиянии эстетического фактора на производительность труда была детализирована путем включения промежуточных элементов, формирующих связанность между соседними звеньями и, как следствие, во всей цепочке отношений.

Выше были определены методологические основания между парами категорий, явлений и свойств. Воспроизведем теперь алгоритм функционирования механизма влияния эстетического фактора на производительность.

1. Производительность труда зависит от уровня удовлетворенности трудом.

2. Удовлетворенность трудом включает в себя в качестве основы соответствие оценочному и эмоциональному компонентам трудовой установки работника. Поведенческий компонент влияет на производительность непосредственно.

3. Трудовые установки не совпадают, но тесно коррелируют с ценностными ориентациями и транзитивно – с ценностями.

4. Условия труда и окружения могут способствовать или препятствовать действиям работника в соответствии с его установками и ценностями.

5. Интегральная оценка соответствия условий труда норме формируется из собственных и референтных групповых суждений о наблюдаемом, ожидаемом и перспективном соответствии условий труда норме. Изменение в желаемую сторону эмоциональной части оценок соответствия происходит быстрее и результативнее, чем изменение когнитивной части оценок.

6. Эстетические инструменты адекватны задаче улучшения эмоционального фона на предприятии. Изменения происходят на персональном и коллективном уровне.

7. При опоре эстетических событий на культурный код направления векторов индивидуальных реакций будут близкими. Тем самым формируется платформа для коммуникаций и повышения доверия.

8. Сдвиги в эмоциональной среде повышают оценку окружения (п. 4) и улучшают ожидания. Появляется возможность активировать личные ценностные ориентации и трудовые установки.

На рис. 1 представлена упрощенная схема влияния эстетики на производительность труда.

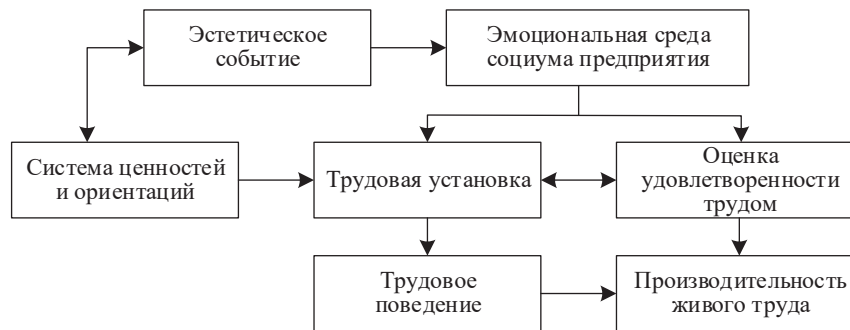

Рис. 1. Укрупненная модель влияния эстетики на эффективность труда

Источник: составлено автором.

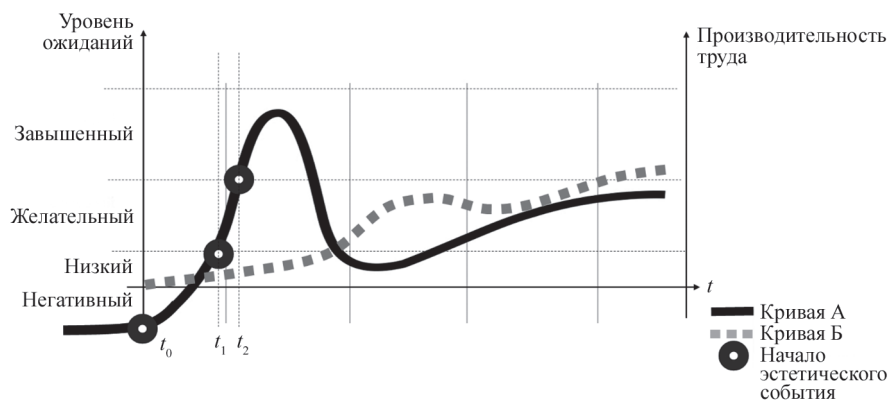

Рис. 2. Динамика позитивных ожиданий работников и их производительности

Источник: В иллюстрации использован принципиальный вид кривой, отражающей соотношение ожидаемого и фактического результата от инновационного продукта, – один из форматов исследовательских отчетов компании Gartner. Описание см.: Gartner Hype Cycle Research Methodology. Gartner. URL: <https://www.gartner.com/en/research/methodologies/gartner-hype-cycle>

В данной модели этические основания частично являются компонентами культурного кода, эстетические представления и паттерны трудового поведения в полном объеме являются компонентами культурного кода. Несмотря на многообразие подходов, прямое соотнесение этических и эстетических аспектов с трудовыми установками неочевидно и сложно доказуемо в естественнонаучной парадигме. Введение же синтетической категории «культурный код» позволяет построить надежную взаимосвязь.

На эмпирическом уровне рассмотрения эта взаимосвязь может быть проиллюстрирована (рис. 2) графиком динамики ожиданий позитивных перемен, побуждаемых изменениями в эмоциональной среде под воздействием ряда корпоративных событий с эстетической нагрузкой (кривая А с точками эстетических воздействий на рис. 2) и динамики производительности живого труда (кривая Б).

На рис. 2 показано, что ожидание позитивных изменений в связи с предъявлением образов пре-

красного в оппозиции к негативной в целом оценке собственных перспектив, связанных с предприятием, характеризуется большей амплитудой колебаний, чем дала бы строгая аналитическая оценка ситуации. По модели компании Гартнер за эйфорией следует разочарование, а затем и выход на кривую насыщения. Амплитуда может быть сглажена корректирующими мерами. Кривая производительности ведет себя сходным образом, но пики менее выражены; есть также устойчивый лаг задержки между аналогичными фазами кривых ожиданий и производительности. Рассмотрим далее эмпирические сведения о ходе реформы на предприятии ООО «ЭлектроПром», сопоставив их с моделью ожиданий.

Первая точка на оси абсцисс (t_0) – начало живописной экспозиции в цехах – вызвало активные обсуждения и предположения о значении этого события. Отмечалось улучшение эмоциональной атмосферы. Параллельно через профессиональные группы было запущено неформализованное

обсуждение насущных заводских проблем. Появилось и нарастало ощущение перемен. Отмечался незначительный рост производительности и снижения технологических и организационных несоответствий.

Через несколько недель (точка t_1) состоялось выступление академического хора и вскоре – окончание ремонта в бытовых помещениях (точка t_2). В целом в течение первых трех месяцев происходил взрывной рост ожиданий и незаметный рост производительности.

Достигнув пика, ожидания работников стали резко снижаться (в соответствии с методологической гипотезой Гартнер). Для сглаживания негативной тенденции руководство принимало личное участие в разрешении проблем, возникших при введении третьей смены на заводе. В противофазе падению ожиданий начался заметный рост производительности труда и качества продукции, соответствующая кривая достигла локального пика примерно через три месяца после временной отметки пика позитивных ожиданий. Такой лаг характерен при изменении условий реализации ценностных установок (в том числе трудовых). Такой же лаг отмечался при небольшом провале кривой производительности (см. рис. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанный в статье методический подход к достижению положительных сдвигов в трудовых установках работников и оздоровления заводского социума в целом, конечно, может получить критическую оценку с позиции строгих требований к научному исследованию. Методическая разработка формировалась и была реализована как способ решения прагматической задачи управления в конкретных условиях. Ей предшествовало сценарное моделирование и качественная оценка отклика работников на инициируемые эстетические акты. Полноценный же научный эксперимент требователен к ресурсу времени и организационно сложен

в плане формирования контрольного объекта для корректного анализа результатов. Так, выделение отдельного «экспериментального» цеха сталкивается с проблемой естественной взаимной диффузии настроений и ожиданий в подразделениях.

Проведенное нами исследование позволило уточнить методологическое обоснование механизма влияния эстетического фактора на производительность труда. Это влияние имеет комплексный характер, в статье рассмотрены два представляющих наиболее значимыми направления. Первое – улучшение эмоционального состояния работника повышает его оценку удовлетворенности трудом и раскрывает потенциал для реализации личной трудовой установки. Второе – улучшение эмоциональной среды предприятия укрепляет коммуникацию и создает условия для повышения уровня доверия в коллективе.

Результаты проведенного исследования могут быть применены при решении широкого спектра задач, связанных с проблематикой социальной микросреды. Модель влияния эстетического фактора на производительность труда оказалась адекватной, а механизм корректировки значений параметра удовлетворенности трудом (и затем – трудовой установки) показал свою работоспособность, что подтверждается эмпирическими данными. При апробации подхода был получен ожидаемый, значимый и стабильный положительный эффект. Предложенный методический подход был неоднократно воспроизведен в других условиях (различные сектора деятельности, различные экономические, организационные и конъюнктурные особенности и проблемы). Можно констатировать, что гипотеза исследования подтверждена и проверена (средствами структурированных экспертных оценок) возможность влияния на результат неучтенных в модели факторов.

Развитие исследования предполагается в направлении систематизации влияния культурных факторов на деятельность экономических субъектов микроуровня и расширение области применения методологии, изложенной в статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алган Я., Кайю П. (2011). Унаследованное доверие и рост // Американское экономическое обозрение. Вып. 100. № 5. С. 617–623.
- Вебер М. (2021). Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем М. Левиной. М.: АСТ. 350 с.
- Гартман Н. (2002). Этика / пер. с нем. А.В. Глаголева. СПб.: Владимир Даль. 712 с.
- Жданов Д.А. (2003). Системно-ориентированное моделирование реального сектора российской мезоэкономики. М.: Научная библиотека. 256 с.
- Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Осин Е.Н. (2012). Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. Т. 2. № 3. С. 2–15. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2012-3/62021308.html>
- Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С.Л. Лопатиной. М.: Мысль. 347 с.
- Канеман Д. (2014). Думай медленно... решай быстро / пер. с англ. А. Андреева. М.: АСТ. 653 с.

- Касавин И.Т. (2008). Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+. 437 с.
- Клейнер Г.Б. (2022). Социальное лидерство, расщепление власти и инклюзивное управление организацией // Вопросы экономики. № 4. С. 26–44.
- Лотман Ю.М. (2002). Каноническое искусство как информационный парадокс // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект. С. 314–321.
- Маклюэн М. (2007). Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле. 464 с.
- Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50.
- Рапопорт А.Б. (1997). Единство в разнообразии – наследие европейской культуры // Системные исследования. Методологические проблемы. № 25. С. 50–54.
- Смирнова А.Ю. (2019). Динамика трудовых установок работников в ситуации угрозы потери работы // Организационная психология. Т. 9. № 2. С. 8–31.
- Тросби Д. (2018). Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. ВШЭ. 368 с.
- Хантингтон С. (2014). Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ. 571 с.
- Эстетика (1989). Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева. М.: Политиздат. 445 с.
- Goldthorpe J. (1998). Rational action theory for sociology // Britain Journal of Sociology, vol. 49, no. 2, pp. 167–189.
- Hofstede G. (2001). Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations. Thousand Oaks (CA): Sage Publications. 568 p.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Pedersen P.B. (2002). Exploring culture: Exercises, stories, and synthetic cultures. L.: Hachette (UK). 256 p.

REFERENCES

- Algan Y., Cahuc P. (2011). Inherited Trust and Growth. *American Economic Review*, vol. 100, no. 5, pp. 617–623 (in Russ.)
- Weber M. (2021). *Protestant ethics and the spirit of capitalism* Transl. from Germ. by M. Levina. Moscow: AST. 350 p. (in Russ.)
- Hartmann N. (2002). *Ethics*. Transl. from Germ. by A.V. Glagolev. St. Petersburg: Vladimir Dahl. 712 p. (in Russ.)
- Zhdanov D.A. (2003). *System-oriented modeling of the real sector of the Russian mesoeconomics*. Moscow: Scientific Library. 256 p. (in Russ.)
- Ivanova T. Yu. Rasskazova E.I., Osin E.N. (2012). Structure and diagnostic of job satisfaction: Development and approbation. *Organizational Psychology*, vol. 2, no. 3, pp. 2–15 (in Russ.) URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2012-3/62021308.html>
- Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution, People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Transl. from Eng. by S.L. Lopatina. Moscow: Mysl. 347 p. (in Russ.)
- Kahneman D. (2014). *Thinking, Fast and Slow* / Transl. from Engl. by A. Andreev. Moscow: AST. 653 p. (in Russ.)
- Kasavin I.T. (2008). *Text. The discourse. The context. Introduction to the social epistemology of language*. Moscow: Canon+. 437 p. (in Russ.)
- Kleiner G.B. (2022). Social leadership, power splitting, and inclusive management of the organization. *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 26–44 (in Russ.)
- Lotman Y.M. (2002). *Canonical Art as an Information Paradox. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg: Academic Project. P. 314–321 (in Russ.)
- McLuhan M. (2007). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow: Kuchkovo Pole. 464 p. (in Russ.)
- Polterovich V.M. (2001). Transplantation of economic institutions. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 24–50 (in Russ.)
- Rapoport A.B. (1997). Unity in Diversity – the Legacy of European Culture. *Systems research. Methodological problems*, no. 25, pp. 50–54 (in Russ.)
- Smirnova A.Yu. (2019). Dynamics of labor attitudes in a situation of threat of job loss. *Organizational Psychology*, vol. 9, no. 2, pp. 8–31 (in Russ.)
- Throsby D. (2018). Economics and Culture. Transl. from Engl. by I. Kushnareva. Moscow: HSE Publishing house. 368 p. (in Russ.)
- Huntington S. (2014). The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Transl. from Engl. by T. Velimeev. Moscow: AST. 571 p. (in Russ.)
- Aesthetics (1989). *Aesthetics: A dictionary*. Gen. ed. Belyaev A.A. Moscow: Politizdat. 445 p. (in Russ.)
- Goldthorpe J. (1998). Rational action theory for sociology. *Britain Journal of Sociology*, vol. 49, no. 2, pp. 167–189.
- Hofstede G. (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. Thousand Oaks (CA): Sage Publications. 568 p.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Pedersen P.B. (2002). *Exploring culture: Exercises, stories, and synthetic cultures*. L.: Hachette (UK). 256 p.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ФРИЛАНСА КАК МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: МЕЖСТРАНОВОЕ СРАВНЕНИЕ

© Полякова Ю.М., 2025

Полякова Юлия Михайловна, кандидат экономических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0499-8344, eLibrary SPIN: 7498-7934, flaeccc@gmail.com

Статья поступила: 21.01.2025, принята к печати: 04.03.2025

Оригинальная статья

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка выявить факторы развития фриланса с целью предложить возможность управления и контроля количества занятых в данном сегменте рынка экономики свободного заработка (гигономики). Методология исследования основана на контент-анализе научных трудов отечественных и зарубежных авторов по изучаемой тематике, далее на его основе отборе объясняющих переменных для включения в модель множественной регрессии, эконометрическом анализе построенных моделей регрессии и их тестировании. В результате предложены и рассчитаны по 31 стране мира показатели «уровень развития фрилансинга» и «доля ИТ-отрасли в ВВП страны». Произведен отбор 15 объясняющих переменных. Построено две модели множественной регрессии с исключением объясняющих переменных с высокой корреляцией и без учета мультиколлинеарности анализ полученных результатов позволил обнаружить девять значимых факторов, среди которых к показателям роста фриланс-рынка с экспоненциальной зависимостью отнесены: глобальный индекс сетевого взаимодействия; уровень урбанизации; индекс деловой активности; ВВП на душу населения; уровень процветания; уровень цифровизации государственных институтов; доля ИТ-отрасли в ВВП страны. К факторам, снижающим число фрилансеров в структуре занятого населения с обратной экспоненциальной зависимостью, отнесены: индекс качества жизни; индекс времени в пути на дорогах; средняя заработная плата; уровень безработицы. Все выявленные факторы классифицированы по двум группам: реальные и потенциальные. Результаты исследования могут применяться для стратегического управления занятостью, поиска оптимальной доли фрилансеров, требуемых в экономике, для обеспечения стабильного развития и повышения конкурентоспособности отечественных предприятий на мировом рынке.

Ключевые слова: фрилансер, рынок фриланса, гигономика, экономика свободного заработка, регрессионный анализ, факторы развития, рынок труда, неформальная занятость, нестандартные формы занятости

Классификация JEL: C43, C51, E24, E26, J21

Для цитирования: Полякова Ю.М. (2025). Ключевые показатели развития фриланс как модели социально-трудовых отношений: межстрановое сравнение // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 1. С. 47–59. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-47-59](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-47-59). EDN: QPWPYX

[https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-47-59](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-47-59)

EDN: QPWPYX

KEY INDICATORS OF FREELANCING DEVELOPMENT AS A MODEL OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS: CROSS-COUNTRY COMPARISON

© Polyakova Yu.M., 2025

Yuliya M. Polyakova, Cand. Sc. (Economics), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0499-8344, eLibrary SPIN: 7498-7934, flaeccc@gmail.com

Received: 01/25/2025, Accepted: 03/04/2025

Original article

Abstract. This article attempts to identify the factors of freelancing development in order to offer the possibility of managing and controlling the number of people employed in this segment of the gig economy market. The research methodology is based on the content analysis of the scientific works by domestic and foreign authors on the topic concerned, and the selection of explanatory variables for inclusion in the multiple regression models, econometric analysis of the constructed regression models and their testing. As a result, the indicators «freelancing development level» and «IT industry share in the country's GDP» were proposed and calculated for 31 countries of the world. A selection of 15 explanatory variables was made. Two multiple regression models were built excluding explanatory variables with high correlation and without taking into account multicollinearity. The analysis of the obtained results made possible to discover nine significant factors, among which the following are classified as indicators of freelance market growth with exponential dependence: global network interaction index; urbanization level; business activity index; GDP per capita; prosperity level; level of digitalization of public institutions; share of the IT industry in the country's GDP. The factors that reduce the number of freelancers in the structure of the employed population, with an inverse exponential dependence include: quality of life index; travel time index on roads; average wage; unemployment rate. All identified factors are classified into two groups: real and potential. The results of the study can be used for strategic employment management, finding the optimal share of freelancers required in the economy, ensuring stable development and increasing the competitiveness of domestic enterprises in the world market.

Keywords: freelancer, freelance market, gig economy, regression analysis, development factors, labor market, informal employment, non-standard forms of employment

Classification JEL: C43, C51, E24, E26, J21

For references: Polyakova Yu.M. Key indicators of freelancing development as a model of social and labor relations. *Economics of Contemporary Russia*. 2025;28(1):47–59. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-47-59](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-47-59). EDN: QPWPYX

ВВЕДЕНИЕ

Наступление эры цифровой экономики повлекло за собой трансформацию всех отраслей и сфер экономики, в том числе рынка труда. Разнообразие нестандартных форм занятости, которое появилось с развитием цифровых платформ, технологий удаленного режима труда, стало следствием роста популярности временной занятости, в частности экономики свободного заработка (гигономики)¹ как альтернативного источника рабочей силы. Данный факт подтверждают многочисленные исследования, посвященные гиг-работникам, формам и видам занятости, а также новым моделям социально-трудовых отношений, возникающих в гигономике. Согласно данным Business Research Insights, объем мирового рынка гигономики ежегодно растет со среднегодовым темпом (CAGR) 16,88%. В 2024 г. объем рынка составил 557 млрд долл., однако прогнозируется, что к 2032 г. экономика свободного заработка (гигономика) вырастет в 1,5 раза и составит 1847 млрд долл.²

По мнению автора, под *экономикой свободного заработка (гигономикой)* следует понимать совокупность видов, моделей и форм нестандартной занятости, которые имеют временный характер, основанных на использовании цифровых платформ, для организации социально-экономических отношений «гиг-работник – заказчик» и социально-трудовых отношений «гиг-работник – работодатель». В рамках гигономики выделяется несколько моделей социально-экономических отношений: *краудсорсинг* (привлечение временных работников (краудсорсеров) для решения задач организации с использованием краудсорсинговых платформ), *фриланс* (занятость через электронные биржи фрилансеров) (Лапидус, Полякова, 2022; Munoz, et al., 2022), а также совместный труд (*шеринг труда*), который, по мнению автора, является частью фриланс-рынка (экономические отношения, основанные на коллективном использовании трудовых ресурсов с помощью взаимодействия на цифровых платформах) (Красникова, 2023). Наибольшую долю в гигономике занимают фрилансеры – почти 99%, поэтому настоящее исследование посвящено

анализу рынка фриланса и поиску факторов, способствующих его росту (Полякова, 2024; Durlauf, 2019).

В настоящее время доля фрилансеров в мире составляет 46,4% общего числа занятых (1,57 млрд человек). При этом, по данным Всемирного Банка, доля фрилансеров снижается каждый год в среднем на 1,36%³. Однако в отдельных странах мира, например США, которые являются лидером в данной области, число фрилансеров растет: в 2023 г. их доля в общей структуре занятых составила 38% по сравнению с 34% в 2014 г.⁴ При этом международные эксперты прогнозируют рост рынка фриланс-платформ в 2025 г. до 7,5 млрд долл., а к 2033 г. – до 14 млрд долл. при совокупном годовом темпе роста (CAGR) 16,8%⁵.

Рост популярности фрилансинга как временной занятости при поверхностном анализе обусловлен рядом факторов: сложной геополитической обстановкой, нестабильностью международных рынков, последствиями пандемии Covid-19 и т.п. Однако исследований, в которых выявлены и научно обоснованы факторы роста рынка фриланс-услуг на мезо-, макро-, и мега-уровнях, недостаточно. Все работы, посвященные фрилансингу, по большей части сосредоточены в сфере управления персоналом на предприятии: поиске методов повышения эффективности и производительности труда на базе фриланс-услуг или баланса между числом штатных сотрудников и фрилансеров, формировании портрета современного фрилансера, анализе уровня его удовлетворенности трудом и т.п. (Ayoozbadeh, 2022; Elstad, 2015; Ward et al., 2016). Поэтому целью настоящего исследования является поиск показателей, влияющих на изменение масштабов рынка фрилансинга на основе регрессионного анализа и построения модели множественной регрессии.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

При выявлении показателей развития рынка занятых во фрилансе использован факторный анализ на основе построения модели множественной регрессии. Вычисления выполнены с помощью прикладного программного пакета Gretl (GNU Regression, Econometrics and Time-series Library). Модель построена с учетом проверки на мультиколлинеарность переменных, гетероскедастич-

¹ Гигономика (в оригинале gig economy), или экономика свободного заработка, – это тип социально-экономических отношений, при котором оплата производится за результат трудовой деятельности, а не за его процесс. Такой тип отношений характеризуется краткосрочными трудовыми контрактами или заключением договоров гражданско-правового характера, временной и непостоянной занятостью, а уровень дохода, объем и график труда определяется наемным работником самостоятельно.

² URL: <https://www-businessresearchinsights-com>

³ URL: <https://www.demandsage.com/freelance-statistics/>

⁴ URL: <https://www.demandsage.com/freelance-statistics/>

⁵ URL: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/freelance-platforms-global-market-report>

ность, корректность спецификации модели, а также проблемы эндогенности регрессоров. Выбор регрессоров обусловлен изучением подходов, научных трудов, экспертных исследований отечественных и зарубежных авторов.

Например, в работе Б.Ж. Тагарова автор выделяет три группы факторов, влияющих на развитие фриланс-рынка: общие, факторы спроса и предложения. При этом к *общим факторам* отнесены такие показатели, как стоимость передачи информации, автоматизация производства, уровень развития информационных технологий, расходы государственного бюджета на образование. Определены *факторы спроса* на труд фрилансеров: гибкость организации, наличие сетевой организационной структуры, проектный формат труда и др. К *факторам предложения* отнесены следующие: мобильность, качество жизни и одновременно низкий уровень доходов населения (Тагаров, 2018). К.В. Дрокина в своем исследовании факторов, влияющих на развитие фрилансинга в России, выделяет те же группы факторов, однако к упомянутым выше добавлены: уровень ценности интеллектуального капитала в современном обществе, уровень развития аутсорсинга, экономия на издержках, наличие дискриминации на рынке труда, развитие электронного рынка труда (Дрокина, 2021; Horton, 2010).

И.М. Алиев при изучении трансформационных процессов на рынке труда в цифровой экономике указывает цифровизацию как наиболее значимый фактор развития фрилансинга, в частности, развитие цифровых платформ, онлайн-образования, повышение уровня доступности информации (Алиев, 2023). В работе, посвященной выявлению социальных факторов спроса на труд фрилансеров, О.В. Полетаева выделяет технологические и социальные. К первой группе автор относит рост объема работ, связанных с производством и переработкой информации, внедрение цифровых технологий; ко второй – перманентные экономические кризисы, социально-демографические факторы, вызванные убылью и старением населения (Полетаева, 2017). Исследование Д.Ж. Абдреисовой с соавторами позволило определить четыре группы факторов развития рынка занятых во фрилансе: первичные факторы; факторы спроса и предложения; факторы индивидуального характера (Абдреисова и др., 2021; Holtz et al., 2022). В работе Н.В. Пилипчук с соавторами доказано, что неформальная занятость, к которой частично относится фриланс, отрицательно взаимосвязана с уровнем ВВП на душу населения и долей занятых в сфере услуг (Пилипчук, Кукина, Суханова, 2024).

В ряде зарубежных исследований также выявлены некоторые взаимосвязи между уровнем развития фриланса и изучаемыми факторами. Напри-

мер, Г. Варум с соавторами в своем исследовании удалось определить положительную зависимость между фрилансом и ростом инноваций в стране (Varun et al., 2020). Работа А. Бёрке и М. Коулинга посвящена изучению взаимосвязи между интенсивностью работы фрилансеров, эффективностью бизнеса и созданием рабочих мест. Установлено, что компаниям необходимо иметь не менее 11% фрилансеров от общего числа сотрудников для достижения положительных результатов для развития бизнеса и повышения привлекательности компании на рынке труда (Burke, Cowling, 2020).

В результате определен список переменных, включенных в модель регрессии (см. табл. 1). В качестве зависимой переменной выступает уровень развития фриланса (доля занятых во фрилансе в общей структуре занятых в стране (F)). В качестве независимых переменных – индекс уровня образования ПРООН ($Educ$); уровень расходов страны на НИОКР (RD); доля ИТ-отрасли в ВВП страны (IG); глобальный индекс сетевого взаимодействия (NI); индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT); уровень цифровизации государственных институтов (D); уровень процветания (P); уровень безработицы (U); индекс качества жизни (L); индекс деловой активности (BA); индекс человеческого развития (Hdi); валовый внутренний продукт (ВВП) на душу населения ($GDPc$); средняя заработная плата (долл.) (Asm); уровень урбанизации (URB) и индекс времени в пути на дорогах (Tr).

Использованы последние собранные и доступные для анализа данные разных периодов, поэтому в настоящей работе допускается искажение расчетных коэффициентов в модели множественной регрессии, однако это не повлияет на достижение цели исследования, которая заключается в поиске значимых факторов развития фриланса. Подробное описание и расчетные характеристики выбранных переменных представлены в табл. 1.

1. Уровень развития фриланса (2024 г.). Показатель собран вручную на основе материалов и статистических сборников в открытом доступе. Расчет показателя произведен путем деления числа занятых во фрилансе на численность занятого населения в стране:

$$F = \frac{Q_f}{Q_e},$$

где Q_f – число занятых во фрилансе в стране за отчетный период; Q_e – численность занятого населения в стране за отчетный период.

На основе собранных данных построен рейтинг по 31 государству, число наблюдений объясняется отсутствием данных в связи со специфи-

Таблица 1. Перечень переменных, включенных в модель множественной регрессии

№	Обозначение переменной	Наименование
1.	<i>F</i> (зависимая переменная)	Уровень развития фриланса (2024)
2.	<i>Educ</i>	Индекс уровня образования ПРООН (2024)
3.	<i>RD</i>	Уровень расходов страны на НИОКР (2024)
4.	<i>IG</i>	Доля ИТ-отрасли в ВВП страны (2023)
5.	<i>NI</i>	Глобальный индекс сетевого взаимодействия (2020)
6.	<i>ICT</i>	Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (2024)
7.	<i>D</i>	Уровень цифровизации государственных институтов (2022)
8.	<i>P</i>	Уровень процветания (2023)
9.	<i>U</i>	Уровень безработицы (2024)
10.	<i>L</i>	Индекс качества жизни (2024)
11.	<i>BA</i>	Индекс деловой активности (2023)
12.	<i>Hdi</i>	Индекс человеческого развития (2024)
13.	<i>GDPc</i>	ВВП на душу населения (2024)
14.	<i>Asm</i>	Средняя заработная плата (долл.) (2024)
15.	<i>URB</i>	Уровень урбанизации (2024)
16.	<i>Tr</i>	Индекс времени в пути на дорогах (2024)

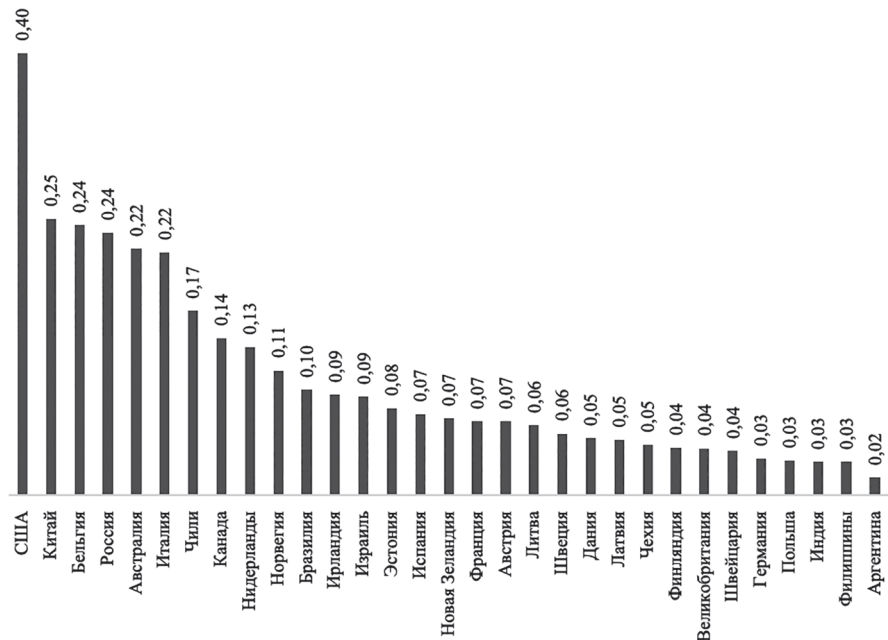

Рис. 1. Доля занятых во фрилансе в общей численности занятого населения по странам мира

кой статистического учета временных работников в некоторых странах мира (рис. 1).

Самая высокая доля занятых во фрилансе обнаружена в США (40%), на втором месте – Китай (25%), далее – Бельгия (24,44%) и на четвертом месте – Россия (23,75%). При этом можно классифицировать наблюдаемые страны мира по трем группам: с долей занятых во фрилансе более 20% (от 10 до 20%) и менее 10% (рис. 2). Наиболее

многочисленную группу составили страны с долей занятых во фрилансе менее 10%, например, Бразилия (9,52%), Франция (6,67%), Германия (3,33%) и Аргентина (1,58%).

2. Индекс уровня образования ПРООН (2024 г.). Показатель собирается и публикуется с периодичностью два года Институтом статистики ЮНЕСКО и Программой развития Организации Объединенных Наций и измеряет достигнутый

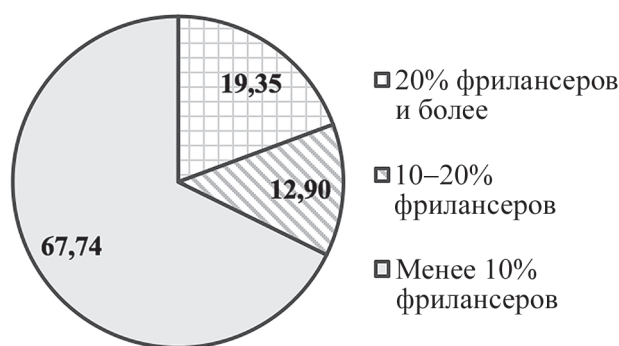

Рис. 2. Распределение стран мира по доле занятых во фрилансе в общей численности занятых, %

уровень образования населения по 193 странам мира. Измеряется по двум показателям, имеющим равный вес: средняя продолжительность обучения взрослого населения и ожидаемая продолжительность обучения учащихся в возрасте до 25 лет. В регрессию включен показатель средней продолжительности обучения взрослого населения⁶.

3. Уровень расходов страны на НИОКР (2024 г.). Уровень национальных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) рассчитывается ежегодно ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и определяется как объем государственных и частных расходов в стране на НИОКР, выраженный в процентах от валового внутреннего продукта⁷.

4. Доля ИТ-отрасли в ВВП страны (2023 г.). Данный показатель собран вручную в 2024 г. на ос-

нове контент-анализа статистических сборников и международных рейтингов стран мира и рассчитан путем деления объема ИТ-отрасли в денежном эквиваленте на размер ВВП страны. На основе собранных данных построен рейтинг стран мира по доле ИТ-отрасли в ВВП страны (рис. 3).

Самое высокое значение показателя «доля ИТ-отрасли в ВВП страны» наблюдается в Израиле – 15%, более низкие значения – в США и Китае – 8%. В России данный показатель составляет 2%. Международные исследования показывают, что расходы на развитие отрасли информационных технологий во всем мире ежегодно растут. По данным Gartner, рассматриваемый показатель в 2024 г. вырос на 8% по сравнению с предыдущим периодом и составил 5,06 трлн долл.⁸ ИТ-индустрия Израиля считается самой развитой во всем мире. Например, в 2020 г. Израиль был на первом месте по числу занятых в высокотехнологичных отраслях – 9% населения⁹. Кроме того, Израиль лидирует по размеру расходов на НИОКР: в 2022 г., по данным Центрального статистического бюро страны, этот показатель составил около 30 млрд долл. (5,56% ВВП); к 2024 г. он вырос на 13% – до 34 млрд долл.¹⁰ Федеральное правительство США в 2024 г. выделило 30,7 млрд долл. на крупные инвестиции в ИТ-сферу¹¹. В России в тот же

⁸ URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2023-04-06-gartner-forecasts-worldwide-it-spending-to-grow-5-percent-in-2023>

⁹ URL: <https://innovationisrael.org.il/sites/default/files/The%20Israel%20Innovation%20Report%202021.pdf>

¹⁰ URL: <https://www.worldeconomics.com/Country-Size/Israel.aspx>

¹¹ URL: <https://www.statista.com/statistics/554000/united-states-federal-it-expenditure-by-investment-significance/>

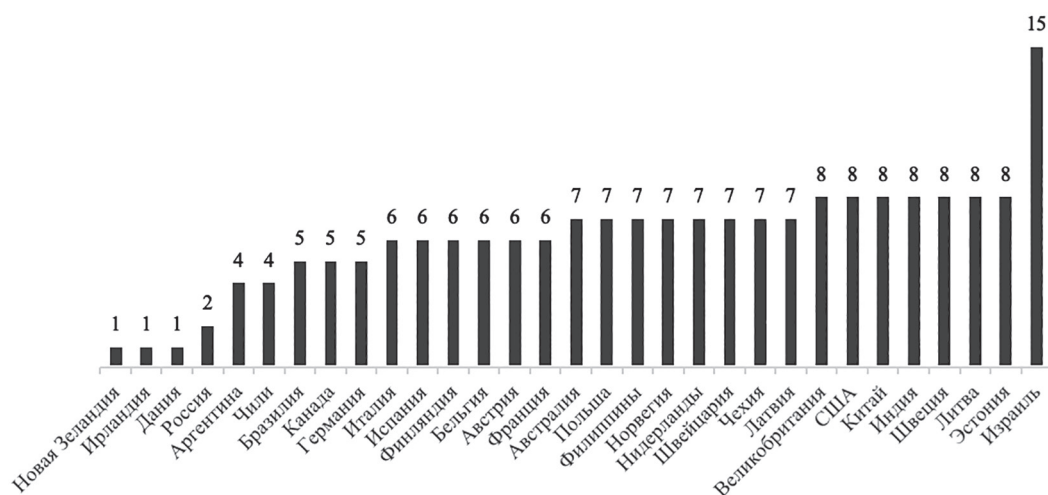

Рис. 3. Доля ИТ-отрасли по странам мира за 2023 г., %

период, согласно докладу Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций М. Шадая, на развитие ИТ-индустрии выделено 277,7 млрд руб., что на 15% ниже по сравнению с предыдущим периодом¹².

5. Глобальный индекс сетевого взаимодействия (2020 г.). Индекс разработан и рассчитан компанией Huawei и предназначен для демонстрации уровня взаимосвязи между размером инвестиций в ИКТ-инфраструктуру и экономическим ростом в стране. Расчет основан на учете 40 показателей степени развития стран мира и влияния цифровых технологий на скорость цифровой трансформации экономики в целом¹³.

6. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (2024 г.). Индекс ежегодно собирается и рассчитывается Международным союзом связи, представляет комбинированный показатель из 11 различных метрик, характеризующих достижения стран мира в развитии информационно-коммуникационных технологий¹⁴.

7. Уровень цифровизации государственных институтов (2022 г.). Индекс рассчитан Всемирным банком в рейтинге GovTech Maturity Index 2022. При оценке индекса учитываются следующие показатели: уровень развития государственных систем и услуг, доступности электронных сервисов для граждан, уровень развития государственных институтов цифровизации инновационной политики, вовлеченности граждан, уровень открытости правительства¹⁵.

8. Уровень процветания (2023 г.). Данный показатель ежегодно рассчитывается и публикуется Институтом Legatum на основе объединения множества метрик, распределенных по девяти группам и характеризующих уровень достижений страны в области благополучия и процветания всех сфер общества¹⁶.

9. Уровень безработицы (2024 г.). Показатель ежегодно рассчитывается статистической службой ILOSTAT и публикуется Международной организацией труда (МОТ), определяется как доля безра-

ботных в составе экономически-активного населения (%)¹⁷.

10. Индекс качества жизни (2024 г.). Краудсорсинговая платформа Numbeo, представляющая собой базу данных о стоимости жизни и других социально-экономических факторах, разработала методику оценки индекса качества жизни, которая заключается в учете следующих показателей: рейтинг безопасности, уровень здравоохранения, индекс стоимости жизни, индекс покупательной способности, уровень транспортной доступности, индекс доступности недвижимости, индекс загрязнения окружающей среды¹⁸.

11. Индекс деловой активности (2023 г.). Показатель рассчитывается Institute for Supply Management и IHS Markit на основе результатов опросов менеджеров по закупкам, охватывает производственный сектор и сферу услуг¹⁹.

12. Индекс человеческого развития (2024 г.). Показатель является комбинированным, рассчитывается и публикуется ежегодно Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) (United Nations Development Programme, (UNDP)). Последнее исследование – Human Development Report 2024. Расчет индекса основан на измерении метрик по трем ключевым компонентам: благосостояние; права, возможности и агентность; социальная справедливость. Выбранные метрики также отвечают трем направлениям достижений страны в сфере человеческого благосостояния и включают следующие показатели: индекс ожидаемой продолжительности жизни, индекс образования, индекс валового национального дохода²⁰.

13. ВВП на душу населения (2024 г.). Данные опубликованы Международным валютным фондом, показатель рассчитывается путем деления валового внутреннего продукта на численность населения страны²¹.

14. Средняя заработная плата (долл.) (2024 г.). Рейтинг стран мира по уровню заработной платы (в долл.) составлен МОТ путем формирования репрезентативной выборки и нахождения среднего арифметического всех начисленных заработных плат до уплаты налогов, социальных сборов и выплат²².

¹² URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-10-11_v_2024_godu_mintsifry_nedopoluchit

¹³ URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Глобальный_индекс_сетевого_взаимодействия_\(Global_Connectivity_Index\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Глобальный_индекс_сетевого_взаимодействия_(Global_Connectivity_Index))

¹⁴ URL: <https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index>

¹⁵ URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/2a5bb15a1ac633946f46968504dde7c1-0460012022/original/GTMI-Data-Dashboard-User-Guide.pdf>

¹⁶ URL: <https://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index>

¹⁷ URL: <https://gtmarket.ru/ratings/unemployment-ranking>

¹⁸ URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2024-mid

¹⁹ URL: <https://take-profit.org/statistics/manufacturing-pmi/>

²⁰ URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index>

²¹ URL: <https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Economic-Size/Revaluation-of-GDP.aspx>

²² URL: <https://countrycassette.com/average-monthly-salary-by-country-2023/>

15. Уровень урбанизации (2024 г.). Показатель рассчитывается и публикуется на регулярной основе отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. При формировании рейтинга стран мира по этому показателю используются данные переписей населения или иные источники национальных статистических органов²³.

16. Индекс времени в пути на дорогах (2024 г.). Данный индекс рассчитывается краудсорсинговой платформой Numbeo и учитывает среднее время в пути, расходы на топливо и размер выбросов CO₂²⁴.

С целью исключить проблему мультиколлинеарности переменных, включаемых в регрессионную модель, построена корреляционная матрица и произведен отсев регрессоров с корреляцией ниже 0,7 (рис. 4). В результате в дальнейший анализ были включены шесть факторов: уровень расходов страны на НИОКР, уровень цифровизации государственных институтов, глобальный индекс сетевого взаимодействия, доля ИТ-отрасли в ВВП страны, уровень урбанизации и уровень безработицы.

Проверка наличия взаимосвязей между зависимой и независимыми переменными произведена путем построения графиков разброса $X-Y$ (рис. 5). Обнаружен чрезмерный разброс значений по следующим переменным: уровень развития фриланса (F), уровень цифровизации государственных

институтов (D), ВВП на душу населения (GDPc), доля ИТ-отрасли в ВВП страны (IG). Разброс значений устраняется путем логарифмирования значений указанных переменных.

С учетом подготовки данных к проведению регрессионного анализа далее будет продемонстрирована необходимость построить вторую модель множественной регрессии, которая не учитывает проблему мультиколлинеарности, но дает возможность определить потенциальные показатели изменения числа занятых во фрилансе в структуре занятого населения страны.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Модель множественной регрессии построена с учетом исключения переменных с корреляцией более 0,6, с поправкой на гетероскедастичность (использованы робастные оценки стандартных ошибок), исключены четыре пропущенных значения (использовано 27 наблюдений), где в качестве зависимой переменной выступает логарифм уровня развития фриланса, а уравнение регрессии представлено формулой (1) с указанием стандартных ошибок коэффициентов:

$$\ln F = -1,59464 - 0,355568 RD + 0,377858 \ln D + 0,929288 NI + 0,602975 \ln IG + 0,386141 URB - 0,0472595 \ln U. \quad (1)$$

(1,03692) (0,765029) (0,266551) (0,510073) (0,529775) (1,01547) (0,324540)

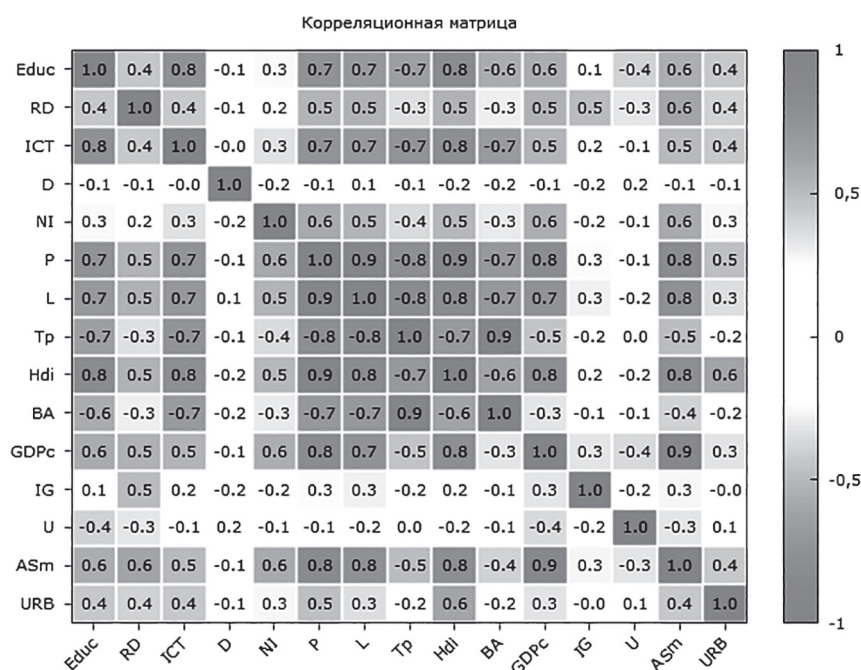

Рис. 4. Корреляционная матрица объясняющих переменных

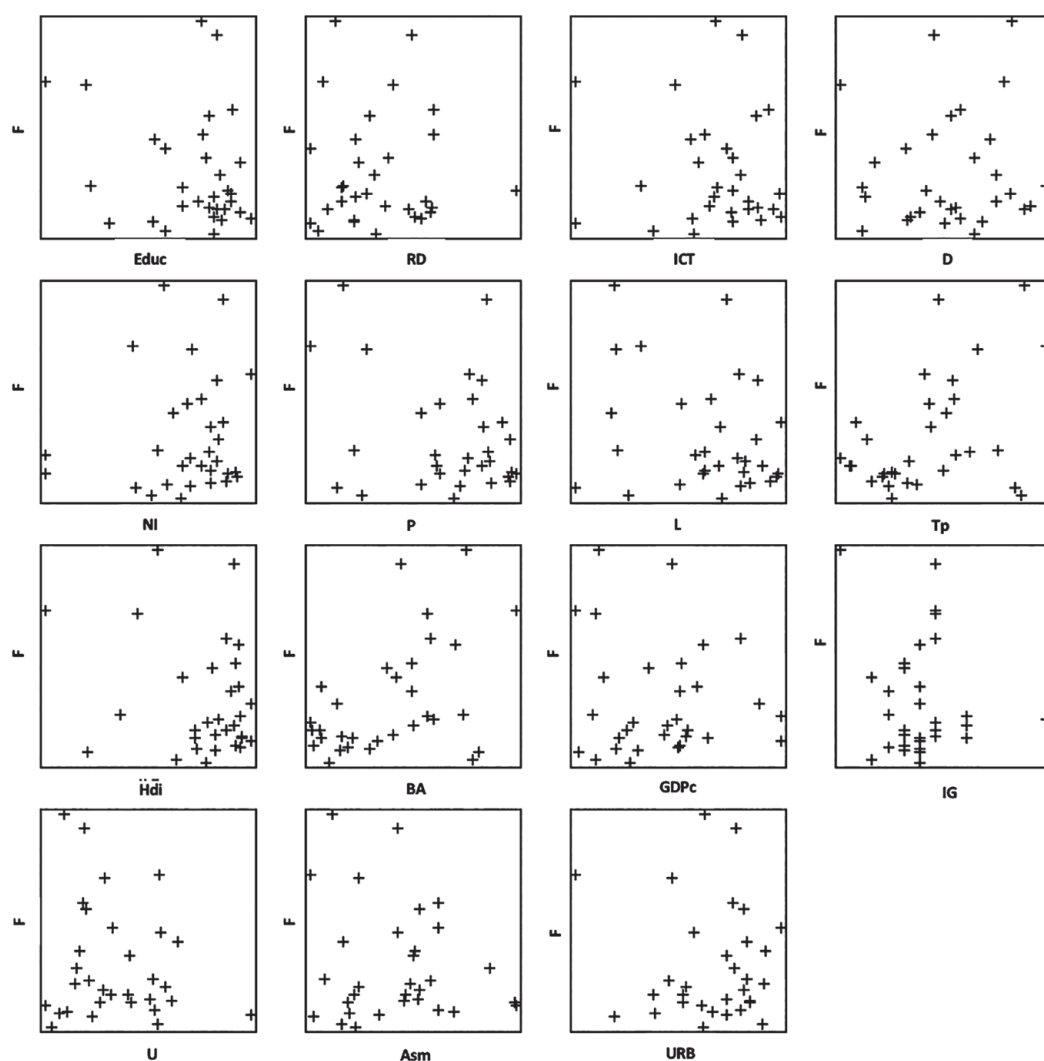

Рис. 5. Графики разброса X–Y переменных регрессии

В результате получена единственная значимая на 10%-м уровне переменная – глобальный индекс сетевого взаимодействия (р-значение – 0,0835). Интерпретируя данный результат, можно отметить, что обнаружена положительная экспоненциальная зависимость между уровнем развития фриланса в стране и глобальным индексом сетевого взаимодействия, в частности при росте размера инвестиций в ИКТ-инфраструктуру, эффективности процессов цифровизации и т.п., число занятых во фрилансе растет:

$$F = e^{-1,59464 + 0,929288 \cdot NI} \quad (2)$$

При этом $R^2 = 0,168768$, исправленный $R^2 = -0,080601$, что демонстрирует плохую спецификацию модели, искажение коэффициентов регрессоров и отсутствие в модели ряда факторов, влияющих на уровень развития фриланса.

Интересные результаты показала модель множественной регрессии, в которую были включены

все представленные переменные, построенная также с учетом разброса их значений. Выполнено более 50 попыток построения модели, основываясь на повышении значения исправленного R^2 . Итоговый результат представлен в табл. 2, где максимальное значение исправленного R^2 , которого удалось добиться, составляет 0,586913, а $R^2 = 0,761681$. Уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \ln F = & -0,485102 + 0,841738 NI + 1,25849 URB + \\ & + 4,73183 P - 4,7196 L - 3,80983 Tp + \\ & + 3,89999 BA - 2,47227 ASm + 0,698615 \ln D - \\ & - 1,10836 U + 0,639841 \ln GDPc + 0,141875 \ln IG. \quad (3) \end{aligned}$$

В результате проведенного нами исследования выявлено девять значимых факторов: глобальный индекс сетевого взаимодействия и средняя зара-

Таблица 2. Модель множественной регрессии лучшей спецификации без учета проблемы мультиколлинеарности

Наименование регрессора	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Уровень значимости регрессора
const	-0,485102	1,45583	-0,3332	0,7436	
<i>NI</i>	0,841738	0,456314	1,845	0,0849	*
<i>URB</i>	1,25849	0,566284	2,222	0,0421	**
<i>P</i>	4,73183	1,84630	2,563	0,0216	**
<i>L</i>	-4,71960	0,918119	-5,141	0,0001	***
<i>Tr</i>	-3,80983	1,72477	-2,209	0,0432	**
<i>BA</i>	3,89999	1,37214	2,842	0,0124	**
<i>ASm</i>	-2,47227	1,17877	-2,097	0,0533	*
<i>I_D</i>	0,698615	0,194004	3,601	0,0026	***
<i>U</i>	-1,10836	0,632984	-1,751	0,1004	
<i>I_GDPc</i>	0,639841	0,244687	2,615	0,0195	**
<i>I_IG</i>	0,141875	0,356856	0,3976	0,6965	
Среднее значение зависимой переменной		-1,723238	Стандартное отклонение зависимой переменной		0,859115
Сумма квадратов остатков		4,573356	Стандартная ошибка модели		0,552169
R-квадрат		0,761681	Исправленный R-квадрат		0,586913
F (11, 15)		15,51076	P-значение (F)		2,99e-06
Логарифмическое правдоподобие		-14,34088	Критерий Акаике		52,68176
Критерий Шварца		68,23180	Критерий Хеннана-Куинна		57,30561

* 10%-й уровень значимости регрессора; ** 5%-й уровень значимости регрессора; *** 1%-й уровень значимости регрессора.

ботная плата (10%-й уровень значимости); уровень урбанизации, уровень процветания, индекс времени в пути на дорогах, индекс деловой активности, ВВП на душу населения (5%-й уровень значимости), индекс качества жизни и уровень цифровизации государственных институтов (1%-й уровень значимости). Положительная экспоненциальная зависимость обнаружена со следующими объясняющими переменными: глобальный индекс сетевого взаимодействия, уровень урбанизации, уровень процветания, индекс деловой активности, уровень цифровизации государственных институтов, ВВП на душу населения. Обратная экспоненциальная зависимость уровня развития фриланса прослеживается с индексом качества жизни, индексом времени в пути на дорогах, средней заработной платой.

Произведена проверка построенной модели на наличие гетероскедастичности посредством проведения теста Breusch-Pagan, в качестве зависимой переменной выступают квадратизированные остатки регрессионной модели ($uhat^2$). Результаты представлены в табл. 3.

Объясненная сумма квадратов составила 23,6049; тестовая статистика: $LM = 11,802453$; p -значение = $P(\text{Хи-квадрат}(11) > 11,802453) = 0,378674 > 0,05$, что отвергает нулевую гипотезу о наличии гетероскедастичности в модели регрес-

сии. Тест White на гетероскедастичность также показал ее отсутствие: неисправленный R-квадрат = 0,821527; тестовая статистика: $TR^2 = 22,181231$; p -значение = $P(\text{Хи-квадрат}(22) > 22,181231) = 0,449117 > 0,05$.

В целях проверки правильности спецификации построенной модели проведен тест Рамсея, результаты представлены в табл. 4. Тестовая статистика F составила 0,487386; p -значение = $P(F(2,13) > 0,487386) = 0,625 > 0,05$, поэтому гипотеза о том, что предложенная спецификация корректна, не отвергается.

На основе проведенного исследования можно выделить реальные и потенциальные факторы, влияющие на развитие фриланса в стране. К реальным факторам относится глобальный индекс сетевого взаимодействия, выявленный в модели множественной регрессии, которая построена с учетом исключения регрессоров с высокой корреляцией и коррекций значений переменных, исходя из анализа графиков разброса $X-Y$. К потенциальным факторам, которые также могут влиять на изменение доли занятых во фрилансе в структуре занятого населения, можно отнести: среднюю заработную плату; уровень урбанизации; уровень процветания; индекс времени в пути на дорогах; индекс деловой активности; ВВП на душу насе-

Таблица 3. Тест Breusch-Pagan на гетероскедастичность

Наименование регрессора	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
const	-1,08226	4,79580	-0,2257	0,8245
NI	2,47950	2,00886	1,234	0,2361
URB	0,419776	2,13144	0,1969	0,8465
P	5,29165	5,32141	0,9944	0,3358
L	-3,31414	4,27992	-0,7743	0,4508
Tr	7,39544	5,43798	1,360	0,1939
BA	-5,31026	4,41948	-1,202	0,2482
ASm	-1,83006	2,80420	-0,6526	0,5239
I_D	0,667889	0,592859	1,127	0,2776
U	0,627748	2,02680	0,3097	0,7610
I_GDPc	0,221991	0,952193	0,2331	0,8188
I_IG	1,08982	1,05208	1,036	0,3167

Таблица 4. Вспомогательная регрессия для теста Рамсея

Наименование регрессора	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
const	-0,837801	1,85421	-0,4518	0,6588
NI	2,30858	2,00144	1,153	0,2695
URB	3,78581	3,32656	1,138	0,2756
P	12,4782	11,3585	1,099	0,2919
L	-12,7330	11,6601	-1,092	0,2947
Tr	-10,1591	9,36343	-1,085	0,2976
BA	10,4763	9,31500	1,125	0,2811
ASm	-6,70890	5,94190	-1,129	0,2793
I_D	1,80684	1,60187	1,128	0,2797
U	-3,00046	2,75073	-1,091	0,2952
I_GDPc	1,74801	1,61277	1,084	0,2981
I_IG	0,319368	0,456867	0,6990	0,4968
yhat ²	1,15087	1,37537	0,8368	0,4178
yhat ³	0,220122	0,241662	0,9109	0,3789

ния; индекс качества жизни и уровень цифровизации государственных институтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании предпринята попытка определить показатели развития рынка фриланса на основе изучения научных трудов отечественных и зарубежных ученых, посвященных анализу факторов, влияющих на фриланс как модель социально-трудовых отношений. В результате отбора объясняющих переменных с учетом анализа корреляционных зависимостей и взаимосвязей между ними построено две модели мно-

жественной регрессии, позволяющие сделать несколько выводов.

Глобальный индекс сетевого взаимодействия положительно влияет на рост доли занятых во фрилансе в структуре занятого населения и представляет собой эссенцию различных метрик, относящихся к эффективности вложенных инвестиций в ИТ-инфраструктуру, в развитие цифровых технологий (в том числе таких поддерживающих технологий, как широкополосная связь и облачные сервисы) и их влияние на скорость и качество цифровой трансформации. Так как современный фриланс предполагает удаленный формат труда с использованием сети Интернет, цифровых платформ и различных сервисов, приложений и программ, то наличие и по-

вышение уровня доступности к развитой ИТ-инфраструктуре облегчает работу данной категории занятых и увеличивает их численность. Кроме того, рост уровня урбанизации населения также способствует расширению рынка занятых во фрилансе в силу более развитой ИТ-инфраструктуры в городах по сравнению с сельской местностью. Например, исследование Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ показало, что свыше 800 городов России лишены возможности предоставить доступ населению к современным цифровым сервисам²⁵.

Уровень процветания отражает достижения страны в таких сферах, как экономика, предпринимательство, экология, образование, здравоохранение и т.п., поэтому в целом наличие благоприятных условий существования позволяет населению свободно заниматься любым видом труда в рамках фриланса. Рост уровня цифровизации государственных институтов облегчает взаимодействие с ними занятых во фрилансе в части предоставления отчетности о доходах, своевременной уплаты налогов, пошлин и т.п., поэтому данный фактор относится к индикаторам роста рынка занятых во фрилансе. Повышение деловой активности отражается в улучшении бизнес-климата, в частности развитии и/или масштабировании предпринимательской деятельности, что обеспечивает рост рынка занятых во фрилансе по разным причинам. Например, занятые во фрилансе демонстрируют активную вовлеченность в свою трудовую деятельность, которая проявляется в виде повышения эффективности бизнес-процессов и результативности деятельности компании.

²⁵ URL: <https://www.hse.ru/expertise/news/220072744.html>

При этом увеличение средней заработной платы по стране приводит к снижению числа занятых во фрилансе и замедлению роста фриланс-рынка в силу улучшения качества жизни и отсутствия необходимости поиска дополнительных источников дохода вдобавок к стандартной долгосрочной занятости населения (штатного трудоустройства на основе бессрочного трудового договора). Однако повышение индекса качества жизни, который характеризуется улучшением здоровья, семейной и общественной жизни, материального благополучия, уровня занятости и проч., также приводит к снижению количества занятых во фрилансе. Вместе с тем увеличение времени в пути на дорогах также снижает число занятых на фриланс-рынке предположительно в связи с тем, что фриланс, помимо удаленных занятых во фрилансе, включает большую долю занятых в экономике совместного потребления (шеринге). Так, по данным Bank of America, наиболее быстрорастущим сегментом экономики свободного заработка (гигономики) являются совместные поездки с попутчиками (и водителем частного автомобиля), рост на 260% занятых, получающих доход от перевозки пассажиров, по сравнению с периодом пандемии COVID-19²⁶.

Таким образом, учет выявленных факторов позволит определять уровень развития рынка занятых во фрилансе при формировании государственного бюджета в части стратегического управления занятостью, разработки мероприятий по обеспечению населения достойным трудом.

²⁶ URL: <https://institute.bankofamerica.com/content/dam/economic-insights/consumer-morsel-gig-economy-is-up.pdf>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абд্রেисова Д.Ж., Байтенизов Д.Т., Азатбек Т.А. и др. (2021). Факторы развития рынка фриланс-услуг // Экономика: стратегия и практика. № 16 (4). С. 188–207. URL: <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2021-4-188-207>
- Алиев И.М. (2023). Трансформация форм занятости в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 5 (143). С. 14–21.
- Дрокина К.В. (2021). Факторы, влияющие на развитие рынка фриланса в России // Вектор экономики. № 3 (57). Статья 60. С. 1–6.
- Красникова А.С. (2023). Шеринг персонала как новая форма организации труда в современных компаниях // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. № 1. С. 168–174.
- Лапидус Л.В., Полякова Ю.М. (2022). Гигономика: новые возможности для цифровой трансформации бизнеса в условиях высокой турбулентности цифровой среды // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 5. С. 23–46.
- Пилипчук Н.В., Кукина Е.Е., Суханова И.Г. (2024). Неформальная занятость: оценка роли международного сотрудничества и факторов воздействия // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. Т. 26. № 1. С. 94–109.
- Полетаева О.В. (2017). Социальные факторы появления фрилансеров в структуре занятого населения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 1 (41). С. 119–129.
- Полякова Ю.М. (2024). Гигономика 2020–2030: ключевые детерминанты и траектории развития. Сб. науч. ст. по материалам Четырнадцатого международного межвузовского круглого стола «Российский рынок труда глазами молодых ученых» / под ред. Т.О. Разумовой, Р.П. Колосовой, М.В. Артамоновой. М.: Экономический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 16–28.
- Тагаров Б.Ж. (2018). Факторы развития рынка фриланса в информационной экономике // Креативная экономика. Т. 12. № 10. С. 1703–1713.

- Ayoobzadeh M. (2022). Freelance job search during times of uncertainty: Protean career orientation, career competencies and job search. *Personnel Review*, no. 51, pp. 40–56.
- Burke A., Cowling M. (2020). The relationship between freelance workforce intensity, business performance and job creation. *Small Business Economics*, no. 55 (2), pp. 399–413.
- Durlauf M. (2019). The Commodification of Digital Labor in the Gig Economy: Online Outsourcing, Insecure Employment, and Platform-based Rating and Ranking Systems. *Psychosociological Issues in Human Resource Management*, no. 7, pp. 54–59.
- Elstad B. (2015). Freelancing: Cool jobs or bad jobs? *Nordisk Kulturpolitisk Tidsskrift*, no. 18, pp. 101–24.
- Holtz D.M., Liane S., Siddharth S. (2022). How Much Do Platform Workers Value Reviews? An Experimental Method. Paper presented at the 2022 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New Orleans. LA, USA. April 29–May 5. Pp. 1–11.
- Horton J.J. (2010). Online labor markets. In *International Workshop on Internet and Network Economics*. Berlin: Heidelberg: Springer. Pp. 515–522.
- Munoz I., Dunn M., Sawyer S., Michaels E. (2022). Platform-mediated Markets, Online Freelance Workers and Deconstructed Identities. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, no. 6, pp. 1–24.
- Varun G., Fernandez-Crehuet J.M., Gupta Ch., Hanne Th. (2020). Freelancing models for fostering innovation and problem solving in software startups: An empirical comparative study. *Sustainability*, no. 12: 10106, p. 29.
- Ward de J., Kelliher C., Peters P., Blomme R., Sakamoto Y. (2016). Fit for self-employment? An extended Person–Environment Fit approach to understand the work–life interface of self-employed workers. *Journal of Management & Organization*, no. 22, pp. 797–816.

REFERENCES

- Abdreissova D.Zh., Baitenizov D.T., Azatbek T.A., Valieva S.N. Freelance market development factors. *Economy: Strategy and Practice*, no. 16 (4), pp. 188–207 (in Russ.) URL: <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2021-4-188-207>
- Aliev I.M. (2023). Transformation of employment forms in the context of the economy digitalization. *News of the Saint Petersburg State University of Economics*, no. 5 (143), pp. 14–21 (in Russ.)
- Drokina K.V. (2021). Factors influencing the development of the freelance market in Russia. *VectorEconomy*, no. 3 (57), art. 60, pp. 1–6 (in Russ.)
- Krasnikova A.S. (2023). Personnel sharing as a new form of labor organization in modern companies. *Innovative Economy: Information, Analysis, Prognoses*, no. 1, pp. 168–174 (in Russ.)
- Lapidus L.V., Polyakova Ju.M. (2022). Gig economy: the new opportunities for business digital transformation under high turbulent digital environment. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 5, pp. 23–46 (in Russ.)
- Pilipchuk N.V., Kukina E.E., Suhanova I.G. (2024). Informal employment: assessment of the role of international cooperation and impact factors. *Journal of Volgograd State University. Economics*, vol. 26, no. 1, pp. 94–109 (in Russ.)
- Poletaeva O.V. (2017). Social factors of freelancers appearance in the structure of employed population. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, no. 1 (41), pp. 119–129 (in Russ.)
- Polyakova Ju.M. (2024). *Gig economy 2020–2030: key determinants and development trajectories*. Coll. Sc. articles based on the materials of the Fourteenth International Interuniversity Round Table «Russian Labor Market through the Eyes of Young Scientists». Ed. by T.O. Razumova, R.P. Kolosova, M.V. Artamonova. Moscow: Faculty of Economics. Lomonosov Moscow State University, pp. 16–28 (in Russ.)
- Tagarov B. Zh. (2018). Factors of development of the market of freelance in information economy. *Journal of Creative Economy*, vol. 12, no. 10, pp. 1703–1713 (in Russ.)
- Ayoobzadeh M. (2022). Freelance job search during times of uncertainty: Protean career orientation, career competencies and job search. *Personnel Review*, no. 51, pp. 40–56.
- Burke A., Cowling M. (2020). The relationship between freelance workforce intensity, business performance and job creation. *Small Business Economics*, no. 55 (2), pp. 399–413.
- Durlauf M. (2019). The Commodification of Digital Labor in the Gig Economy: Online Outsourcing, Insecure Employment, and Platform-based Rating and Ranking Systems. *Psychosociological Issues in Human Resource Management*, no. 7, pp. 54–59.
- Elstad B. (2015). Freelancing: Cool jobs or bad jobs? *Nordisk Kulturpolitisk Tidsskrift*, no. 18, pp. 101–24.
- Holtz D.M., Liane S., Siddharth S. (2022). *How Much Do Platform Workers Value Reviews? An Experimental Method*. Paper presented at the 2022 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New Orleans. LA, USA. April 29–May 5. Pp. 1–11.
- Horton J.J. (2010). *Online labor markets*. In *International Workshop on Internet and Network Economics*. Berlin: Heidelberg: Springer. Pp. 515–522.
- Munoz I., Dunn M., Sawyer S., Michaels E. (2022). Platform-mediated Markets, Online Freelance Workers and Deconstructed Identities. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, no. 6, pp. 1–24.
- Varun G., Fernandez-Crehuet J.M., Gupta Ch., Hanne Th. (2020). Freelancing models for fostering innovation and problem solving in software startups: An empirical comparative study. *Sustainability*, no. 12: 10106, p. 29.
- Ward de J., Kelliher C., Peters P., Blomme R., Sakamoto Y. (2016). Fit for self-employment? An extended Person–Environment Fit approach to understand the work–life interface of self-employed workers. *Journal of Management & Organization*, no. 22, pp. 797–816.

ТАРИФНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

© Соловьев А.К., 2025

Соловьев Аркадий Константинович, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8563-9836, eLibrary SPIN: 6165-1300, arksolov@yandex.ru

Статья поступила: 19.10.2024, принята к печати: 04.03.2025

Оригинальная статья

Аннотация. Целью исследования является анализ российской тарифной политики обязательного пенсионного страхования с позиции выполнения ее институциональной функции – эффективного формирования пенсионных прав граждан. Методологическую основу исследования составили общие и специальные методы анализа (экономико-статистический, финансовый, системный, сравнительный) и обобщение практического материала. Информационной базой исследования служат официально опубликованные данные Росстата, СФР и ОЭСР. В статье показано, что действующая тарифно-налоговая политика обязательного пенсионного страхования ориентирована на макроэкономические функции в бюджетной системе в ущерб социальным приоритетам долгосрочного устойчивого развития государства, поскольку существенно ограничивает основные категории занятого населения по формированию индивидуальных пенсионных прав для достойной старости. Основная причина этого в том, что тарифная политика интегрирована в налоговую и бюджетные системы страны и направлена только на выполнение функции перераспределения.

Ключевые слова: тариф страховых взносов, пенсионные права, обязательное пенсионное страхование, налоговая политика, тарифная политика, благополучие пенсионеров

Классификация JEL: H55

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00306 «Актuariстический анализ и оценка рисков глобальной цифровизации экономики для финансовой обеспеченности выполнения государственных пенсионных обязательств и стратегической устойчивости государственной пенсионной системы РФ».

Для цитирования: Соловьев А.К. (2025). Тарифная политика в сфере социального страхования и формирование пенсионных прав граждан // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 1. С. 60–71. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-60-71](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-60-71). EDN: QTOMAV

[https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-60-71](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-60-71)

EDN: QTOMAV

TARIFF POLICY IN THE FIELD OF SOCIAL INSURANCE AND FORMATION OF PENSION RIGHTS OF CITIZENS

© Soloviev A.K., 2025

Arkadiy K. Soloviev, Dr. Sci. (Economics), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8563-9836, eLibrary SPIN: 6165-1300, arksolov@yandex.ru

Received: 10/19/2025, Accepted: 03/04/2025

Original article

Abstract. The purpose of the study is to identify the problems of the Russian tariff and tax policy of compulsory pension insurance from the standpoint of performing the institutional function of the state pension system – effective formation of pension rights of citizens. The methodological basis of the study was formed by general and special methods of scientific knowledge: analysis (economic and statistical, financial, systemic, comparative) of theoretical and practical material and synthesis, expert assessments. The information base of the study is officially published data from Rosstat, the SFR and the OECD. The article shows that the current tariff and tax policy of the OPS is focused on macroeconomic functions in the budget system to the detriment of social priorities of long-term sustainable development of the state, since it significantly limits the main categories of the employed population in the formation of individual pension rights for a dignified old age. The main reason for this is that the tariff policy is fully integrated into the tax and budget systems of the country and is aimed only at implementing the redistribution function.

Keywords: insurance premium rate, pension rights, compulsory pension insurance, tax policy, tariff policy, contribution base, well-being of pensioners

Классификация JEL: H55

Acknowledgement. This study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 24-28-00306 «Actuarial and statistical analysis and the estimate of the risks of the global digitalization of economy for providing the execution of financial provision of pension responsibilities on the state and strategic stability of the state pension system in the Russian Federation».

For reference: Soloviev A.K. Tariff policy in the field of social insurance and formation of pension rights of citizens. *Economics of Contemporary Russia*. 2025;28(1):60–71. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-60-71](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-60-71). EDN: QTOMAV

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема финансового обеспечения выполнения государственных пенсионных обязательств занимает центральное место не только в социальной политике, но и во всем бюджетном и планово-стратегическом процессах как по объему расходов, так и по социально-политической значимости для повышения уровня жизни практически третьей части населения страны. Дополнительную значимость предстоящему этапу развития государственной пенсионной системы придает актуализация социальных целей национальных приоритетов развития экономики Президентом РФ в очередном президентском Указе (№ 309 «О национальных целях ...»)¹. Особенно важное значение тарифная политика имеет на предстоящий бюджетный и плановый период², поскольку пенсионная система РФ переходит в завершающий этап пенсионной реформы до 2030 г., основанный на реализации страховых принципов государственного пенсионного обеспечения, которые были определены правительственной *Стратегией долгосрочного развития государственной пенсионной системы РФ до 2030 г.* (Стратегия – 2030)³.

Авторская гипотеза выполненного исследования заключается в том, что тарифная система обязательного пенсионного страхования (ОПС) в нашей стране, так же как и эффективная практика в странах с развитой пенсионной системой (Германия, Великобритания, Швейцария, Финляндия и др.) (OECD, 2023; European Commission, 2024; МОТ, 2001), должна не только выполнять функцию финансового обеспечения реализации текущих пенсионных выплат, но и создавать условия для всех категорий трудоспособного населения с целью формирования своих будущих пенсионных прав в адекватном размере для достойного уровня жизни (Соловьев, 2013а; 2014).

Проблемы финансирования обязательного пенсионного страхования в части тарифной политики

постоянно находятся в центре внимания отечественных и зарубежных научно-исследовательских работ, так как «тарифная политика интегрирует в себе большинство современных проблем пенсионной системы, поскольку она, с одной стороны, определяет экономические условия формирования пенсионных прав будущих пенсионеров, а с другой стороны, непосредственно влияет на перераспределение финансовых ресурсов страхователей-работодателей, индивидуальных предпринимателей, государственного страховщика и государственных бюджетных средств из общеналоговых поступлений» (Соловьев, 2013б).

Размер и условия начисления страховых взносов в государственную систему обязательного пенсионного страхования в институциональном контексте являются главным связующим звеном между поколением трудоспособного и нетрудоспособного населения, поскольку должны обеспечивать выполнение базовой функции солидарно-страховой модели пенсионного обеспечения – адекватность уровня страховой пенсии (в нетрудоспособный период жизни) размеру страхуемого заработка (в трудоспособный период). Поэтому на всех этапах рыночной настройки экономики тарифная политика занимает важное место не только в бюджете пенсионной системы, но и в государственной налоговой политике (Зотиков, 2019; Соловьев, 2012; Громов, 2015; Муравлева, 2011; Мальцев, 2014).

Однако до сих пор нет консолидированной позиции ни в экономической сущности тарифной политики, ни в ее параметрических характеристиках (Тучкова, 2022; Воронин, 2014; Истомина, Федорова, 2018).

Закономерно, что отсутствие научного обоснования отражается в практических решениях органов управления, которые вынуждены предпринимать оперативные действия в ответ на актуальные запросы и вызовы как планово-бюджетного, так и долгосрочного стратегического характера. В частности, в стратегических решениях тарифная политика рассматривается в качестве составного элемента налоговой системы в форме дополнительной (даже неэффективной) нагрузки на фонд заработной платы, т.е. «нагрузки на развитие бизнеса» (Кудрин, Гурвич, 2012). Аналогичную позицию разделяют российские эксперты (Стратегия-2020, 2013а; 2013б; Белановский и др., 2016)⁴, а также иностранные специалисты, которые особое внимание уделяют вопросам

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития РФ на период 2030 и перспективу 2036 года».

² Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308751-osnovnye_napravleniya_byudzhethnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2025_god_i_na_planovyi_period_2026_i_2027_godov

³ Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 8029. URL: <https://base.garant.ru/70290226/?ysclid=m4bcbsm1dk662670702>

⁴ Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р; Программа пенсионной реформы в РФ (одобрена Постановлением Правительством РФ № 463 от 20.05.1998).

зависимости финансового обеспечения пенсионных систем и, соответственно, тарифной политики от демографической динамики (Котликофф, Бёрнс, 2005). Альтернативная позиция отражена в материалах экспертов Международной ассоциации социального обеспечения (МАСО), Международной организации труда (МОТ), Организации экономического и социального развития (ОЭСР), Всемирного банка (ВБ) и Европейской Комиссии (ЕК), которые рассматривают тарифную политику в контексте экономического механизма формирования пенсионных прав застрахованных лиц как в рамках солидарной страховой, так и индивидуально-накопительной пенсионной моделях с целью прогнозирования долгосрочной сбалансированности национальных пенсионных системы с учетом макроэкономических и демографических рисков (European Commission, 2024; МОТ, 2001).

Российская практика построения тарифно-налоговой модели финансового обеспечения ОПС все еще имеет экспериментальный характер, сопровождающийся систематическим пересмотром нормативно-правового регулирования. При этом изменения в тарифной политике имеют, как правило, конъюнктурный характер, отражающий сиюминутные потребности финансового обеспечения пенсионного бюджета страны в зависимости от текущей социально-политической ситуации. В предстоящий планово-бюджетный период тарифная система страховых взносов на обязательное пенсионное страхование также ориентирована на решение только одной задачи – обеспечить финансовую сбалансированность бюджета Социального фонда России (СФР) по текущим государственным обязательствам, в то время как вторая составная часть тарифной политики – формирование пенсионных прав застрахованных лиц – практически не учитывается⁵.

ТАРИФНАЯ СИСТЕМА ОПС КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАХОВЫХ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ РАБОТНИКА

В исследовании тарифно-налоговая политика рассматривается в контексте реализации страховых принципов финансирования страховых пенсий, где размер и условия отчислений тарифа страховых взносов выступает как источник форми-

рования пенсионных прав в России в неразрывной связи с бюджетно-налоговой системой страны.

Пенсионная реформа начала 2000-х гг. в России основана на реализации страховых принципов финансирования, формирования и реализации пенсионных прав в части обязательного пенсионного страхования в рамках бюджетно-налогового механизма. Данный процесс с разной интенсивностью продолжается до сих пор. Однако, если в начале 1990-х гг., когда система ОПС только начала функционировать, единственным источником финансирования пенсий были страховые взносы, «льготные» тарифы страховых взносов имели узко целевой характер, то в текущий и предстоящий бюджетный период устанавливается *единый тариф страховых взносов* во все государственные внебюджетные фонды (ГВФ): 30% – в пределах максимальной базы начисления (ПВЗ) и 15,1% – свыше указанного ПВЗ.

При этом активно расширяющийся контингент неформальной занятости оказался за пределами традиционного нормативно-правового регулирования финансирования и формирования пенсионных прав благодаря получению статуса «льготных» плательщиков страховых взносов. Эти льготы распространялись не только на размер страховых тарифов, но и на условия их уплаты (табл. 1).

Анализ льготных условий уплаты страховых взносов позволяет установить разнонаправленное влияние на страховые принципы и финансовую сбалансированность всей государственной пенсионной системы в течение периода формирования и реализации государственных пенсионных обязательств. С одной стороны, в текущий бюджетный период льготные тарифы влекут за собой недопоступление финансовых ресурсов в доходную часть пенсионного бюджета, что закономерно потребует адекватной компенсации – федерального трансферта. С другой стороны, в долгосрочной перспективе при наступлении у льготного контингента плательщиков страховых случаев старости, инвалидности и др. необходимо предусмотреть в расходной части бюджета увеличение федерального трансферта на финансирование страховых пенсий, сформированных на льготных основаниях.

Следует подчеркнуть, что пенсионные права застрахованных лиц указанных льготных категорий плательщиков должны формироваться на общеустановленных нормативных основаниях, которые значительно превышают суммы отчисляемых взносов. Недостающий объем пенсионных прав предусматривается компенсировать за счет перераспределения *общеналоговых доходов федерального бюджета* в рамках межбюджетных трансфертов. Система межбюджетных трансфертов на ОПС включает в себя компенсацию институционально

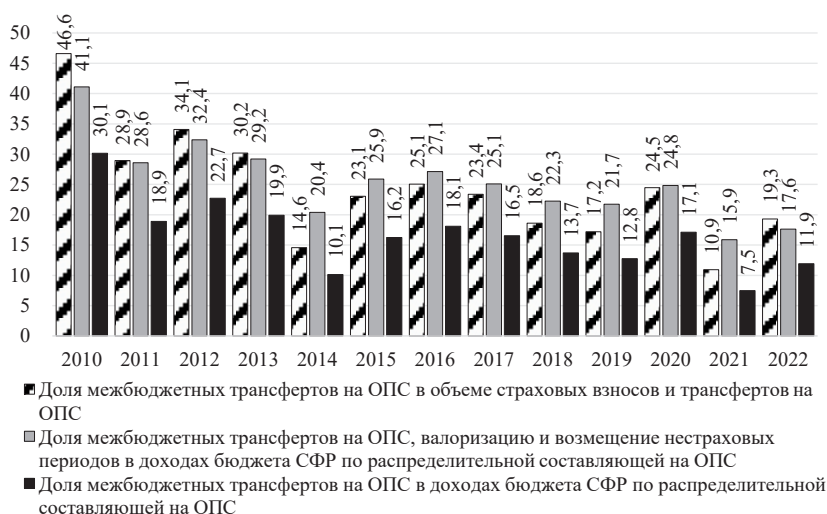
⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 727321-8 «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». URL: <https://base.garant.ru/76866296/>

Таблица 1. Дифференциация льготных размеров тарифа страховых взносов на ОПС на бюджетный период

Льготные категории плательщиков страховых взносов		
1	2	3
• плательщики – субъекты МСП; • плательщики – субъекты МСП, основным видом экономической деятельности которых является деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков и со среднесписочной численностью работников свыше 250 человек; • участники проекта «Сколково»; • участники проекта инновационных научно-технологических центров	• резиденты ТОСЭР; • резиденты свободного порта Владивосток; • резиденты особой экономической зоны в Калининградской области; • участники СЭЗ на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя; • ИТ-организации; • российские организации, осуществляющие деятельность по проектированию и разработке изделий электронной компонентной базы и электронной (радиоэлектронной) продукции; • организации, зарегистрированные на территории Курильских островов; • российские организации, осуществляющие производство и реализацию произведенной ими анимационной аудиовизуальной продукции; • социально ориентированные некоммерческие организации*; • благотворительные организации*	• организации, производящие выплаты и иные вознаграждения членам экипажей судов; • участники специального административного района на территориях Калининградской области и Приморского края, производящие выплаты и иные вознаграждения членам экипажей судов
15,0% с выплат, превышающих МРОТ, – на бессрочный период	7,6% – с 2023 г.	0,0% – до 2027 г. включительно

*Только в течение 2023–2024 гг.

И с т о ч н и к: составлено на основании ст. 427 НК РФ.

Рис. 1. Динамика доли средств федерального бюджета в доходах на ОПС, %

И с т о ч н и к: составлено автором по данным Росстата.

различных видов пенсионных выплат. В зависимости от текущих изменений структуры этих пенсионных выплат корректируется размер межбюджетных трансфертов. Это приводит к значительным колебаниям доли межбюджетных трансфертов на ОПС в совокупном объеме страховых взносов и трансфертов на ОПС, которая составила 10,9%, а в 2020 г. достигала 24,5%, в 2010 г. – 46,6% (рис. 1).

В результате расширяющейся системы льгот в уплате страховых взносов значительной проблемой российской пенсионной системы является

сохранение ее неразрывной связи с бюджетно-налоговой системой страны. Тарифная политика обязательного пенсионного и социального страхования все более интегрируется в действующую бюджетно-налоговую систему государства как в нормативно-правовом, так и в организационно-административном формате, так как все более утрачивает самостоятельный характер, и порядок уплаты страховых взносов полностью определяется НК РФ. Следует отметить, что это противоречит мировой практике социального страхования, кото-

рая ориентирована на отделение страховой модели пенсионного обеспечения от государственного бюджета (Шестакова, 2022; Тучкова, 2017; Соловьев, 2020).

В исследовании показано, что можно говорить о нарастающей деформации страховых принципов функционирования СФР. Начатая в 2023 г. институциональная перестройка системы обязательного пенсионного и социального страхования могла коренным образом изменить положение дел в этом вопросе, но в результате при создании СФР произошло еще более сильное размывание страховых принципов, поскольку в 2022 г. в Пенсионный фонд России было передано от органов социальной защиты 35 видов социальных выплат в основном нестрахового характера, направленных на материальную поддержку различных возрастных групп населения, что охватывало свыше 2 млн человек.

О растущей интеграции тарифной политики обязательного пенсионного и социального страхования в налоговую систему свидетельствует и тот факт, что в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики большое внимание уделено государственному регулированию внебюджетных фондов и страховым взносам, уплачиваемым в них. Обращает внимание при расчете фискальной нагрузки и проведении международных сопоставлений Минфин России также учитывает страховые взносы в составе налоговых доходов.

Анализ динамики тарифной политики за период страховых реформ показывает, что при всей разнонаправленности до середины прошлого десятилетия тарифная система была ориентирована на обеспечение условий для формирования прав на сокращение бедности и повышение размера страховых пенсий, а реализуемые с 2015 г. мероприятия в области пенсионного обеспечения были

направлены исключительно на обеспечение *сбалансированности пенсионной системы* и сокращение трансферта на ОПС (рис. 2): секвестирование пенсионных прав работающих пенсионеров, повышение пенсионного возраста, введение моратория на накопительную пенсию и ее отмену. «Основная причина несостоятельности проведенных пенсионных реформ, главной целью которых декларировалось очередное повышение уровня пенсионного обеспечения, заключается..., в том, что изначально в правовой механизм исчисления пенсий вмонтировались такие элементы (концептуально и формально закрепляемые в нормах права), которые были направлены на достижение совершенно противоположной цели – на оптимизацию расходов на пенсионное обеспечение» (Соловьев, 2020).

Таким образом, взаимосвязь налоговой системы и системы обязательного пенсионного страхования проявляется в различных вопросах и аспектах функционирования пенсионного обеспечения, все более нивелируя страховые принципы формирования прав застрахованных лиц.

Международная теория и практика ОПС предусматривает усиление влияния тарифной политики на расширение активного участия различных категорий трудоспособного населения в формировании своих пенсионных прав. В частности, в МАСО и МОТ в настоящее время именно вопросам расширения (включения всех категорий трудоспособного населения в систему обязательного пенсионного страхования) уделяется больше внимания в условиях сокращения наемных форм занятости по причине цифровизации рынка труда и увеличения неформальных форм занятости. Однако отечественная практика дифференциации и льготирования тарифной системы ОПС имеет противоположную тенденцию. Современная тео-

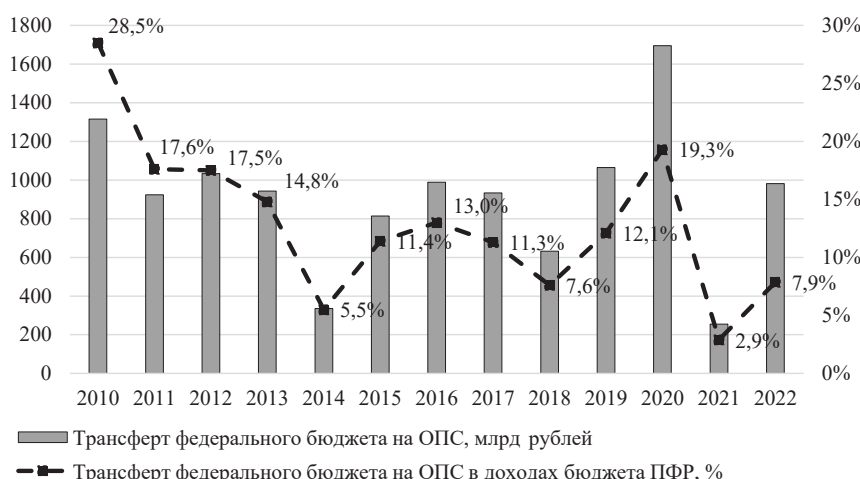

Рис. 2. Динамика трансферта на обязательное пенсионное страхование

Источники: составлено автором на основе данных Федерального казначейства.

рия и практика нормативно-правового обеспечения уплаты тарифов в СФР не учитывает особенностей трудовой деятельности в неформальных секторах экономики, что не только не расширяет охват участников страховой пенсионной системы, но ведет к ограничению для них условий формирования и реализации пенсионных прав, несмотря на формальное предоставление льгот по уплате страховых тарифов и налогов.

Стремление сбалансировать систему ОПЗ за счет собственных источников привело к поступательному снижению уровня страховых пенсий начиная с 2015 г. – года реализации последней масштабной пенсионной реформы (рис. 3). С 2016 г. солидарный коэффициент замещения для страховых пенсий по старости для неработающих пенсионеров снизился до 31,3%, сократившись фактически до уровня 2000-х гг. Это существенно ниже минимальных стандартов Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы и минимального требования Конвенции МОТ № 102⁶.

Интеграция отечественной тарифной системы в бюджетно-налоговую негативно отражается на трансформации институциональных принципов

формирования пенсионных прав в выполнении функции солидарно-страхового перераспределения. Так, страховые взносы нельзя рассматривать как фискальную нагрузку на экономику, поскольку они представляют собой отложенные государственные пенсионные обязательства, т.е. права на будущие пенсии граждан. Тариф страховых взносов – не просто «величина страхового взноса на единицу измерения базы для исчисления страховых взносов» (Стратегия-2020, 2013; Соловьев, 2020), он отражает объем формируемых пенсионных прав граждан. Такого тарифа должно быть достаточно для формирования пенсионных прав застрахованных лиц для достойной старости, а не обеспечения размера страховых пенсий на уровне порога бедности (МОТ, 2001).

Принципиально важным является тот факт, что страны со схожими уровнями тарифа страховых взносов имеют пенсионные расходы, превышающие российский уровень. При этом в Бельгии, Люксембурге, Японии, Польше, Германии, где тариф страховых взносов меньше 20%, доля расходов на выплату пенсий в ВВП превышает 8%, а в трех странах – 10% (рис. 4). В Австрии и Португалии, где тариф страховых взносов составляет 22,7–22,8%, пенсионные расходы превышают 12% ВВП. В настоящее время уровень нагрузки на фонд оплаты труда выше среднего по странам ОЭСР, тогда как размера тарифа страховых взносов оказывается недостаточно для достижения целевых ориентиров развития пенсионной системы, а расходы на выплату страховых пенсий при таком уровне страховых отчислений находится на очень низком уровне – менее 6% ВВП.

⁶ Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347616/ (дата обращения 10.09.2024); Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации [Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р] // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 8029. <https://base.garant.ru/70290226/?ysclid=m44bcbsm1dk662670702>.

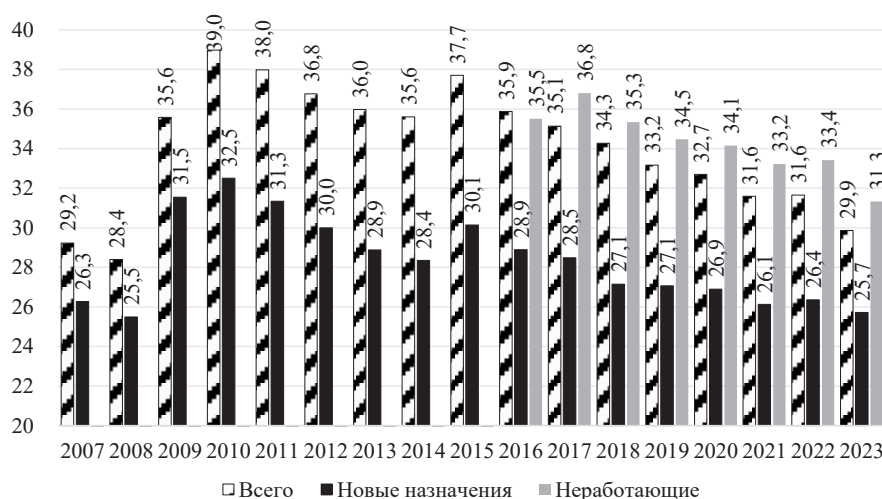

Рис. 3. Соотношение среднего размера назначенных пенсий по старости со средним размером начисленной заработной платы, %

И с т о ч н и к: расчеты автора на основе данных Росстата.

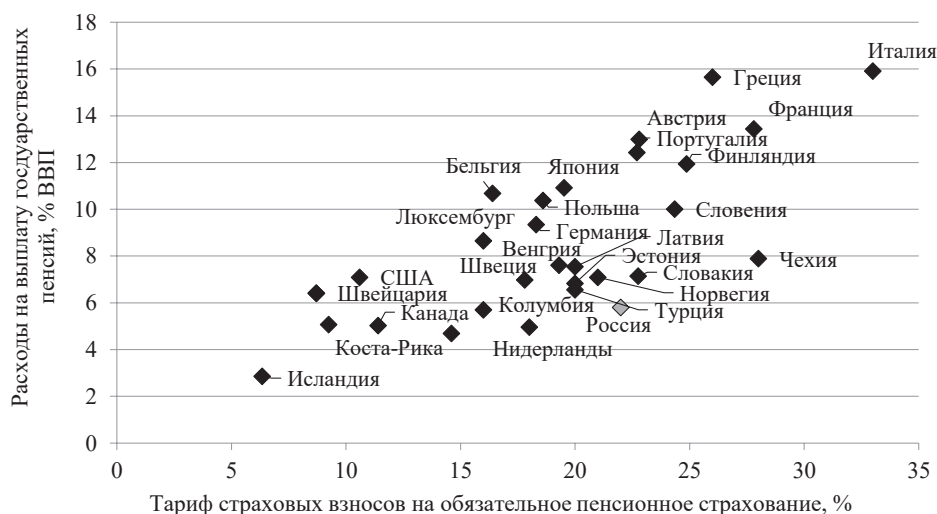

Рис. 4. Сравнение уровня тарифов страховых взносов и расходов на выплату пенсий в странах ОЭСР и России

И с т о ч н и к: составлено автором на основе данных ОЭСР (OECD, 2023) и Европейской Комиссии (European Commission, 2024).

Уровень нагрузки страховых взносов на фонд оплаты труда обусловлен не чрезмерным объемом установленных тарифов, а высоким уровнем перераспределения внутри самой системы и низким уровнем оплаты труда в стране. Достижение целевых показателей невозможно при таком уровне социального перераспределения. Перераспределение происходит не только по принципу «от богатых к бедным», но и по региональному фактору, возрасту, гендеру, виду экономической деятельности, виду занятости, а также от работающих к неработающим пенсионерам. Перераспределение происходит в рамках как индивидуальной части тарифа, так и солидарной. Таким образом, следует констатировать факт актуарного превышения солидарно-страхового перераспределения в рамках бюджета СФР в пользу получателей досрочных видов страховых пенсий (ранее наступления нормативно установленного пенсионного возраста работникам) во вредных и опасных условиях труда, северянам, плательщикам пониженных размеров тарифа и фиксированных платежей (самозанятые, индивидуальные предприниматели, малый и средний бизнес и др.), а также льготным категориям застрахованных лиц (социально-демографические группы, многодетные матери и др.) и т.д.

В результате такой политики функция пенсии по ОПС сводится к перераспределению (выравниванию) доходов среди пенсионеров. Ввиду большого числа нестраховых элементов в ОПС в рамках пенсионной системы фактически перераспределяются и общие налоговые поступления, перечисляемые в бюджет СФР в виде межбюджетных трансфертов. Согласно оценочным расчетам,

только 65% средней страховой пенсии финансировалось в 2023 г. за счет страховых взносов.

Напомним, что до отмены Единого социального налога (ЕСН) (с 2001 до 2010 г.) в пенсионном и налоговом законодательстве были строго разделены источники и направления финансирования. Базовая часть трудовой пенсии финансировалась за счет вычета из ЕСН в размере 6% фонда оплаты труда. Страховая и накопительная части трудовой пенсии персонифицированы и определяются исходя из накопленного объема пенсионных прав – пенсионного капитала (условного или индивидуально-накопительного). Они финансировались за счет уплаты страховых взносов, которые представляли собой вычет из сумм уплаченного ЕСН. Законодательством была предусмотрена четкая связь между уплатой ЕСН и страховыми взносами.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ТАРИФНОЙ СИСТЕМЫ ОПС

Под тарифной политикой ОПС в исследовании понимается совокупность экономических, финансовых и нормативно-правовых методов государственного регулирования системы уплаты страховых взносов на ОПС и формирования бюджета СФР за счет общеналоговых поступлений, направленных на реализацию государственных обязательств выплачивать страховые пенсии.

В предстоящий планово-бюджетный период сохраняется практика использования тарифной политики пенсионного бюджета как макроэкономического инструмента регулирования финансовой

обеспеченности накопленных государственных пенсионных обязательств без учета выполнения второй неотъемлемой функции тарифа – как инструмента формирования пенсионных прав будущих поколений пенсионеров для достойного уровня жизни при наступлении старости. Особенно наглядно это проявляется в отношении быстро расширяющегося контингента участников неформального сектора занятости (за пределами наемного сектора).

Исследование подтверждает, что первоочередной целью развития современной страховой пенсионной системы должно выступать именно повышение благосостояния пенсионеров – как текущих, так и будущих поколений.

В целях создания условий для достижения социальных целей долгосрочного развития экономики на предстоящий планово-бюджетный период предлагается нормативно выделить и экономически стимулировать выполнение следующих функций и принципов тарифно-налоговой политики ОПС:

1) формирование пенсионных прав граждан на уровне, достаточном для достойной старости;

2) обеспечение финансовых ресурсов для выполнения государственных пенсионных обязательств;

3) экономически справедливое солидарное перераспределение бюджетных средств: общеналоговых средств и страховых отчислений.

Ключевой задачей развития пенсионной системы является повышение благосостояния пенсионеров, поэтому ее главным принципом и функцией является обеспечение формирования пенсионных прав застрахованных лиц и соблюдение принципа эквивалентности пенсионных прав и государственных пенсионных обязательств.

В планово-бюджетный период данная функция тарифной политики ОПС все еще не является приоритетной, чему препятствует:

1) растущее число льгот неформальному сектору занятости при уплате страховых взносов, что не позволяет застрахованным гражданам самостоятельно формировать пенсионные права;

2) распределение по персонифицированным счетам страховых взносов прав таких граждан происходит в отрыве от реально уплаченных сумм страховых взносов;

3) передаваемые бюджету СФР трансферты имеют солидарный характер, обеспечивающий нивелирование недостатка финансовых ресурсов на выполнение государственных пенсионных обязательств, в то время как в соответствии со страховыми принципами трансферты должны иметь целевой характер: на компенсацию выпадающих от пониженных для работодателей размеров та-

риффов доходов, льгот по нестраховым периодам для отдельных категорий застрахованных лиц, для валоризации прав за секвестированный период до пенсионной реформы 2002 г. и другие законодательно установленные выплаты, доплаты и привилегии (Соловьев, 2014; 2013б).

Боле того, целевой бюджетный трансферт должен учитывать необходимость достижения стратегических целей «Стратегии 2030»⁷ по уровню жизни и выполнению обязательств по ратифицированной Конвенции МОТ № 102⁸, а также финансовые риски потери доходов фонда глобальных экономических кризисов, медико-биологических и природно-экологических, технологических и катастроф, компенсация которых предусмотрена субсидиарной ответственностью государственного бюджета и обеспечена ресурсами Фонда национального благосостояния. В исследовании установлено, что в бюджетных проектировках СФР на текущий и предстоящий годы, а также на плановый периоды на 2026–2027 гг. объемы трансферта из федерального бюджета на компенсацию выпадающих доходов бюджета СФР не в полном объеме соответствует объему выпадающих доходов Фонда⁹ (Муравлева, 2011);

4) действующая система социальных доплат и уравнивательный характер пенсионных выплат нивелирует значимость формируемых застрахованными гражданами пенсионных прав. Распределительный принцип финансирования обязательного пенсионного страхования подразумевает солидарное перераспределение внутри системы между поколениями, а не многочисленное и дорогостоящее перераспределение по гендеру, региональному фактору, доходами, возрасту выхода на пенсию и т.д.

В пенсионных системах, которые функционируют на страховых принципах, сбалансированность системы обеспечивается установлением актуарно обоснованного тарифа страховых взносов, который за вычетом нормативно-установленного солидарного перераспределения направляется

⁷ Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 8029. URL: <https://base.garant.ru/70290226/?ysclid=m4bcbsm1dk662670702>

⁸ Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347616/ (дата обращения 10.09.2024).

⁹ Федеральный закон от 30.11.2024 № 423-ФЗ «О бюджете СФР на 2025 год и на плановый период 2026–2027 годов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491946/

Таблица 2. Критерии и показатели реализации страховых принципов тарифной политики

Категории	Застрахованное лицо	Работодатель	СФР	Государство
	Гарантирование социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения для достойной старости	Приемлемый уровень фискальной нагрузки ОПС	Финансовая устойчивость	Сокращение зависимости бюджета СФР от федерального бюджета и сокращение бедности среди пенсионеров
	Соотношение среднего размера страховой пенсии по старости со средней заработной платой в экономике	Эффективный тариф страховых взносов на ОПС	Сокращение дефицита бюджета СФР	Сокращение трансферта на ОПС
	Соотношение среднего размера страховой пенсии по старости со ПМП			Объем трансферта на компенсацию выпадающих доходов от пониженных тарифов страховых взносов
				Численность получателей ФСД
Критерий	Адекватность	Минимизация тарифа	Долгосрочная сбалансированность	Стратегические цели по бедности

на формирование персонализированного пенсионного капитала. В России до настоящего времени такого актуарного оценивания официально не проводилось.

Установлено, что в сложившейся пенсионной системе критериями эффективности тарифно-налоговой политики ОПС выступают:

- ограничение страховой нагрузки на бизнес;
- сокращение (полная ликвидация) трансферта из федерального бюджета бюджету СФР на ОПС;
- солидарное гарантирование размера пенсии не ниже минимального прожиточного уровня для неработающих пенсионеров.

В то же время права работников на компенсацию утраченного заработка в адекватном размере нивелированы и не учитываются в тарифно-налоговой политике.

В целях практической реализации обоснованных страховых принципов тарифно-налоговой политики ОПС критерии и показатели ее эффективности должны обеспечивать экономические интересы институциональных участников правоотношений по ОПС: застрахованные лица, работодатели, плательщики страховых взносов, СФР как страховщик в системе ОПС, государство (государственный бюджет) как гарант выполнения пенсионных обязательств (табл. 2).

Каждый участник солидарно-страховой пенсионной системы имеет объективные экономические интересы (Соловьев, 2020). В частности, государство заинтересовано в снижении зависимости пенсионной системы от федерального бюджета посред-

ством сокращения межбюджетных трансфертов, перечисляемых в бюджет СФР. Экономические интересы страхователя – снижение тарифов страховых взносов для уменьшения налогового бремени и предоставление рассрочки по уплате взносов, а наемного работника – увеличение объема пенсионных прав и обеспечение благосостояния в будущем после достижения пенсионного возраста.

Исследование подтверждает необходимость формирования тарифной политики в соответствии с институциональной сущностью обязательного пенсионного страхования (Соловьев, 2013а; Воронин, 2014; Тучкова, 2017; Соловьев, 2020): построить эффективную пенсионную систему можно только с позиции оптимизационного компромисса экономических интересов всех участников пенсионной системы при безусловном социальном приоритете реализации экономических интересов застрахованных лиц.

Для этого государственная пенсионная система в целях повышения ее эффективности и экономической устойчивости должна рассматриваться как макроэкономическая система с определенными социальными ограничениями. В первую очередь для застрахованного лица должен быть осуществлен переход от солидарно-гарантированного перераспределения страховых взносов для поддержания всех видов страховых пенсии на уровне минимальных потребностей к регулированию формирования пенсионных прав, исходя из необходимости сохранить адекватное потребление застрахованного лица в период достойной старости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Комаров В.М. и др. (2016). Анализ факторов реализации документов стра-

тегического планирования верхнего уровня. СПб.: Центр стратегических разработок. URL: <https://www.>

- csr.ru/ru/research/analiz-faktorov-realizatsii-dokumentov-strategicheskogo-planirovaniya-verhnego-urovnya/
- Воронин Ю.В. (2014). К вопросу о роли социального обеспечения в рыночной экономике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4. С. 622–626.
- Громов В.В. (2015). Администрирование социальных платежей за рубежом: тенденции и оценка применения в России // Финансовый журнал. № 2. С. 80–88.
- Зотиков Н.З. (2019). Социальная функция налогов и страховых взносов // Вестник Евразийской науки. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/50ECVN219.pdf>.
- Истомина Е.А., Федорова М.Ю. (2018). Правовой механизм управления социальными рисками: монография. Екатеринбург: Уральский институт управления РАНХиГС. 239 с.
- Котликофф Л., Бёрнс С. (2005). Пенсионная система перед бурей / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Альпина Паблишер. 348 с.
- Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. (2012). Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. № 3. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79>
- Мальцев Д.Б. (2014). Эффективность администрирования страховых взносов и перспективы развития пенсионной системы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 1. С. 104–114.
- МОТ. (2001). Финансовое обеспечение пенсионных систем. М.: Издание Бюро МОТ. Вып. 11. 108 с. URL: <https://szn.krasnodar.ru/documents/npa/npa-fhd/94762>
- Муравлева Т.В. (2011). Стратегия формирования доходных источников государственного пенсионного страхования // Наука и общество. № 2. С. 56–62.
- Соловьев А.К. (2012). Формирование страховых пенсионных прав россиян и эффективность администрирования страховых взносов // Труд и социальные отношения. № 10. С. 3–14.
- Соловьев А.К. (2013а). Институциональные основы рыночной пенсионной реформы // Мир новой экономики. № 3–4. С. 26–37.
- Соловьев А.К. (2013б). Макроанализ пенсионной системы России // Вопросы экономики. № 4. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-82-93>
- Соловьев А.К. (2014). Реформа пенсионной системы Российской Федерации: проблемы и решения // Экономика и управление. № 10 (108).
- Соловьев А.К. (2020). Пенсионные права застрахованных лиц: проблемы формирования и риски реализации. М.: Прометей. 326 с
- «Стратегия-2020». (2013). Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика : в 2 т. / под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. М.: Дело.
- Тучкова Э.Г. (2017). Итоги реформ и перспективы формирования многоуровневой национальной пенсионной системы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 10. С. 16–25. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.38.10.016-025>
- Тучкова Э.Г. (2022). К вопросу о понятии социального риска и его роли в механизме правового регулирования социально-обеспечительных отношений // Социальное и пенсионное право. № 4.
- Шестакова Е.Е. (2022). Старение населения и изменение в социальной политике развитых стран // ВТЭ. № 2. С. 60–76.
- OECD (2023). Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. Paris. OECD Publishing // OECD. URL: <https://doi.org/10.1787/678055dd-en> (дата обращения: 18.09.2024).
- European Commission. (2024). Ageing Report. Economic and budgetary projections for the EU Member States (2022–2070). Institutional paper 279. April 2024 // European Commission. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/document/download/971dd209-41c2-425d-94f8-e3c3c3459af9_en?filename=ip279_en.pdf

REFERENCES

- Belanovsky S.A., Dmitriev M.E., Komarov V.M. et al. (2016). Analysis of factors in the implementation of top-level strategic planning documents. St. Petersburg: Center for Strategic Research (in Russ.) URL: <https://www.csr.ru/ru/research/analiz-faktorov-realizatsii-dokumentov-strategicheskogo-planirovaniya-verhnego-urovnya/>
- Voronin Yu. V. (2022). On the role of social security in a market economy. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, no. 4, pp. 622–626 (in Russ.)
- Gromov V.V. (2015). Administration of social payments abroad: trends and assessment of application in Russia. *Financial Journal*, no. 2, pp. 80–88 (in Russ.)
- Zotikov N.Z. (2019). The social function of taxes and insurance premiums. *Bulletin of Eurasian Science*, no. 2 (in Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/50ECVN219.pdf>
- Istomina E.A., Fedorova M.Y. (2018). Legal mechanism of social risk management: monograph. Yekaterinburg: Institute of Management RANEPa. 239 p. (in Russ.)
- Kotlikoff L., Burns S. (2005). The Coming Generational Storm. Transl. from Engl. by B. Pinsker. Moscow: Alpina Publ. 348 p. (in Russ.)
- Kudrin A.L., Gurchich E.T. (2012). The aging of the population and the threat of a budget crisis. *Voprosy Ekonomiki*, no. 3 (in Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79>
- Maltsev D.B. (2014). Efficiency of insurance premium administration and prospects for the development of the pension system. *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, no. 1, pp. 104–114 (in Russ.)
- The ILO. (2001). Financial support of pension systems. Moscow: Edition of the ILO Bureau. Issue 11. 108 p. (in Russ.) URL: <https://szn.krasnodar.ru/documents/npa/npa-fhd/94762>
- Muravleva T.V. (2011). Strategy of formation of profitable sources of state pension insurance. *Science and Society*, no. 2, pp. 56–62 (in Russ.)
- Soloviev A.K. (2012). Formation of insurance pension rights of Russians and the effectiveness of insurance premium

- administration. *Labor and Social Relations*, no. 10, pp. 3–14 (in Russ.)
- Soloviev A.K. (2013a). Institutional foundations of market pension reform. *The World of the New Economy*, no. 3–4, pp. 26–37 (in Russ.)
- Soloviev A.K. (2013b). Macroanalysis of the pension system of Russia. *Economic Issues*, no. 4 (in Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-82-93>
- Soloviev A.K. (2014). Reform of the pension system of the Russian Federation: problems and solutions. *Economics and Management*, no. 10 (108) (in Russ.)
- Soloviev A.K. (2020). Pension rights of insured persons: problems of formation and risks of implementation. Moscow: Prometheus. 326 p. (in Russ.)
- «Strategy 2020» (2013). Strategy 2020: A new growth model – a new social policy. Scient. ed. by V.A. Mau, Ya.I. Kuzminov. In 2 vol. Moscow: Delo. 430 + 408 p. (in Russ.)
- Tuchkova E.G. (2017). The results of the reforms and the prospects for the formation of a multi-level national pension system. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*, no. 10, pp. 16–25 (in Russ.) URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.38.10.016-025>
- Tuchkova E.G. (2014). On the concept of social risk and its role in the mechanism of legal regulation of social security relations. *Social and Pension Law*, no. 4 (in Russ.)
- Shestakova E.E. (2022). Population aging and changes in the social policy of developed countries. *VTE*, no. 2, pp. 60–76 (in Russ.)
- OECD (2023). Pensions at a Glance 2023: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing. OECD. URL: <https://doi.org/10.1787/678055dd-en>
- European Commission. (2024). Ageing Report. Economic and budgetary projections for the EU Member States (2022–2070). Institutional paper 279. April 2024. European Commission. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/document/download/971dd209-41c2-425d-94f8-e3c3c3459af9_en?filename=ip279_en.pdf

[https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-72-86](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-72-86)

EDN: TLCFJJ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

© Трофимов С.Е., 2025

Трофимов Сергей Евгеньевич, кандидат экономических наук, профессор, Академия военных наук, Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-7298-3486, tennist91@mail.ru

Статья поступила: 26.10.2024, принята к печати: 04.03.2025

Оригинальная статья

Аннотация. Современные макроэкономические реалии обусловили необходимость совершенствования государственного регулирования отраслей промышленного производства, в первую очередь, нефтегазового комплекса. Одним из приоритетных направлений регулирующего воздействия выступает корректировка методологического инструментария, используемого при разработке углеводородных запасов. В статье представлены его отдельные аспекты, связанные с обеспечением экономической устойчивости, направленные на достижение технологического суверенитета, выхода на опережающие темпы экономического развития. Используемый методологический инструментарий учитывает комплексное внедрение цифровых технологий во все этапы производственных процессов, передовой зарубежный опыт государственного регулирования, адаптированный к внутренней специфике, расширение внешнеэкономических отношений с дружественными странами.

Ключевые слова: государственное регулирование, нефтегазовый комплекс, углеводородные запасы, методологический инструментарий, устойчивое экономическое развитие, шестой технологический уклад, технологический суверенитет, опережающее развитие, национальная безопасность, энергетическая безопасность

Классификация JEL: E6, H11, L51, O1, Q43, Q48

Для цитирования: Трофимов С.Е. (2025). Методологический инструментарий в обеспечении устойчивого экономического развития нефтегазового комплекса России // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 1. С. 72–86. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-72-86](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-72-86). EDN: TLCFJJ

[https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-72-86](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-72-86)

EDN: TLCFJJ

METHODOLOGICAL TOOLKIT IN ENSURING SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA'S OIL AND GAS COMPLEX

© Trofimov S.E., 2025

Sergei E. Trofimov, Cand. Sci. (Economic), Professor, Academy of Military Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7298-3486, tennist91@mail.ru

Received: 10/26/2025, Accepted: 03/04/2025

Original article

Abstract. Modern macroeconomic realities have led to the need to improve state regulation of industrial sectors, primarily the oil and gas complex. One of the priority areas of regulatory impact is the adjustment of the methodological tools used in the development of hydrocarbon reserves. The article presents its individual aspects related to ensuring economic sustainability, aimed at achieving technological sovereignty, reaching an advanced pace of economic development. The methodological tools used take into account the integrated introduction of digital technologies in all stages of production processes, advanced foreign experience in state regulation, adapted to domestic specifics, and the expansion of foreign economic relations with friendly countries.

Keywords: state regulation, oil and gas complex, hydrocarbon reserves, methodological tools, sustainable economic development, Sixth technological paradigm, technological sovereignty, advanced development, national security, energy sustainability

Classification JEL: E6, H11, L51, O1, Q43, Q48

For reference: Trofimov S.E. Methodological toolkit in ensuring sustainable economic development of Russia's oil and gas complex. *Economics of Contemporary Russia*. 2025;28(1):72–86. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-72-86](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-72-86). EDN: TLCFJJ

ВВЕДЕНИЕ

Прагматизм государственной энергетической политики заключается в эффективной практической реализации крупнейших нефтегазовых проектов, содействующих обеспечению глубокой переработки, транспортировки, внутреннего потребления и экспорта углеводородов. В отношении разработки конкретного месторождения могут быть предусмотрены несколько сценариев развития, в том числе нецелесообразность или невозможность реализации проектов, переклечение на новые, более перспективные с геологических позиций лицензионные участки. Таким образом, следует законодательно обеспечить стимулирование проведения дополнительных геолого-разведочных работ (ГРР), позволяющих повысить изученность континентальной части и шельфовых акваторий до ведущих мировых показателей, разрабатывать наиболее рентабельные участки с развитой инфраструктурой, уменьшить совокупные затраты. В мировой практике встречаются энергетические монополии, когда за право поставок крупнейшим потребителям ресурсов борются несколько участников рынка, обладающих достаточными разведанными запасами и административным ресурсом (Брагинский, Миловидов, 2018).

Различные субъекты экономической деятельности считают приоритетным направлением разработку собственной ресурсной базы, поддержку уровня добычи на приемлемом уровне с соблюдением баланса интересов участников энергетического рынка. Ключевым фактором здесь выступает уровень их реального административного воздействия на принимаемые регулирующие решения, стабильность доведения поставок углеводородов и продуктов их переработки до конечных потребителей. На особом государственном контроле находятся меры административной и уголовной ответственности за нарушение действующего законодательства. При экспортных поставках следует учитывать особенности правовой базы зарубежных стран, их местную специфику, возникающие административные и политические вопросы. Важен экономический эффект от осуществляемых форм и инструментов государственного регулирования нефтегазового комплекса (ГР НГК), конкретный момент принятия решений, совокупность преимуществ и недостатков, поскольку текущая конъюнктура способна существенно влиять на дальнейшее развитие и ход реализации нефтегазовых проектов.

Таким образом, это обуславливает необходимость разработки принципиально нового методологического инструментария комплексного освоения углеводородных запасов, направленного на обес-

печение экономической устойчивости к внешним вызовам, национальной и энергетической безопасности, принятие выверенных мер регулирующего воздействия, учитывающих международную энергетическую повестку. Это предусматривает выделение поставленных задач и приоритетных направлений совершенствования методологического инструментария, включающих государственное стимулирование производственной деятельности, создание стабильных налоговых режимов, комплексное внедрение цифровых технологий во все этапы производственных процессов, проведение эффективного риск-менеджмента в отношении исполнения контрактных обязательств, развитие институциональной системы.

В условиях технологических изменений в большей степени учитывается общественное мнение, в особенности экологическая и социальная составляющие нефтегазовых проектов. Взаимодействие государства и предприятий обычно происходит в условиях противодействия множества сторон, что также призвано обеспечить кратчайший путь достижения цели. Активное прямое и опосредованное отстаивание интересов российских нефтегазовых компаний на зарубежных рынках способствует расширению экспортной трубопроводной системы, развитию инфраструктуры, смежных производств, комплексному внедрению цифровых технологий, позволяет повысить надежность оборудования, расширить взаимодействия с потребителями российских углеводородов по другим направлениям, образуя тем самым долгосрочные устойчивые кооперационные связи (Глазьев, 2010).

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКТИРОВКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ГР НГК

Государственное вмешательство обычно необходимо при зарубежном участии в крупных международных проектах, оно обеспечивает гарантии и надежность их реализации. Осуществлению крупных международных проектов могут содействовать несколько государств, в том числе в части транзита, строительства и функционирования транспортной инфраструктуры. При этом закладываются риски поглощения или срыва иными сторонами эффективно функционирующих проектов, которые напрямую могут затрагивать интересы множества государств и нефтегазовых корпораций и быть связаны с экологическими вопросами. Меры государственного регулирования нефтегазового комплекса должны быть нацелены на конкретный результат, ожидаемое соотношение затрат к полу-

чаемым доходам. Из этого же складываются вопросы разработки месторождений, строительства предприятий, расширения трубопроводной системы. Соотнесение возможностей с предполагаемыми результатами исходит из соотнесения издержек и рисков в рамках реализации нефтегазовых предприятий. Ключевое значение отводится вопросам долгосрочного социально-экономического развития регионов, получению приемлемой нормы прибыли на вложенный капитал с учетом инфраструктурной и экологической составляющей.

На государственном контроле находится таможенно-тарифная политика, проводимая в отношении крупнейших международных проектов с участием множества предприятий и операторов. Некоторые проекты конкурируют между собой. Так, отдельные государства предлагают различные маршруты поставок, направления потребления топливно-энергетических ресурсов (ТЭР), снижения инвестиционных затрат и максимизации прибыли на наиболее подходящих для них условиях (Стратегическое управление нефтегазовым комплексом: кризис и перспективы устойчивого развития, 2009).

Предприятия заинтересованы в уменьшении расходов, снижении налогообложения, различных платежей и отчислений, в том числе иностранным государствам и компаниям, за право пользования трубопроводной системой, объектами инфраструктуры, лизингом оборудования и др. Они стремятся заключать прагматичные долгосрочные контракты, обеспечивающие стабильное производство и потребление. В свою очередь, государство заинтересовано в максимизации налоговых и иных видов бюджетных поступлений за счет создания стабильных налоговых режимов, принятия регулирующих мер, направленных на развитие экономических отношений (Гарипов, 2017). Несмотря на то что предприятия обычно сами формируют внутренние финансовые резервы, расходы по возможным неучтенным рискам способны их перекрыть. Максимизация экспортной выручки возможна при резком повышении цен и устойчивом потреблении на основных рынках сбыта, рационализации расходов на всех этапах производственных процессов в различных сегментах нефтегазового производства, увеличении капиталовложений в перспективные активы и проекты на доступных и приемлемых условиях. Она содействует планомерному наращиванию собственных конкурентных преимуществ, расширению внутренних и внешнеэкономических направлений развития, созданию комфортной бизнес-среды, позволяет предложить регулирующие меры, благоприятствующие развитию предприятий и направленные на их стабильное функционирование и перспективы стратегического роста.

Увеличение экспортных поставок предполагает необходимость качественного улучшения проводимой таможенно-тарифной политики, стимулирования производственной деятельности, способствующей долгосрочному экономическому эффекту. Повышение эффективности российских нефтегазовых компаний по промышленным и финансово-экономическим показателям возможно при результативном функционировании механизма государственного регулирования нефтегазового комплекса, органичном взаимодействии его элементов, сокращении издержек, непроизводительных расходов, улучшении технологических процессов и постоянном повышении профессиональных компетенций. Помимо повсеместного внедрения и становления высокотехнологичных производств, цифровизация в нефтегазовом комплексе предполагает их автоматизацию, роботизацию, применение систем искусственного интеллекта (Дементьев, 2022).

Фактически баланс производства и потребления топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) осуществляется при комплексном внедрении форм и инструментов государственного регулирования нефтегазового комплекса, их органичном сочетании с миссией, целями и задачами нефтегазовых компаний. В свою очередь, предприятия занимаются оптимизацией и сокращением расходов, имеющих наибольший удельный вес в общей структуре, напрямую не затрагивающих основного вида их деятельности. Излишние затраты могут сорвать заключенные контракты ввиду снижения их рентабельности, наличия множества участников экономических отношений, каждый из которых стремится максимизировать собственную прибыль, получить различные государственные преференции на долгосрочный период, сосредоточить наиболее профессиональные кадры. Это приводит к ужесточению конкурентной борьбы за распределение ресурсов, недопущению других предприятий к минерально-сырьевой базе и инфраструктуре, расширению трубопроводной системы, прокладке новых маршрутов поставок (Брагинский, 2006).

Стратегический ориентир России в нефтегазовом комплексе предполагает извлечение преимуществ из уникального географического расположения на стыке Европы и Азии, комплексного охвата зарубежных рынков потребителей углеводородов, недопущения недобросовестной конкуренции, использования определенного положения или административного ресурса со стороны некоторых из них. Бесперебойная реализация нефтегазовых проектов обеспечивается за счет пресечения деструктивной деятельности или бездействия отдельных участников, уменьшения затрат, не связанных с различными сегментами производственных про-

цессов, что призвано сформировать значительные преимущества по сравнению с зарубежными компаниями и позволит укрепить возможности российских производителей на внутреннем и зарубежных рынках. Особое значение отводится укреплению и повышению устойчивости взаимосвязей внутри экономического механизма, их органичному сочетанию и непрерывному функционированию.

В продолжительном горизонте планирования изменяется структура расходов нефтегазовых компаний. Большинство из них стремится не допустить конкурентов к распределению лицензионных участков или получению государственных преференций, в целом использовать административный ресурс и иные внутренние преимущества. Это затрагивает взаимодействия государств, российских и зарубежных предприятий на международном уровне, а также на внутреннем рынке в рамках различных сегментов нефтегазового комплекса.

Наиболее рельефно это проявляется при транспортировке российских углеводородов в европейские страны. Позиция одного из участников может воспрепятствовать реализации всего проекта или подвергнуть его существенной корректировке. Следовательно, в государственных и корпоративных документах отраслевого развития прописывается терминология, формируется используемый понятийно-категориальный аппарат, даются соответствующие разъяснения, препятствующие подмене понятий, которыми возможно оперировать для извлечения дополнительной прибыли, уменьшения налогов, платежей и иных отчислений, а также в рамках других направлений проводимой государственной нефтегазовой политики (Бушуев, Громов, 2013).

Любые возникающие отраслевые вопросы, подразумевающие формирование жестких экономических отношений между производителями, потребителями, посредниками и иными сторонами, можно урегулировать в общем или частном порядке. В рамках становления Шестого технологического уклада отдельные предприятия уменьшают удельный объем затрат, связанных с разработкой месторождений и реализацией нефтегазовых проектов. Причем сокращение сроков их реализации выступает составляющей повышения эффективности функционирования нефтегазового комплекса. Увеличение налоговой нагрузки обычно закладывается в финансовые резервы предприятий в качестве возможных рисков, а возникновение дополнительных затрат обосновывается, что продиктовано необходимостью дальнейшего устойчивого развития предприятий.

Жесткая конкуренция предполагает возможность формирования демпинговых цен с целью реализации предприятиями внутренних целей и задач. Предлагаемые в данном направлении меры

государственного регулирования нефтегазового комплекса носят административный или стимулирующий характер, обуславливают прочность взаимосвязей и устойчивость экономических отношений. Затраты предприятий преимущественно структурированы, что позволяет учитывать возможность резкого изменения собственных позиций отдельными сторонами и вследствие этого увеличения некоторых статей расходов, в том числе за счет появления и практической реализации новых внутренних и экспортных маршрутов поставок углеводородов. Структура затрат предприятий также затрагивает вопросы социально-экономического развития добывающих регионов (Глазьев, 2018).

Следует учитывать, что затраты на реализацию нефтегазовых проектов могут существенно возрасти ввиду появления непрогнозируемых расходов, связанных с разработкой месторождений, транспортировкой углеводородов, инфляцией, изменениями ценовой динамики, валютных курсов и позиций поставщиков оборудования, политических преобразований в отдельных государствах, общей экономической и энергетической конъюнктуры, а также прочих факторов. Наличие альтернативных маршрутов экспорта предполагает возможность проведения связанной целостной энергетической политики, выбора наиболее экономически обоснованных государственных решений, прагматичной реализации нефтегазовых проектов с задействованием административного ресурса, накопленных финансовых резервов, наличием устойчивых взаимосвязей в связанных сферах деятельности, обеспечивающих комплексную реализацию конкурентных преимуществ, применение различных форм и инструментов государственного регулирования нефтегазового комплекса (Шафраник, 2005).

На разработку перспективных нефтегазовых регионов, прокладку новых маршрутов трубопроводов обычно претендуют несколько участников экономических отношений, каждый из которых в определенной степени способен воспрепятствовать реализации данных проектов. Извлечение конкурентных преимуществ может происходить за счет демонстрации несуществующих активов, сокрытия информации, в том числе финансового характера, предоставления недостоверных сведений, обеспечивающих инвестиционную привлекательность проектов, позволяющих заключить под них необходимые контракты, получения государственных преференций, льгот и др.

В целом реализация крупных нефтегазовых проектов зачастую зависит от государственной поддержки, устойчивости финансового положения компаний-операторов, наличия достаточной

ресурсной базы, необходимых технологий, профессиональных кадров, эффективных взаимодействий субъектов экономической деятельности, результативного применения форм и инструментов государственного регулирования нефтегазового комплекса. В силу того, что их введение в промышленную эксплуатацию может быть отложено на неопределенный срок, ключевым фактором выступает именно необходимость повышения эффективности государственного воздействия. Так, устойчивость налоговых режимов, платежей и различных выплат позволяет более достоверно просчитать возможность реализации проектов.

Отдельные положения нефтегазовых контрактов находятся на стыке интересов государства и бизнеса, предполагают необходимость принятия регулирующих мер, форм и инструментов воздействия, учитывающих различные позиции, возможность использования резервов, реализации прочих проектов и направлений нефтегазовой политики с задействованием других предприятий. Наличие достаточных резервов в определенной степени позволяет диктовать условия контрактов, что может быть связано с одновременной разработкой нескольких месторождений или прокладкой трубопроводов по нескольким направлениям, с вопросами обеспечения внутреннего рынка углеводородным продуктом. Осознанное введение в заблуждение некоторыми предприятиями в части нефтегазовых проектов способно изменить позицию государства в отношении их реализации. Это находит отражение в обсуждении с представителями нефтегазовых компаний вопросов налогового регулирования и различных платежей (Дмитриевский, Мастепанов, Бушуев; 2014).

На современном этапе ход реализации нефтегазовых проектов, связанные с ними расходы, уточнение сроков и размера требуемых инвестиций, оптимальные пути пролегания трубопроводов и маршруты поставок, направления сокращения различных видов издержек предприятий и минимизации рисков, в том числе экологического характера, просчитываются искусственным интеллектом. Эффективность практического осуществления проектов в различных сегментах производства обычно подкрепляется наличием административного ресурса и политических возможностей. В целом предпочтительное соотношение форм и инструментов государственного регулирования имеет стимулирующий характер и направлено на обеспечение экономически устойчивого развития нефтегазового комплекса, может быть определено за счет современных цифровых технологий: big data, аддитивные и квантовые технологии, искусственный интеллект, интернет вещей, системы распределенного реестра и др.

Имеющийся в распоряжении нефтегазовых предприятий запас прочности в виде финансовых резервов и рынков сбыта позволяет им занимать более конструктивную позицию во взаимодействиях с государством. Приоритетными мерами в этом плане становятся отстаивание собственных интересов, поиск вариантов разрешения отраслевых вопросов, соответствующих долгосрочным задачам различных сторон. Обсуждение данных вопросов затрагивает все производственные и регулирующие аспекты, различные сценарии и подходы к реализации проектов. Большинство значимых аспектов отраслевого развития находится на стыке интересов государства и бизнеса. Условия контрактов могут варьировать в зависимости от жесткости позиций сторон, выбора из нескольких вариантов наиболее экономически обоснованного, их рентабельности, размеров получаемой участниками прибыли, дополнительных преимуществ. Прописанные в них цены на топливно-энергетические ресурсы зачастую не могут устраивать одновременно поставщиков, потребителей и иных участников экономических отношений ввиду различия поставленных ими целей и задач. В рамках устранения посреднических звеньев, препятствующих практической реализации проектов, важна деятельность антимонопольных органов государственного регулирования нефтегазового комплекса. Исходя из взаимодействий государства с предприятиями по вопросам квотирования, предоставления гарантий, скидок и иных преференций, рассчитывается целесообразность практической реализации проектов при заданных условиях в контексте перспектив долгосрочного развития и извлечения стратегических преимуществ (Макаров, 2018).

Нефтегазовые компании заинтересованы в снижении издержек, уменьшении налоговых и прочих отчислений, стремятся повысить рентабельность производств. В реализации крупнейших проектов обычно участвуют компании с государственной долей в уставном капитале. Они предусматривают альтернативные сценарные условия, в рамках которых проводятся различные расчеты нормы прибыли и определяются точки безубыточности проектов. Экономическое и административное стимулирование отечественных производств позволяет более эффективно производить транспортировку продукции до потребителей по приемлемым ценам на внутреннем рынке и по обозначенным в контрактах или рыночным – в зарубежные страны. Государственная проработка вопросов средних экспортных цен на газ в разрезе конкретных стран и потребителей производится с учетом стратегических целей и поставленных задач, позволяет наращивать прибыль, увеличить нефтегазовые доходы бюджета в долгосрочном прогнозном горизонте.

(Мартынов и др., 2021). Формы и инструменты государственного регулирования, применяемые к различным сегментам нефтегазового комплекса и производствам из связанных отраслей экономики, призваны содействовать их устойчивому развитию, развитию инфраструктуры в регионах функционирования. Взаимодействие есть точка приложения совместных усилий государства, нефтегазовых компаний и различных институтов.

Поставщики стремятся снизить риски и уменьшить стоимость транспортировки углеводородов до потребителей. Данный вопрос является предметом обсуждения в рамках государственной энергетической повестки, он направлен на сокращение расходов и рост прибыли предприятий, увеличение поставок, поиск новых рынков сбыта и направлений дальнейшего развития. Предприятия ориентируются на наиболее рентабельные проекты и маршруты, расширение производственно-сбытовой системы. Они стремятся исполнить обязательства перед государством в части полного удовлетворения внутреннего рынка, его отдельных регионов углеводородами и продукцией их переработки. В одних предприятиях следует заниматься развитием нескольких направлений деятельности или поставок, в других – сконцентрироваться на главном, приносящем наибольший экономический и иные типы эффектов.

Выявление оптимального соотношения между отдельными видами расходов по различным аспектам функционирования позволяет сделать их более обоснованными. Все участники экономических отношений стремятся найти наиболее действенные приложения собственных ресурсов. Расширение направлений поставок способствует уменьшению части расходов в рамках отдельных направлений; размер некоторых расходов является предметом обсуждения участвующих сторон. Существенное сокращение расходов предприятий в результате комплексного внедрения цифровых технологий является неотъемлемой составляющей повышения общей эффективности функционирования нефтегазового комплекса. По некоторым видам расходов устанавливаются определенные допустимые диапазоны в натуральном выражении или удельном отношении к общим расходам и отдельным статьям затрат. В данном аспекте учитываются имеющиеся в распоряжении собственные ресурсы предприятий, целесообразность привлечения ими требуемого объема инвестиций. Часть расходов можно уменьшить за счет использования административного ресурса, принятия нормативно-правовых актов и соответствующих решений на государственном и международном уровне. Это может потребовать привлечения государством или нефтегазовыми компаниями к участию посредни-

ков и других сторон, баланс интересов которых учитывает стремление каждой стороны максимизировать собственные доходы и различные преференции (Винокуров, 2014).

Реализация топливно-энергетических проектов предполагает допустимый уровень расходов, пути снижения их себестоимости. На современном этапе риски для поставщиков связаны не столько с переходом на возобновляемые источники энергии, сколько с изменением структуры топливно-энергетического баланса потребителей, увеличением поставок углеводородов из прочих источников, выдвиганием дополнительных требований и обязательств по существующим контрактам, например в части снижения цен или увеличения спроса на углеводороды, исходя из собственных условий. Возросшая роль риск-менеджмента для государства и предприятий в определенной мере обусловлена тем, что отдельные проекты газопроводов в европейские страны были «заморожены» после немотивированного отказа по политическим причинам. Изменение условий проектов может затрагивать уже построенную инфраструктуру, в особенности после прекращения их реализации. Это требует ее последующего прагматичного использования в других направлениях, сопряжено с расширением применения в рамках связанных отраслей экономики и сфер деятельности, переориентированием их на новые цели и задачи в кратчайшие сроки (Брагинский, 2024; Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы, 2016).

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ГР НГК

Повышение результативности функционирования НГК предполагает максимальное исключение посредников из производственных и экономических процессов, снижение их воздействия на принимаемые регулирующие решения, скорость реализации проектов и конечные результаты деятельности, эффективное устранение административных барьеров. В нефтегазовых контрактах прописывается жесткая ответственность за изменение условий или выход из них в одностороннем порядке. В свою очередь, такая ответственность затрагивает интересы возможных посредников в различных сегментах нефтегазового производства. Обеспечение сохранности капиталовложений, в том числе зарубежных, пресечение попыток манипулирования собственным положением на внутреннем рынке, географическим и территориальным расположением напрямую отражаются на улучшении инвестиционного потенциала неф-

тегазового комплекса. Подобная ответственность субъектов экономической деятельности допускает воздействие через прямые и косвенные методы государственного регулирования, носит как предупредительный, так и последующий характер (Пармон и др., 2019).

Реализация крупных нефтегазовых проектов предполагает наличие миссии, целей и задач компаний-операторов, приверженность высоким этическим нормам и стандартам, безусловное исполнение условий контрактов и взятых обязательств. Ответственность заключается в том числе в финансовом обеспечении строительства и реализации новых маршрутов поставок. Изменение первоначальных условий способно затронуть все этапы производственных процессов в различных сегментах нефтегазового комплекса, предусматривает предварительное разрешение вопросов, вытекающих из подобных рисков, минимизацию и устранение любых последствий, связанных с возможностью реализации нефтегазовых проектов, получением необходимой прибыли и достижением обозначенных ориентиров. Деятельность нефтегазовых предприятий не должна служить противовесом интересам внутренних потребителей. Изменение структуры расходов, платежей и различных аспектов налогового регулирования способно негативно отразиться на эффективности практического осуществления проектов. В целом для обеспечения потребительского спроса на углеводороды в полном объеме прописывается ответственность сторон за неисполнение взятых обязательств, недобросовестное использование собственных преимуществ, необоснованное завышение цен и тарифов, в особенности в ситуации, при которой для альтернативных поставок требуются строительство новых производств, трубопроводов или их ответвлений.

В рамках отдельных нефтегазовых проектов текущие расходы и затраты на их осуществление с течением времени могут значительно возрасти в результате изменения первоначальных условий некоторыми из участников нефтегазовых отношений. Становление транспортного, логистического или инфраструктурного центра способно обеспечить значительное удорожание реализации альтернативных проектов, их отдаление или растягивание на продолжительный период. Однако его же возможно использовать в качестве звена разветвления трубопроводной системы, расширения каналов поставок между производителями и потребителями. Постоянные корректировки положений контрактов могут существенно отразиться на эффективности реализации проектов, повлиять на устойчивость функционирования национального нефтегазового комплекса. Производители

и потребители углеводородов стремятся минимизировать затраты на различных посредников, сформировать в кратчайшие сроки стабильные условия поставок. Транзакционные издержки на них обычно оплачиваются по договоренности между производителями и потребителями, так как способны напрямую повлиять на экономические показатели функционирования проектов.

В отношении посредников также могут быть применены жесткие административные и экономические меры государственного регулирования нефтегазового комплекса. Подобные ситуации могут быть характерны как для внутреннего рынка, так и в отношении экспорта углеводородов в европейском направлении в связи с позицией Украины и других государств в части надежности и безопасности транзита. Данный вопрос напрямую затрагивает ряд крупных экспортных проектов, при этом способствует расширению сети трубопроводов в европейских странах, развитию местных промышленных производств, открытию новых транспортно-логистических узлов, что в долгосрочной перспективе призвано существенно сократить возникающие издержки. Нарращивание экспорта продукции глубокой переработки, полное удовлетворение внутреннего потребительского спроса с задействованием имеющихся перевалочных пунктов, нефтегазохранилищ, портов, терминалов и иных объектов инфраструктуры является безусловным приоритетом государственной энергетической политики. Расширение трубопроводной сети напрямую затрагивает ряд шельфовых акваторий, что выдвигает дополнительные условия для обеспечения экологической безопасности при реализации нефтегазовых проектов (Ресурсные регионы России в «новой реальности», 2017).

В рамках реализации различных направлений поставок могут возникать схожие вопросы, требующие идентичных решений. Степень реального воздействия центров принятия решений с течением времени может существенно измениться. Проработка вопросов строительства новых ответвлений существующих маршрутов трубопроводов с участием зарубежных государств и предприятий подразумевает обеспечение новых регионов сбыта углеводородным сырьем. На практике одновременно проектируются несколько маршрутов, реализуются наиболее экономически обоснованные. В совокупности это позволяет увеличить объемы промышленного производства, обеспечить национальную и энергетическую безопасность государства за счет различных направлений поставок, более избирательно подходить к выбору маршрутов, затрагивает интересы зарубежных стран, нефтегазовых компаний и международных институтов (Мастепанов, 2019).

Таким образом, передовой зарубежный опыт государственного регулирования нефтегазового комплекса предполагает адаптацию принимаемых мер к региональной и местной специфике, учет позиций и интересов иностранных государств и предприятий, воздействия глобальной экономической конъюнктуры и энергетических процессов на реализацию нефтегазовых проектов. Это предусматривает изучение мировой практики их осуществления, понимание ключевых трендов финансового сектора, перемещения капитала между различными отраслями экономики и сферами деятельности. Приоритетом государств, использующих альтернативные методы, формы и инструменты регулирования, выступают национальные экономические и энергетические интересы. Различия их стратегических и методологических позиций с нефтегазовыми предприятиями находит выражение в том числе в подходах к разработке углеводородных месторождений, создании инфраструктурных и инвестиционных условий ее осуществления (Миловидов, 2021).

Постановка и практическая реализация целей и задач предполагает долгосрочный горизонт планирования, баланс спроса и предложения на энергетическом рынке, максимизацию экономического эффекта, учет специфики законодательства зарубежных стран, особенностей национального менталитета, географического расположения, уровня технологического развития и внедрения прорывных решений, возможность действовать опережающими темпами, моделирование ситуаций, разработку сценариев развития. Зачастую актуальным решением выступает их разделение на несколько этапов, последовательное исполнение, разграничение различных аспектов и факторов воздействия. В условиях расширения применения цифровых технологий важны скорость принятия регулирующих решений, устранение излишних расходов и посреднических звеньев, доскональное изучение сущности вопросов, причин их возникновения, взаимосвязи с другими сферами экономики. Предприятия обычно заинтересованы в повышении капитализации, привлечении дополнительных ресурсов для реализации проектов, различных институтов и консалтинговых организаций для достижения поставленных экономических ориентиров, активном внедрении системы риск-менеджмента (Колганов, 2023).

Комплексный учет специфики и факторов глобальной экономической и энергетической повестки, а также приграничных государств и регионов позволяет выявлять суть возникающих вопросов, их причинно-следственные связи. Административное воздействие способно найти прямое отражение в экономических показателях функционирования

нефтегазовых предприятий. При этом учитываются национальные и конфессиональные различия, особенности менталитета, исторические реалии, текущая и перспективная экономическая ситуация, нормативно-правовая специфика, аспекты местного законодательства. Подобное отношение позволяет избегать множества рисков, заключать долгосрочные, экономически обоснованные контракты.

Методология государственного регулирования нефтегазового комплекса в полной мере учитывает общефедеральную и региональную специфику, ретроспективу формирования возникающих вопросов, экономических и административных взаимодействий между государствами, нефтегазовыми компаниями и различными институтами. Регулирующее воздействие является наиболее результативным при доскональном понимании факторов воздействия, именно в совокупности применяемых методов, форм и инструментов, часть которых не связаны между собой, имеют стимулирующий или жесткий директивный характер. Гибкость такого воздействия, способность в кратчайшие сроки адаптироваться к изменяющимся условиям за счет своевременного принятия законодательных актов призвано сделать разработку проектов и месторождений рентабельными, обеспечить рынки сбыта конечной продукции, расширить присутствие отечественных предприятий в зарубежных странах, предоставить им необходимые для развития гарантии, разрешать вопросы в связанных отраслях и направлениях деятельности (Некипелов, Ивантер, Глазьев; 2013). Значимые нефтегазовые проекты зачастую реализуются при комплексной государственной поддержке, их востребованности на международном уровне. Именно рынки сбыта и районы присутствия отечественных предприятий позволяют привлекать дополнительные инвестиции, расширить торгово-экономические взаимодействия, комплексно воздействовать на экономическую и административную ситуацию в крупнейших мировых нефтегазовых центрах.

Государственные преференции носят не только экономический характер или предоставляются в виде прав на разработку лицензионных участков. Актуальными направлениями зарубежного опыта государственного регулирования выступают стимулирование предприятий к расширению производственной деятельности, увеличение капитализации компаний, обеспечение энергетической безопасности, наращивание экспортного потенциала, прагматичное размещение средств созданных нефтегазовых фондов. Точность момента принятия регулирующей меры зависит от своевременного реагирования на возникающие изменения и факторы воздействия. Реализация международных нефтегазовых проектов возможна при госу-

дарственной административной поддержке, содействующей развитию отечественных отраслевых предприятий, расширению их присутствия в крупнейших рынках потребления углеводородов (Брагинский, Миловидов, 2018).

Зарубежные государства используют различные инструментарии государственного регулирования нефтегазового комплекса, стремятся создать необходимые для развития условия с учетом местной специфики. Полнота и достоверность информации, необходимой для принятия регулирующих решений, обеспечивает дополнительные конкурентные преимущества по сравнению с другими участниками экономических отношений, необходимый уровень профессиональной квалификации ответственных лиц и исполнителей. Решения принимаются как в сжатые сроки, в том числе с использованием систем искусственного интеллекта и других технологий Четвертой промышленной революции, так и растягиваются на продолжительный период, являются гибкими по отношению к возникающим событиям.

Нефтегазовые контракты могут быть основаны на схожести миссий, целей и задач, долгосрочном социально-экономическом партнерстве. В отдельных случаях для этого следует подниматься над сущностью вопроса, прагматично использовать убывающие фазы экономического цикла, ориентироваться на значительное опережение конкурентов на продолжительном временном горизонте. Для наступления экономического эффекта от принимаемых решений обычно требуется определенное время. Вся поступающая информация переводится в цифровую форму, повсеместно внедряются технологии big data, что позволяет отфильтровать излишние данные; именно действия опережающими темпами в условиях наибольшей полноты данных способствуют значительному экономическому прорыву. Поступающие данные должны быть выборочными в условиях их переизбытка, адаптированными к принимаемым регуливающим решениям.

Зарубежные государства стремятся опираться на собственную историко-экономическую специфику, в том числе в части взаимодействий с другими странами, предприятиями и прочими субъектами нефтегазовой деятельности, развивать социально-экономическое партнерство, учитывать особенности, текущее состояние и перспективы развития противоположных сторон, в полной мере реализовать их недостатки и собственные конкурентные преимущества; это находит выражение применительно к различным геополитическим районам мира, имеющим внутренние противоречия. Инструменты международного торгово-экономического регулирования

существенно различаются в отношении различных государств и регионов, что особенно значимо в условиях трансформации глобальной геополитической ситуации, изменений мирового порядка и структуры топливно-энергетического баланса. Происходящие в зарубежных странах внутренние экономические процессы различаются между собой. Так, российские производители конкурируют с иностранными предприятиями за право доступа на зарубежные рынки. Это содействует отстаиванию вопросов энергетической безопасности, территориальной целостности, границ лицензионных участков в рамках национального законодательства и норм международного права. В свою очередь, международные нефтегазовые корпорации также объединяются на государственном уровне для решения значимых вопросов, создания совместных предприятий по разработке углеводородных залежей, в том числе в шельфовой зоне и других перспективных нефтегазоносных регионах. Корректировка нормативно-правовых актов в соответствии с поставленными целями и задачами предполагает, чтобы изменения вступили в законную силу во избежание дополнительных рисков (Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России; 2015).

Реализация нефтегазовых проектов ведется в соответствии с российским законодательством и нормами международного права. Она учитывает вопросы национальной и энергетической безопасности, интересы различных сторон, предусматривает возможность их изменения, корректировки заключаемых контрактов, маневрирования для скорейшего достижения обозначенных целей и задач, поиск наиболее квалифицированных кадров, принятие нестандартных решений, в том числе в отношении объединения воздействий с правительствами различных государств и другими предприятиями. Особого внимания заслуживает изучение передового опыта регулирующего воздействия приарктических государств с развитой рыночной экономикой: Норвегии, США и Канады. Европейские, азиатские и североамериканские подходы и методы государственного регулирования нефтегазового комплекса существенно различаются между собой. Зачастую принимаемые решения реализуются на практике исключительно благодаря жестким административным действиям. Маневрирование предполагает возможность своевременного, быстрого переключения на новые, значимые направления.

Тем не менее в условиях изменений глобальной политической конъюнктуры следует учитывать синергетический эффект от взаимодействий российских и иностранных нефтегазовых компаний, законодательно стимулировать становление и развитие

совместных предприятий, обеспечивающих выходы на зарубежные рынки. Аналогично местные правительства и органы власти стремятся использовать региональные особенности, выявлять «слабые места» в политических системах других стран, наращивать экономический, инвестиционный и военно-промышленный потенциал, применять административный ресурс в районах присутствия предприятий для разработки ресурсной базы. Подобные аспекты имеют длительную ретроспективу, в отдельных случаях они послужили основой для становления крупнейших нефтегазовых корпораций. В качестве приоритетов на современном этапе они выбирают повышение уровня капитализации, рост прибыли в стратегическом прогнозном периоде, постановку на внутренний баланс лицензионных участков и районов с находящимися в стадии консервации или разработки месторождениями, расширение рынков сбыта за счет укрепления торгово-экономических взаимосвязей, цифровизацию всех производственных процессов (Конторович, 2017).

Принятие регулирующих решений обуславливается настойчивостью субъектов инициатив, результативностью конечной реализации, административными и финансовыми ресурсами предприятий, их сырьевой базой, возможностью опережения конкурентов, различиями экономической и политической ситуации в зарубежных странах. Получение доступа к ресурсной базе обычно возможно благодаря прямым контактам с центром принятия регулирующих решений. В зарубежных странах значительные правительственные преференции и льготы зачастую получают компании с государственным участием; кроме того, всецело оказывается государственная поддержка при реализации нефтегазовых проектов за пределами страны. Особо ценится скорость принятия решений, опережение конкурентов по качественным и количественным параметрам, жесткость в отстаивании собственных позиций, а также способность к полному удовлетворению потребительского спроса. Взаимодействия нефтегазовых компаний поддерживаются на межправительственном уровне, подразумевают задействование возможностей международных институтов применительно к проектам в различных сегментах НГК, связанных отраслях экономики и направлениях деятельности на внутреннем рынке и в рамках внешнеторговых отношений (Пармон и др., 2019).

В структуре мировых перспективных нефтегазовых районов возрастает удельный вес шельфовых акваторий и прибрежных участков. Эффективность нефтегазовых предприятий зачастую обусловлена поставленными на их баланс месторождениями. Так, Ю.К. Шафраник и В.А. Крюков

в своем исследовании отмечают, что «успех ОАО «ЮКОС» во второй половине 1990-х годов на 60% был связан с получением в состав активов неразработавшегося гигантского Приобского нефтяного месторождения с начальными запасами, близкими к 1 млрд т. В свою очередь, освоение Уватского месторождения было реализовано «ТНК-ВР» как унитарный нефтяной проект в рамках и под эгидой одной компании; в то же время правом пользования недрами месторождений, включенных в данный проект, обладали более 10 малых геологодобывающих компаний, которые не смогли найти эффективную форму совместного участия – раздела экономических рисков при создании инфраструктуры проекта» (Шафраник, Крюков, 2016, с. 147–148).

Предприятия различных стран стремятся наращивать внутренний товарооборот, минимизировать риски, укрепить существующие и развить новые экономические взаимоотношения, повысить финансовую устойчивость. Неформальные международные контакты, в том числе на уровне компаний с государственным участием, в значительной степени способствуют реализации крупномасштабных проектов, которые невозможны без одобрения правительств и местных органов власти. В данном аспекте государство и нефтегазовый бизнес действуют в единой связке, что позволяет преодолевать внутренние противоречия, наращивать возможности влияния на принимаемые международные решения, использовать возникающие вопросы в качестве трамплина для дальнейшего развития. Реализация проектов требует постоянной вовлеченности в их взаимодействия, ориентирования на результат, практического осуществления в установленные сроки. Они выступают в качестве субъектов инициатив в части развития нефтегазового комплекса на национальном и международном уровне, выносят проекты нормативно-правовых актов на общественное обсуждение, осуществляют взаимодействие между производителями и потребителями углеводородов, в том числе за счет создания и привлечения институтов и различных объединений. Их основой является отстаивание вопросов национальной, энергетической и экологической безопасности, приобретение активов и лицензионных участков, максимизация доходов бюджета и прибыли в долгосрочном горизонте планирования.

Одним из крупнейших нефтегазовых проектов, реализуемых «Роснефтью» на современном этапе, является «Восток ойл». Инвестиционная программа проекта оценивается в 12 трлн руб., предусматривает комплексное развитие инфраструктуры, связывание трубопроводной системы, нефтеналивных и СПГ-терминалов и различных логистиче-

ских направлений, развитие сопряженных отраслей промышленности, включая судостроительный комплекс «Звезда» (ледоколы, арктические нефтяные танкеры). Ресурсная база проекта составляет 6,5 млрд т нефти, включает промышленную разработку 52 лицензионных участков (Сечин, 2023, с. 11–12).

Аналогичное характерно в отношении становления других крупнейших проектов: развитие трубопроводной системы, включающее строительство системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» и газопровода «Сила Сибири», формирование Иркутского и Якутского центров газодобычи, реализация «Новатэком» СПГ-проектов на Ямале и др. Осуществляемое планомерное освоение перспективных провинций Дальнего Востока направлено на обеспечение национальной безопасности, укрепление энергетического сотрудничества с крупнейшими странами Восточной Азии, удовлетворение значительного роста мирового спроса на энергоносители.

Особое внимание уделяется развитию нефтегазохимической отрасли, строительству производств этилена и других видов продукции в Сибири. Нефтегазохимия обеспечивает значительную добавленную стоимость конечной продукции, растет темпами, в 2 раза превышающими среднемировые, требует внедрения передовых технологических решений, значительного притока высококвалифицированных кадров. В результате осуществляются изменения в структуре нефтегазохимического производства, предусматривающие появление дополнительных мер государственной поддержки, кооперацию с предприятиями глубокой переработки и другими отраслями по кластерному типу (Брагинский, 2024; Акишин, Тыртов, 2017).

Скорость принятия регулирующих решений не должна отразиться на их качестве, гибкости в случае изменения ситуации. Государству следует ориентироваться на собственный интеллектуальный, экономический и ресурсный потенциал, в полной мере задействовать выбранный методологический инструментарий, институциональную платформу, административные возможности различных государственных ведомств. В частности, непосредственно внутри страны и в различных геополитических регионах мира могут применяться нетрадиционные подходы, адаптированные к конкретной ситуации, выработанные при совместном участии государства и предприятий; впоследствии они закрепляются в нормативно-правовых актах и внутренних документах стратегического развития. Ключевые нефтегазовые вопросы рассматриваются с нескольких сторон, в том числе с позиции предприятий. Для их решения также используются

сторонние доводы, не связанные с предметом обсуждения, что является одной из причин укрепления долгосрочных экономических отношений (Некипелов, 2021).

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Участники нефтегазовых проектов и потребители продукции в наибольшей степени заинтересованы в их реализации. Это обусловлено наличием необходимых хозяйственных, технологических и административных возможностей, подразумевает возможность прагматичного извлечения углеводородов на перспективных лицензионных участках. Зарубежные государства стремятся расширить собственные рынки сбыта, обеспечить рост потребительского спроса, укрепление экономических отношений, повысить инвестиционный потенциал, осуществляют финансирование различных институтов, экономических, политических и военных мероприятий за право доступа к ресурсной базе других стран, способствуют продвижению их предприятий, проектов и организаций на внутренний и мировой рынки. В большинстве государств одновременно используется административное и экономическое воздействие на предприятия, содействующее их устойчивому развитию. При этом оно предполагает жесткую ответственность исполнителей, установление преференциальных режимов и льгот в части значимых нефтегазовых проектов. Проводимые по отношению к России деструктивные экономические и политические меры со стороны западных стран показали собственную неэффективность, способствовали импортозамещению в промышленности, массовому выходу зарубежных компаний с российского рынка. В результате они недополучили значительный объем доходов, а часть совместных ключевых проектов, в первую очередь на арктическом шельфе, были приостановлены на неопределенный период (Трофимов, 2023а).

Понимание специфики местного населения, наиболее значимых вопросов социально-экономического развития регионов, становления профессиональных и этнографических аспектов позволяет заключать прагматичные нефтегазовые контракты, опередить конкурентов, не уделяющих достаточного внимания данному направлению, минимизировать различные риски. В частности, отдельные территориальные единицы одного государства могут иметь не только собственную законодательную базу, но и существенные различия, обусловленные национальными, культурными, лингвистическими и иными особенностями. Баланс интересов предполагает

жесткое отстаивание собственных позиций, изучение сторонних доводов, соотнесение долгосрочных целей и тактических задач. Понимание сущности вопросов, изучение значимых аспектов с различных сторон способно обеспечить необходимый экономический результат, предметно рассмотреть перспективы развития, легко преодолеть возникающие сопротивления, разрабатывать альтернативные направления устойчивого роста. Выносимые теоретико-методологические положения способны существенно расходиться с практическими действиями, иметь различные цели, краткосрочные и стратегические ориентиры (Перспективы экспорта энергоресурсов из России: социокультурные, экологические и технологические аспекты, 2017).

Регулирующее воздействие зачастую несет отпечаток сложившейся политической системы, особенностей государственного устройства, исторического пути его развития. Применяемый в зарубежных странах инструментарий государственного регулирования нефтегазового комплекса может быть практически идентичен между собой; его использование характерно для различных геополитических регионов в силу особенностей правовой культуры, социальной сферы, политической системы, идеологии. Выбранный методологический инструментарий позволяет оценивать перспективы развития, понимать степень реального воздействия потребителей на принимаемые регулирующие решения. Скорость их принятия и практической реализации балансирует с прогнозными значениями экономических показателей, учетом различных рисков и развитием альтернативных направлений. Следует учитывать, что стороны могут отказаться от действующих контрактов или их отдельных положений, переключиться на новые проекты по разработке ресурсной базы на внутреннем рын-

ке и в зарубежных странах в части строительства перерабатывающих производств, инфраструктуры и маршрутов трубопроводов.

Фактически необходимо связать энергетически разрозненные регионы страны, комплексно подходить к развитию нефтегазовых проектов, разрабатывать наиболее экономически обоснованные месторождения и лицензионные участки. Отсутствие энергодефицитных районов содействует развитию единой транспортной системы, способной объединить несколько государств. Схожесть политического устройства, этнографических и иных особенностей зарубежных стран обуславливает подобие их экономических приоритетов, применяемого инструментария регулирования.

Детальный анализ всех факторов воздействия в отношении предмета вопроса возможен при последовательном продвижении к обозначенным целям и задачам, своевременной корректировке принимаемых решений, принятии точечных мер регулирования, использовании определенного момента для действий опережающими темпами. Стратегические преимущества обусловлены взаимодействиями государства с нефтегазовыми предприятиями, реализацией положений контрактов, ответственностью за их исполнение, социальными и инвестиционными возможностями сторон. Зарубежные страны на прагматичных условиях стремятся заключить долгосрочные контракты, позволяющие удовлетворить внутренний энергетический спрос, разрешить в установленные сроки административные вопросы, в том числе в части межведомственного распределения полномочий, повышения результативности их функционирования, обратной связи, проведения государственных и корпоративных отраслевых и научных мероприятий, поддержки развития институциональной системы (Трофимов, 2023b).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишин Д.А., Тыртов Е.С. (2017). Нефтехимическая отрасль России: стоит ли ждать перемен? URL: https://vygon-consulting.ru/upload/iblock/eda/vygon_consulting_russian_petrochemistry_2017.pdf
- Брагинский О.Б. (2006). Нефтегазовый комплекс мира. М.: «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. 640 с.
- Брагинский О.Б. (2024). Развитие нефтегазохимической отрасли России в условиях ужесточения экономических санкций // Экономическая наука современной России. № 3. С. 51–65.
- Брагинский О.Б., Миловидов К.Н. (2018). Экономика производства и использования углеводородного сырья: мировая практика и отечественный опыт. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. 424 с.
- Бушуев В.В., Громов А.И. (2013). Энергетическая стратегия – 2050: методология, вызовы, возможности // Энергетическая политика. № 2. С. 11–19.
- Винокуров М.А. (2014). Роль государства в корректировке модели экономического роста России. СПб.: Питер. 192 с.
- Гарипов В.З. (2017). Государственный подход – фундамент нефтяной отрасли // Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. Т. 7. № 1. С. 10–16.
- Глазьев С.Ю. (2018). Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир., 768 с.
- Глазьев С.Ю. (2010). Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика. 255 с.

- Дементьев В.Е. (2022). Технологическое развитие и структурные изменения в экономике // *AlterEconomics*. Т. 19. № 1. С. 116–130.
- Дмитриевский А.Н., Мастепанов А.М., Бушуев В.В. (2014). Ресурсно-инновационная стратегия развития экономики России // *Вестник РАН*. Т. 84. № 10. С. 867–873.
- Колганов А.И. (2023). Сравнительное исследование современных социально-экономических моделей достижения технологической независимости // *Российский экономический журнал*. № 5. С. 19–35.
- Конторович А.Э. (2017). Стране нужна мощная программа реиндустриализации на новом технологическом уровне // *Бурение и нефть*. № 7–8. С. 4–11.
- Макаров А.А. (2018). Достижения и проблемы стратегического планирования развития энергетики России // *Энергетическая политика*. № 3. С. 26–33.
- Мартынов В.Г., Бессель В.В., Кучеров В.Г. и др. (2021). Природный газ – основа устойчивого развития мировой энергетики. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. 173 с.
- Мастепанов А.М. (2019). Энергетический переход как новый вызов мировой нефтегазовой отрасли // *Энергетическая политика*. № 2. С. 62–69.
- Миловидов К.Н. (2021). Инновационные технологии в зарубежной нефтегазовой отрасли // *Neftegaz.ru*. № 8. С. 42–52.
- Некипелов А.Д. (2021). Об экономической стратегии и экономической политике России в современных условиях // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 230. № 4. С. 76–89.
- Некипелов А.Д., Ивантер В.В., Глазьев С.Ю. (2013). Приоритеты долгосрочного социально-экономического развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 6. С. 18–31.
- Пармон В.Н., Крюков В.А., Суслов Н.И. и др. (2019). Энергоресурсы Сибири – наука и институциональные инновации // *Энергетическая политика*. № 1. С. 22–39.
- Перспективы экспорта энергоресурсов из России: социокультурные, экологические и технологические аспекты (2017) / под общ. ред. В.В. Клименко. М.: Энергия, 160 с.
- Ресурсные регионы России в «новой реальности» (2017) / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 308 с.
- Сечин И.И. (2023). Значимость проекта «Восток Ойл» для российской экономики и будущего мировых энергетических рынков // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. № 12. С. 9–21.
- Стратегическое управление нефтегазовым комплексом: кризис и перспективы устойчивого развития (2009) / под науч. ред. Е.А. Телегиной. М.: Информ-Знание, 399 с.
- Трофимов С.Е. (2023а). Методологический инструментарий реализации нефтегазовых проектов на арктическом и континентальном шельфе // *Мир новой экономики*. № 2. С. 94–102.
- Трофимов С.Е. (2023b). Практические вопросы реализации государственной нефтегазовой политики. М.: ИНФРА-М. 400 с.
- Шафраник Ю.К., Крюков В.А. (2016). Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. М.: Перо. 272 с.
- Шафраник Ю.К. (2005). Стратегия развития нефтяной промышленности России: методологические принципы и приоритеты: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М. 295 с.
- Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России (2015) / под ред. А.А. Макарова, Л.М. Григорьева, Т.А. Митровой. М.: ИНЭИ РАН, АЦ при Правительстве РФ. 400 с.
- Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы (2016) / отв. ред. С.В. Жуков. М.: ИМЭМО РАН. 186 с.

REFERENCES

- Akishin D.A., Tyrtov E.S. (2017). *Russian petrochemical industry: Should we expect changes?* (in Russ.) URL: https://vygon-consulting.ru/upload/iblock/eda/vygon_consulting_russian_petrochemistry_2017.pdf
- Braginskiy O.B. (2006). *World Oil and Gas Complex*. Moscow: Oil and Gas. Russian State Univ. of Oil and Gas. (Gubkin Univ.). 640 p. (in Russ.)
- Braginskiy O.B. (2024). Development of the Russian petrochemical industry in the context of tightening economic sanctions. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 51–65 (in Russ.)
- Braginskiy O.B., Milovidov K.N. (2018). *Economics of production and use of hydrocarbon raw materials: World practice and domestic experience*. Moscow: Russian State Univ. of Oil and Gas. (Gubkin Univ.). 424 p. (in Russ.)
- Bushuev V.V., Gromov A.I. (2013). Energy Strategy – 2050: Methodology, challenges, opportunities. *Energy Policy*, no. 2, pp. 11–19 (in Russ.)
- Vinokurov M.A. (2014). *The role of the state in adjusting the model of economic growth of Russia*. St. Petersburg: Piter, 192 p. (in Russ.)
- Garipov V.Z. (2017). State approach – the foundation of the oil industry. *Science & Technologies: Oil and Oil Products Pipeline Transportation*, vol. 7, no. 1, pp. 10–16 (in Russ.)
- Glazhev S.Yu. (2018). *Spurt into the Future. Russia in new technological and world economic paradigms*. Moscow: Knizhnyy mir. 768 p. (in Russ.)
- Glazhev S.Yu. (2010). *Strategy for the advanced development of Russia in the context of the global crisis*. Moscow: Ekonomika. 255 p. (in Russ.)
- Dementiev V.E. (2022). Technological development and structural changes in the economy. *AlterEconomics*, vol. 19, no. 1, pp. 116–130 (in Russ.)
- Dmitrievskiy A.N., Mastepanov A.M., Bushuev V.V. (2014). Resource and innovation strategy for the development of the Russian economy. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*, vol. 84, no. 10, pp. 867–873 (in Russ.)
- Kolganov A.I. (2023). Comparative research of modern socio-economic models of achieving technological independence. *Russian Economic Journal*, no. 5, pp. 19–35 (in Russ.)
- Kontorovich A.E. (2017). The country needs a powerful program of reindustrialization at a new technological level. *Drilling and Oil*, no. 7–8, pp. 4–11 (in Russ.)

- Makarov A.A. (2018). Achievements and problems of strategic planning for the development of energy in Russia. *Energy Policy*, no. 3, pp. 26–33 (in Russ.)
- Martynov V.G., Bessel' V.V., Kucherov V.G. et al. (2021). *Natural gas is the basis for the sustainable development of global energy*. Moscow: Russian State Univ. of Oil and Gas. (Gubkin Univ.). 173 p. (in Russ.)
- Mastepanov A.M. (2019). Energy transition as a new challenge to the global oil and gas industry. *Energy Policy*, no. 2, pp. 62–69 (in Russ.)
- Milovidov K.N. (2021). Innovative technologies in the foreign oil and gas industry. *Neftegaz.ru*, no. 8, pp. 42–52 (in Russ.)
- Nekipelov A.D. (2021). On the economic strategy and economic policy of Russia in modern conditions. *Scientific Works of The Free Economic Society of Russia*, vol. 230, no. 4, pp. 76–89 (in Russ.)
- Nekipelov A.D., Ivanter V.V., Glazyev S.Yu. (2013). Priorities of long-term socio-economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 6, pp. 18–31 (in Russ.)
- Parmon V.N., Kryukov V.A., Suslov N.I. et al. (2019). Energy resources of Siberia – science and institutional Innovations. *Energy Policy*, no. 1, pp. 22–39 (in Russ.)
- Prospects for the export of energy resources from Russia: Socio-cultural, environmental and technological aspects* (2017). Gen. ed. V.V. Klimenko. Moscow: Energy. 160 p. (in Russ.)
- Resource regions of Russia in the «New Reality»* (2017). Ed. V.V. Kuleshov. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS. 308 p.
- Sechin I.I. (2023). The significance of «Vostok Oil» project for the Russian economy and the future of the global energy markets. *Problems of the Economy and Management of the Oil and Gas Complex*, no. 12, pp. 9–21 (in Russ.)
- Strategic management of the oil and gas complex: Crisis and prospects for sustainable development* (2009). Sci. ed. E.A. Telegina. Moscow: INFRA-M, 399 p. (in Russ.)
- Trofimov S.E. (2023a). Methodological tools for Implementation of the oil and gas projects on the Arctic and continental shelf. *The World of New Economy*, no. 2, pp. 94–102 (in Russ.)
- Trofimov S.E. (2023b). *Practical issues of implementation of state oil and gas policy*. Moscow: INFRA-M, 400 p. (in Russ.)
- Shafranik Yu.K., Kryukov V.A. (2016). *The oil and gas sector of Russia: A difficult path to diversity*. Moscow: Pero. 272 p. (in Russ.)
- Shafranik Yu.K. (2005). *Development Strategy of the Russian Oil Industry: Methodological Principles and Priorities*: Dr. Sci. (Econ.) dissertation. Moscow. 295 p. (in Russ.)
- World Energy Markets Evolution and Its Consequences for Russia* (2015). A.A. Makarov, L.M. Grigoryev, T.A. Mitrova (eds.). Moscow: Energy Research Institute, RAS; AC under the Government of RF. 400 p. (in Russ.)
- Energy of Eurasia: New Trends and Prospects* (2016). S.V. Zhukov (resp. ed.). Moscow: IMEMO RAS. 186 p. (in Russ.)

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОЧНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ НА ВНУТРИРОССИЙСКИЕ ЦЕНЫ НА ПШЕНИЦУ

© Больдясов А.И., 2025

Больдясов Алексей Ильич, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7307-900X, eLibrary SPIN: 4391-2115, alex.b13@rambler.ru

Статья поступила: 04.09.2024, принята к печати: 04.03.2025

Оригинальная статья

Аннотация. Закупочные интервенции приводят к появлению более выгодного для участников рынка канала реализации, что определяет движения рыночных цен в сторону нового, более высокого значения, равного цене приобретения товара в интервенционный фонд. Размеры рыночных цен повышаются до интервенционных цен пропорционально доле государственных закупок в совокупных рыночных продажах. Предложенная модель основана на законе единой цены. Она связывает рыночные цены, закупочные цены, объемы экспорта и внутренних продаж, а также объемы закупочных интервенций. С помощью метода регрессионного моделирования модель была откалибрована по значению эластичности внутренних продаж и экспорта к внутренним ценам ($-0,772946$). Результаты экономико-статистических расчетов на основе выработанной модели позволили сделать вывод о влиянии закупочных интервенций на цены пшеницы для внутреннего рынка РФ в августе–декабре 2022 г. За этот период государство закупило 3 млн т пшеницы стоимостью 46,4 млрд руб. Это позволило обеспечить рост цен до 4–5% в отдельные месяцы, а также сократить коэффициент вариации цен на пшеницу в РФ в 2022 г. с 18,23 до 16,74%. С учетом имеющихся у аграриев товарных запасов пшеницы цены на данную культуру удалось бы повысить на 6–7% в каждый из месяцев рассматриваемой закупочной сессии в случае дополнительной закупки пшеницы в интервенционный фонд.

Ключевые слова: закупочные интервенции, рынок пшеницы, интервенционный фонд, волатильность цен, закон единой цены

Классификация JEL: D04, Q18

Для цитирования: Больдясов А.И. (2025). Влияние государственных закупочных интервенций на внутрироссийские цены на пшеницу // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 1. С. 87–98. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-87-98](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-87-98). EDN: TWMBMI

[https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-87-98](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-87-98)

EDN: TWMBMI

THE IMPACT OF STATE PROCUREMENT INTERVENTIONS ON DOMESTIC WHEAT PRICES IN RUSSIA

© Boldiasov A.I., 2025

Alexey I. Boldiasov, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7307-900X, eLibrary SPIN: 4391-2115, alex.b13@rambler.ru

Received: 09/04/2024, Accepted: 03/04/2025

Original article

Abstract. Purchasing interventions lead to the emergence of a more profitable sales channel for market participants, which determines the movement of market prices towards a new, higher value equal to the purchase price of goods in the intervention fund. The value of market prices increases to intervention prices in proportion to the share of public procurement in total market sales. The proposed model, based on the law of a single price, connects market prices, purchase prices, export and domestic sales volumes, as well as the volume of procurement interventions. Using the regression modeling method, the model was calibrated according to the value of elasticity of domestic sales and exports to domestic prices ($-0,772946$). The results of economic and statistical calculations based on the developed model allowed us to conclude about the impact of procurement interventions on wheat prices in the domestic market of the Russian Federation in August-December 2022. During this period, the state purchased 3 million ton of wheat worth 46,4 billion rubles. This allowed for a price increase of up to 4–5% in some months, as well as a reduction in the coefficient of variation in prices in the Russian domestic wheat market from 18,23 to 16,74% in 2022. Taking into account the available wheat stocks of farmers' prices for this crop could be increased by 6–7% in each of the months of the procurement session under consideration in the case of additional wheat purchases to the intervention fund.

Keywords: purchasing interventions, wheat market, intervention fund, price volatility, law of one prices (LOP)

Classification JEL: D04, Q18

For reference: Boldiasov A.I. The impact of state procurement interventions on domestic wheat prices in Russia. *Economics of Contemporary Russia*. 2025;28(1):87–98. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-87-98](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-87-98). EDN: TWMBMI

ВВЕДЕНИЕ

Высокая волатильность цен выступает одной из традиционных проблем зернового рынка. Нестабильность ценовой динамики обусловлена широким спектром причин как экономического, так и иного характера. В разные годы имеют место неодинаковые погодные условия, применяются различные технологии возделывания земли, меняется количество и интенсивность внесения в почву удобрений, используются новые достижения селекции. Резкие колебания валовых сборов могут существенным образом повлиять на внутрироссийские цены. Зерновые культуры являются важным товаром в международной торговле. Нестабильность валютных курсов и случайные колебания конъюнктуры мирового рынка неизбежно усиливают волатильность цен на зерно во многих странах.

Волатильность цен на зерновые культуры влечет за собой негативные последствия для развития экономики. В условиях резких и непредсказуемых колебаний цен на зерно затрудняется планирование хозяйственной деятельности во многих отраслях. Кроме того, нестабильность ценовой конъюнктуры оставляет широкое поле для спекулятивных операций, которые зачастую увеличивают амплитуду колебаний рыночных цен.

Приведенные рассуждения в полной мере актуальны и для российского рынка пшеницы. Так, с 2000 по 2023 г. урожайность данной культуры менялась от 16,1 до 35,5 ц/га убранной площади¹. В совокупности с колебаниями экспортных цен, курса рубля относительно доллара США, а также другими факторами это определило значительный размах вариации внутренних цен на пшеницу в РФ. С 2000 по 2023 г. среднегодовая цена данной зерновой культуры на российском рынке колебалась в интервале от 1283 до 2307 руб./т с учетом инфляции².

В РФ государство располагает необходимым арсеналом мер для сглаживания резких изменений цен на зерно, в том числе и на пшеницу. С 2001 г. на российском зерновом рынке действует механизм государственных закупочных и товарных интервенций. В соответствии с п. 1 ст. 14 Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» стабилизация цен выступает одной из целей применения данного инструмента регулирования.

Закупочные интервенции представляют собой приобретение государством через компанию-

агента (АО «ОЗК») зерна в государственный интервенционный фонд в случае, когда рыночные цены на покупаемый товар опускаются ниже законодательно установленных значений. *Товарные интервенции*, напротив, означают продажу на рынке ранее закупленного товара, если цены на него превышают определенное значение. Таким образом, государство способствует поддержанию баланса между спросом и предложением на регулируемом рынке в долгосрочной перспективе, что позволяет достичь желаемой динамики рыночных цен.

Для российского рынка пшеницы наибольшую актуальность представляют именно закупочные интервенции. В условиях полной самообеспеченности и активного экспорта данной культуры периодически возникает потребность в изъятии с рынка излишков товарной массы, образующихся под влиянием высокого урожая или на фоне трудностей в вывозе пшеницы на внешние рынки. Следовательно, в настоящей работе непосредственно рассматриваются только закупочные интервенции.

Понимание механизма влияния закупочных интервенций на рыночные цены позволит адекватно оценить роль данного инструмента с точки зрения стабилизации цен на пшеницу, а также более эффективно определять параметры интервенционной политики.

Таким образом, целью исследования является разработка с последующей апробацией теоретически обоснованной модели влияния закупочных интервенций на внутренние цены на пшеницу в России. В задачи статьи входит описание теоретических основ модели; математическая формулировка модели; калибровка модели; оценка влияния закупочных интервенций на внутренние цены на пшеницу в РФ для выбранного периода; проведение сценарного расчета объемов закупки исходя из предложенных критериев увеличения цен.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Различные аспекты проведения интервенционной политики находят отражение как в отечественных публикациях, так и в работах зарубежных авторов. Дискуссия ведется, в частности, и вокруг влияния закупочных и товарных интервенций на динамику цен на российском зерновом рынке.

Так, в работе Н.М. Светлова влияние закупочных интервенций на рыночные цены определяется исходя из границ ценового коридора проведения интервенций, доли государственных закупок в рыночных продажах, а также калибруемого параметра чувствительности рынка (Svetlov, 2016, p. 115). При максимальном значении данного показателя, равном единице, внутрироссийские цены на пше-

¹ Росстат. Бюллетени о состоянии сельского хозяйства. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277>

² Росстат. Цены производителей. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>

нищу достигают нижней границы ценового коридора проведения конкретных интервенций.

Из работы С.А. Шиловской следует, что закупочные интервенции приводят к сокращению предложения на открытом рынке за счет отвлечения части продукции для продажи в интервенционный фонд, что обеспечивает рост цен. Кроме того, сам факт объявления интервенционных цен стабилизирует рынок, формируя определенные ценовые ожидания (Шиловская, 2010, с. 127). Последняя мысль находит отражение и в других публикациях. Так, в работе Т.В. Литвиненко отмечается, что новости, связанные с интервенционной политикой, являются одними из наиболее часто читаемых (Литвиненко, 2024, с. 120). Данный факт означает, что решения участников рынка пшеницы во многом ориентируются на проводимые государством интервенции.

В отечественных публикациях в целом приводятся противоречивые оценки эффективности интервенционной политики в контексте стабилизации цен на пшеницу. В некоторых работах указывается, что закупочные интервенции являются высоко значимыми с точки зрения сглаживания сезонных колебаний цен на зерно (Марущак, Жеребцов, 2012, с. 192). Они также позволяют оперативно достигать целей, направленных на стабилизацию цен на рынке (Аварский и др., 2014, с. 15). В исследованиях отмечается положительная роль закупочных интервенций в 2008–2009 гг., проведение которых позволило удержать цены на приемлемом для аграриев уровне на фоне большого урожая (Ксенофонтов, Ползиков, Урус, 2019, с. 29), что стало возможным благодаря значительным объемам закупки, составившим более 9,6 млн т (Ползиков, 2023, с. 133). И.Н. Рыкова с соавторами установила, что значительные колебания рыночных цен на пшеницу наблюдаются в периоды закупок зерна в интервенционный фонд (Рыкова, Юрьева, Аксенов, 2018, с. 64). Ряд работ, напротив, содержит вывод о слабом влиянии интервенционной политики на рыночные цены. В публикациях отмечается, что государство приобретает незначительные в масштабах рынка пшеницы объемы продукции (Карашук, Больдясов, 2023, с. 26).

Моделирование влияния закупочных интервенций на рыночные цены рассматривается в работах Н.М. Светлова. При этом отмечается отсутствие единого мнения об эффективности интервенционной политики как стабилизирующего рыночные цены инструмента.

Политика, аналогичная по своей сути государственным закупочным и товарным интервенциям в РФ, проводится во многих зарубежных странах. Проблема влияния таких инструментов стабилизации рынка на цены на зерновые широко пред-

ставлена и в трудах иностранных авторов. В публикациях западных исследователей данная тема обсуждается в последние годы не так широко, что объясняется либерализацией мировой торговли и сменой приоритетов государственного регулирования сельского хозяйства в развитых странах. Так, в странах Европы с принятием в 1962 г. Общей аграрной политики (Common agricultural policy, CAP) реализуется единый механизм интервенций. Однако с 1992 г. интервенционные цены в странах Евросоюза были снижены, и последние десятилетия интервенции фактически не проводятся (Würrichhausen, Lakner, Ihle, 2012, p. 5).

Аналогичные рассуждения справедливы и для североамериканских стран. Так, в существующих работах анализируется влияние на рыночные цены ранее действовавших программ поддержки. Согласно экономико-математической модели П. Галлахера, предназначенной для анализа политики поддерживающих цен в США, влияние минимальных закупочных цен на рынок тем сильнее, чем меньше разрыв между рыночными ценами и ценами поддержки (Gallaher, 1978, p. 9). В отдельных работах минимальные закупочные цены рассматриваются как нижняя граница рыночной цены (Kim, Chavas, 2002, p. 502).

Во многих азиатских странах также проводится политика минимальных цен поддержки, предполагающая тот же механизм, что и государственных интервенций в России. Так, например, в Китае действует политика минимальных закупочных цен (minimum procurement prices), в Индии – политика минимальных цен поддержки (minimum support prices). Поэтому в данных странах наблюдается значительный интерес к данной проблеме в научной среде.

В работах китайских ученых влияние минимальных закупочных цен на рыночные моделируется, как правило, линейно. Закупочные цены включаются в регрессионные уравнения, объясняющие динамику рыночных цен, наряду с объемами урожая (Qian, Ito, 2020, p. 11), мировыми ценами (Li, Liu, Song, 2020, p. 8), а также погодными условиями (Su et al., 2021, p. 6). Выявленный отдельными авторами структурный скачок в динамике цен на зерновые в Китае подтверждает заметное стабилизирующее воздействие политики минимальных закупочных цен на рынок (Lyu, Li, 2019, p. 9).

В публикациях индийских ученых находит отражение похожий подход. Минимальные цены поддержки входят в регрессионные модели рыночных цен (Morales, Balié, Magrini, 2021, p. 182), в том числе и логарифмической форме, что позволяет оценивать эластичность цен свободного рынка к ценам поддержки (Aggraval, Chatterjee, Jha, 2024, p. 14). В отдельных работах влияние цен

поддержки на рыночные цены моделируется исходя из доли государственных закупок в рыночных продажах (Guda et al., 2021, p. 21).

Применение линейного подхода к оценке влияния политики поддержки цен на динамику цен на зерновые в азиатских странах, предполагающего линейное моделирование, объясняется особенностями проводимой в данных странах политики. Так, в Индии за период с 2012 по 2023 г. государство закупило более 49% пшеницы, реализованной фермерами (Dev, 2023, p. 65). Столь значительные объемы очевидным образом влияют на рыночные цены, несмотря на то, что лишь около 20% индийских фермеров в полной мере осведомлены об актуальных закупочных ценах (Aditya et al., 2017, p. 1). В Китае государство гарантирует, что товар будет приобретен по минимальной закупочной цене, в то время как в России интервенции проводятся по решению Минсельхоза России, поэтому снижение рыночных цен до нижней границы ценового коридора еще не означает автоматического начала закупочных интервенций в РФ.

Таким образом, для российского рынка пшеницы актуальна разработка модели влияния закупочных интервенций на цены, учитывающей особенности российской практики реализации интервенционной политики. В РФ закупки в государственный фонд происходят на фоне активного экспорта, что неизбежно должно учитываться при построении такой модели. Кроме того, модель необходимо адаптировать к статистическим данным, публикуемым по итогам проводимых в стране зерновых интервенций.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИ И ЕЕ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛИРОВКА

В ходе теоретического анализа российский рынок пшеницы следует рассматривать как ориентированный на экспорт. Федеральная таможенная служба временно приостановила публикации подробной внешнеторговой статистики, однако этот тезис может быть подтвержден на основании данных других источников. Так, по сведениям агентства «АМИС», в 2021–2023 гг. на зарубежные рынки вывозилось около 40% собранной в стране пшеницы.

Рынку пшеницы в России присущи многие признаки совершенно конкурентного рынка: однородность товара; множество производителей и др. При этом в силу текущего уровня развития материально-технической инфраструктуры, что проявляется в том числе и в дороговизне транспортировки, несколько нарушена межрегиональная интеграция зернового рынка РФ. Так, издерж-

ки перевозки между регионами являются одним из важнейших факторов в модели системной динамики региональных рынков зерна, разработанной Н.М. Светловым (Светлов, 2021, с. 92). Данное обстоятельство, несомненно, влияет на точность любых моделей, описывающих функционирование рынка пшеницы. В настоящей работе сделано предположение о наличии на отечественном рынке пшеницы конкуренции, близкой к совершенной.

Вводятся следующие обозначения: p – цена; q – объем реализации товара; MR – предельный доход; er – валютный курс; c – издержки. Индексы d , ex и i означают, что приводимые величины относятся к внутреннему рынку, экспортным поставкам и параметрам интервенционной политики соответственно.

Равновесие на рынке экспортируемого товара описывается ситуацией, характеризующейся равенством предельного дохода от поставок на внутреннем рынке и на экспорт ($MR_d = MR_{ex}$). На совершенно конкурентном рынке предельный доход равен цене ($MR = p$). Тогда условие равновесия можно записать следующим образом:

$$p_d = p_{ex}er - c_{ex}. \quad (1)$$

Экспортные цены пересчитываются в валюту экспортера, издержки, связанные с вывозом товара на внешние рынки, вычитаются, так как на практике этот элемент цены не увеличивает прибыль.

Приведенное соотношение является частным случаем выполнения Закона единой цены (Law of one price, LOP) применительно к международной. В целом для двух любых связанных между собой рынков справедливо следующее утверждение: цены на них будут отличаться на величину издержек, связанных с перемещением товара с одного рынка на другой.

При проведении закупочных интервенций равновесное состояние в краткосрочной перспективе нарушается, так как появляется более выгодный альтернативный канал реализации ($MR_i > MR_d$; $MR_i > MR_{ex}$). Участники рынка будут стремиться перенаправить свои поставки в пользу продажи товара в государственный интервенционный фонд по более выгодной цене. В результате сокращение предложения на внутреннем рынке приведет к повышению рыночной цены товара в рассматриваемой стране. Внутренние цены будут стремиться к новому равновесию, вплоть до уравнивания значений рыночных и интервенционных цен ($p_d \rightarrow p_i$). В таком случае у участников рынка не будет стимулов перенаправлять часть продукции с одного рынка на другой.

Закупочные интервенции способствуют уменьшению экспортных поставок, так как продажа то-

вара государству оказывается выгодней вывоза продукции на зарубежные рынки. Тот факт, что государственные закупки товара могут привести к сокращению объемов экспорта, имеет и эмпирические подтверждения в научной литературе. Так, одним из последствий программы поддержки фермеров в Танзании стало уменьшение экспорта (Gerrard, Roe, 1983, p. 131) зерновых культур. В работе Н.М. Светлова установлена обратная взаимосвязь между внутренними ценами и объемами экспорта (Светлов, 2016, с. 169) на рынке пшеницы в РФ.

Приведенные выше рассуждения проиллюстрированы графически на рис. 1.

Проведение на рынке закупочных интервенций означает появление на кривой рыночного спроса абсолютно эластичного участка, так как государство будет приобретать любой запланированный объем товара по установленной цене ($D_1 \rightarrow D_2$). В результате государственного регулирования цена на внутреннем рынке повышается ($p_{d2} > p_{d1}$), что приводит к сокращению внутреннего спроса ($q_{d2} < q_{d1}$) и объемов экспорта ($q_{ex2} < q_{ex1}$). То есть закупка государством некоторого количества товара (q_i) по более высоким ценам вытесняет часть поставок в другие каналы реализации.

В условиях ограниченных объемов интервенций участники рынка могут сокращать внутренние и экспортные продажи только по мере того, пока государство продолжает закупки в интервенционный фонд. Как только государственные закупки прекращаются, внутренние цены вновь стремятся к равновесному состоянию, описываемому уравнением (1). Следовательно, внутренние цены будут повышаться до интервенционных цен пропорцио-

нально доле государственных закупок в рыночных продажах:

$$p_g - p_d = (p_i - p_d) \frac{q_i}{q_i + e^{\ln(q_d + q_{ex}) + \varepsilon_p^q (\ln(p_g) - \ln(p_d))}}, \quad (2)$$

где p_g – внутренняя цена после государственного регулирования; ε_p^q – эластичность внутреннего спроса и экспортных поставок к внутренней цене

$\left(\varepsilon_p^q = \frac{d \ln(q_d + q_{ex})}{d \ln(p_d)} \right)$; e – экспонента; остальные

обозначения приведены в соответствии с принятыми ранее.

Полученное уравнение (2) представляет собой модель, позволяющую оценивать воздействие государственных закупочных интервенций на внутренние цены на рынке экспортируемого товара, в том числе и на российском рынке пшеницы.

Эластичность в рамках приведенного соотношения может рассматриваться отдельно для внутренних и экспортных поставок. Такое разграничение актуально при более детальном анализе рынка, предполагающем оценку влияния интервенционной политики на объемы экспорта и внутреннего спроса. В контексте настоящей работы важно лишь то, в какой мере закупочные интервенции способствуют сокращению совокупных продаж участников рынка по всем каналам реализации.

Таким образом, в ходе теоретического анализа была разработана математическая модель влияния закупочных интервенций на внутрироссийские цены на пшеницу. В предложенной модели, помимо ключевых показателей, характеризующих динамику рыночных цен и параметры проводимых интервенций, учитывается ценовая эластичность спроса. Кроме того, модель адаптирована к российской информационной базе.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Аналитическая база исследования включает следующие статистические данные из открытых источников:

- средние цены на пшеницу в РФ с января 2017 г. по декабрь 2022 г., размещаемые ежемесячно на сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы («ЕМИСС»);
- стоимостные и физические объемы закупочных интервенций с августа по декабрь 2022 г., публикуемые на сайте «Национальной товарной биржи» (АО «НТБ»);
- оборот в стоимостном выражении по виду экономической деятельности «Выращивание зер-

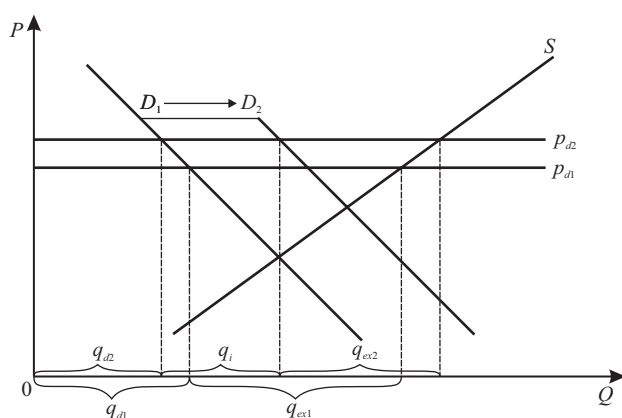

Рис. 1. Влияние закупок в интервенционный фонд на динамику рыночных цен на рынке экспортируемого товара

Примечание. D – спрос; S – предложение; p_d – цена на внутреннем рынке; q_d – потребление на внутреннем рынке; q_{ex} – объем экспорта; индексы «1» и «2» характеризуют состояние до и после начала закупочных интервенций соответственно.

Источники: составлено автором.

новых культур» с января 2017 г. по декабрь 2022 г., размещаемый ежемесячно на сайте «ЕМИСС»;

- среднегодовые цены на пшеницу в РФ с 2017 по 2022 г., публикуемые ежегодно Росстатом;
- физический объем реализации пшеницы в России за календарный год с 2017 по 2022 г., отслеживаемый Росстатом.

Для оценки влияния закупочных интервенций на рыночные цены необходима информация о ежемесячных физических объемах реализации. В отношении пшеницы соответствующие данные отсутствуют. Информационный пробел был восполнен благодаря экспертной оценке, которая осуществлялась по следующему алгоритму.

Сначала был получен годовой объем реализации пшеницы в стоимостном выражении путем умножения среднегодовых цен на годовой объем реализации. Далее на основе данных о ежемесячном обороте была посчитана доля каждого месяца в годовом обороте за исследуемый период (январь 2017 г. – декабрь 2022 г.). Затем реализация пшеницы в стоимостном выражении за каждый месяц была получена путем умножения доли соответствующего месяца в годовом обороте и рассчитанного на первом этапе годового объема реализации в денежном выражении. Объем реализации в натуральных единицах был рассчитан как частное от деления стоимостного объема реализации за каждый месяц на ежемесячные средние цены на пшеницу.

Такой метод оценки позволяет избежать проблемы несопоставимости статистических данных. Среднемесячные цены, отслеживаемые Росстатом, рассчитываются исходя из себестоимости и прибыли производителя, в то время как оборот может содержать и другие элементы, включаемые в рыночную цену.

Для апробации модели были проанализированы закупочные интервенции, проводимые с августа по декабрь 2022 г. Выбор данного периода обусловлен несколькими причинами. Во-первых, в 2022 г. наблюдался рекордный урожай пшеницы в РФ (104,2 млн т), что привело к резкому падению цен. Внутренние цены на пшеницу в период проведения интервенций сократились на 30% относительно начала 2022 г. В условиях столь значительного падения цен регулирующая роль интервенционной политики должна проявляться особенно ярко. Во-вторых, имеющиеся статистические данные не позволяют оценить ежемесячные физические объемы реализации пшеницы до 2017 г., в то время как до 2022 г. интервенции проводились лишь в 2015–2016 гг.

На первом этапе исследования была откалибрована модель, описываемая формулой (2). Для этого был оценен коэффициент эластичности вну-

треннего спроса и экспортных продаж к внутренним ценам на пшеницу на основе регрессии:

$$\Delta \ln(q_{dt} + q_{ext}) = \alpha + \beta \cdot \Delta \ln p_{dt} + \varepsilon_t, \quad (3)$$

где q_d и q_{ext} – физические объемы экспорта и внутренних продаж пшеницы; p_d – внутренние цены на пшеницу в РФ; α , β – оцениваемые коэффициенты; ε – стохастическая ошибка модели; t – индекс времени, обозначающий, к какому месяцу из исследуемого промежутка относится соответствующее значение показателя. Коэффициент β из оцениваемой регрессионной модели характеризует эластичность, значение которой используется в модели.

В модель были включены первые разности переменных во избежание проблемы нестационарности временных рядов. Кроме того, переменные прошли сезонную корректировку методом «TRAMO/SEATS». Устранение сезонности и построение модели осуществлялись в программе «Eviews 10». Регрессия строилась по данным с января 2020 по декабрь 2022 г.

Полученная модель была проверена на нормальность остатков с помощью теста Харке–Бера, а также на корректность спецификации на основе теста Рамсея. Данная процедура необходима, так как делается предположение о возможности пренебречь влиянием факторов, не включенных в модель. Для проверки стабильности коэффициентов были проверены квадраты остатков рекурсивной регрессии (CUSUM-тест). На практике коэффициент эластичности вряд ли оказывается постоянным на протяжении длительного периода ввиду влияния политических решений (а также других факторов) на рынок зерна. Данный показатель может быть откалиброван для конкретных рыночных условий.

Далее анализировалось воздействие закупочных интервенций на внутренние цены на пшеницу в России для выбранного периода (август–декабрь 2022 г.). В публикуемых в статистических источниках ценах уже заложено влияние интервенционной политики. Цены без учета регулирования были рассчитаны исходя из формулы (2) с помощью функции «Поиск решений» в программном пакете «Excel». Указанный расчет сводится к поиску значения функции внутрироссийской цены пшеницы при заданных величинах интервенционных цен и закупок, рыночной цены с учетом регулирования, фактических объемов рыночных продаж, а также откалиброванного значения эластичности спроса по цене.

Было оценено, насколько увеличились цены на пшеницу в РФ в результате проведения закупочных интервенций. На основе сравнения значения

коэффициента вариации между фактическими и очищенными от регулирования ценами делался вывод о силе стабилизирующего воздействия интервенционной политики.

На последнем этапе работы был проведен сценарный анализ. Рассчитывалось, какой объем пшеницы необходимо было приобрести государству при неизменных ценах закупки, чтобы обеспечить повышение рыночных цен на величину от 1 до 10% с шагом в 1% каждый месяц с августа по декабрь 2022 г. Данная шкала принята условно, однако она позволяет адекватно оценить потенциал интервенционной политики как инструмента регулирования цен. Объемы закупки также рассчитывались исходя из формулы (2):

$$q_i = \frac{(p_g - p_d) \cdot e^{\ln(q_d + q_{ex}) + \varepsilon_p^q (\ln(p_g) - \ln(p_d))}}{p_i - p_g} \quad (4)$$

Далее было посчитано, как меняются расходы государства на закупку пшеницы и коэффициент вариации рыночных цен на данную культуру при каждом уровне влияния интервенционной политики на цены.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Калибровка величины эластичности совокупных рыночных продаж к внутренним ценам на пшеницу была осуществлена на основе регрессионного уравнения (в скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов):

$$\Delta \ln(q_d + q_{ex}) = 0,011999 - 0,772946 \cdot \Delta \ln p_d \quad \begin{matrix} (0,013458) & (0,245855) \end{matrix}$$

Параметр β , характеризующий эластичность внутренних цен к совокупным рыночным продажам, статистически значим на уровне 0,01. Стати-

стика Фишера равна 9,88 и значима на уровне 0,01. Статистика Дарбина–Уотсона составляет 1,80, что свидетельствует об отсутствии автокорреляции остатков. Скорректированный коэффициент детерминации равен 0,20. Низкие значения данного показателя закономерны, так как в краткосрочной перспективе динамика рыночных продаж зависит от множества факторов. В данном случае имеет значение лишь характер долгосрочной взаимосвязи между переменными.

Статистика Харке–Бера равна 1,51 и значима лишь на уровне 0,47, поэтому гипотеза о нормальности остатков не отклоняется. По результатам теста Рамсея (проводился для модели с квадратами) значения t-статистики и F-статистики составили 1,65 и 2,72 соответственно и оказались незначимы на уровне 0,05. Данный факт указывает на то, что нет оснований пересмотреть функциональную форму связи в модели, а также включать в нее неучтенные факторы. Сумма квадратов остатков рекурсивной регрессии не выходит за границы 5%-го интервала на протяжении всего оцениваемого периода, что свидетельствует о стабильности коэффициентов.

Таким образом, характеристики регрессионной модели позволяют применять результаты моделирования в дальнейшем анализе. Полученный коэффициент эластичности равен $-0,772946$, соответствующее значение и было использовано далее.

Результаты оценки влияния закупочных интервенций на внутренние цены на пшеницу в России в рассматриваемый период (август–декабрь 2022 г.) представлены в следующей табл. 1.

Как следует из данных таблицы, несмотря на значительные в масштабах рынка объемы государственных закупок (до 10% совокупных продаж), влияние интервенционной политики на цены на пшеницу оказалось слабым. В месяцы наиболее активных закупок (ноябрь–декабрь 2022 г.) проведение интервенций поспособствовало повышению

Таблица 1. Анализ влияния закупочных интервенций на внутрироссийские цены на пшеницу в августе–декабре 2022 г.

Показатель	Месяц 2022 г.				
	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Цены с учетом регулирования, руб./т	12 575	11 209	10 584	10 823	10 754
Цены без учета регулирования, руб./т	12 565	10 978	10 224	10 367	10 243
Влияние регулирования на цены, %	0,07	2,11	3,52	4,40	4,99
Объем рыночных продаж, тыс. т	6 112,0	8 113,9	9 705,6	8 190,7	8 868,8
Объем закупочных интервенций, тыс. т	20,2	464,7	749,7	823,5	1 002,4
Доля интервенций в совокупных продажах, %	0,34	5,42	7,17	9,22	10,15
Средняя закупочная цена (без НДС), руб./т	15 409	15 189	15 122	15 207	15 111

Источники: расчеты автора.

рыночных цен на данную культуру лишь на 4–5%. Всего за рассматриваемую закупочную сессию государство приобретено порядка 3 млн т пшеницы на сумму 46,4 млрд руб., что позволило снизить коэффициент вариации внутрироссийских цен на пшеницу в 2022 г. с 18,23 до 16,74%.

В табл. 2 приводятся результаты сценарного расчета, показывающего, какой объем необходимо было закупить государству за каждый месяц проведения интервенций, чтобы обеспечить повышение рыночных цен на пшеницу на заданную величину. При вычислении предполагается, что цены закупки остались бы неизменными относительно фактических значений. Для каждого критерия повышения цен приведены расходы государства на закупку, а также предполагаемый коэффициент вариации внутренних цен на пшеницу за 2022 г.

Данные табл. 2 наглядно показывают, что более ощутимое повышение внутрироссийских цен на пшеницу возможно лишь при значительных объемах закупки, сопряженных с многомиллиардными расходами государства. Увеличение объемов закупки неизбежно повлечет за собой появление и других проблем, к которым относится усложнение и удорожание хранения интервенционного фонда, а также необходимость последующей реализации столь значительных объемов. Продажа интервенционного фонда на внутреннем рынке в таком случае представляется маловероятной, поскольку российский рынок вряд ли сможет поглотить такое количество продукции. Так, с 2001 г. максимальный объем реализации зерна на товарных интервенциях составлял 3,7 млн т в 2012–2013 гг.

Кроме того, проведение закупочных интервенций имеет естественные ограничения, связанные

с наличием определенного количества товарных запасов у сельскохозяйственных товаропроизводителей. Так, запасы пшеницы в сельскохозяйственных организациях на конец 2022 г. были больше запасов 2021 г. на 8,2 млн т и примерно на 8 млн т больше, чем в среднем на конец 2017–2021 гг. В таких условиях наиболее вероятным представляет сценарий, при котором обеспечивается повышение цен на пшеницу на 6–7% (табл. 2).

Полученные результаты несколько отличаются от итогов анализа других авторов. Так, по мнению Н.М. Светлова, государственный интервенционный фонд в размере до 2,7 млн т позволяет эффективно регулировать цены, снижая коэффициент вариации рыночных цен на пшеницу на 5,26% относительно сценария, при котором интервенции не проводятся (Светлов, 2022, с. 119). В 2022 г. было закуплено 3 млн т пшеницы, однако коэффициент вариации цен на пшеницу в РФ за 2022 г. снизился лишь на 1,49%. Разница в результатах обусловлена особенностью выбора промежутка времени для исследования, а также применяемым автором методом моделирования воздействия интервенционной политики на динамику рыночных цен.

Полученный вывод отвечает результатам предыдущих исследований автора настоящей работы, в соответствии с которыми по итогам экономико-математического моделирования установлено слабое воздействие интервенционной политики на внутрироссийские цены на пшеницу (Каращук, Большаков, 2023, с. 26).

Результаты анализа показывают, что при текущих параметрах интервенционной политики проведение интервенций несущественно влияет на рыночные цены на пшеницу в стране. Закупочные интервенции в текущем виде, скорее, выпол-

Таблица 2. Сценарный расчет объемов закупки пшеницы в августе–декабре 2022 г., обеспечивающих заданный уровень повышения цен

Рост цены, %	Объем закупки, тыс. т						Расходы на закупку, млрд руб.	Коэффициент вариации (2022 г.), %
	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого		
1	280,4	215,5	205,3	177,9	189,2	1068,3	16,3	17,79
2	583,5	439,5	416,4	361,0	383,7	2184,1	33,3	17,35
3	912,9	672,8	633,7	549,7	584,0	3353,2	51,1	16,92
4	1273,0	916,3	857,8	744,6	790,7	4582,4	69,8	16,49
5	1669,1	1171,1	1089,1	946,0	1004,1	5879,5	89,5	16,06
6	2107,9	1438,1	1328,4	1154,6	1224,9	7254,0	110,5	15,64
7	2597,6	1718,8	1576,2	1371,0	1453,8	8717,4	132,8	15,22
8	3148,9	2014,5	1833,3	1595,8	1691,3	10283,8	156,7	14,81
9	3775,4	2326,9	2100,4	1829,9	1938,2	11970,8	182,4	14,41
10	4495,2	2657,7	2378,5	2073,9	2195,4	13800,7	210,3	14,01

Источники: расчеты автора.

няют функцию санации части излишков товарной массы. Кроме того, регулирующая роль интервенций оказывается весьма ограниченной в силу масштабов российского рынка пшеницы, так как увеличение интервенционного фонда на практике встречает ряд трудностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- на основе теоретического анализа была обоснована и разработана математическая модель влияния закупочных интервенций на внутрироссийские цены на пшеницу, связывающая между собой фактические рыночные цены, средневзвешенные цены закупки пшеницы в интервенционный фонд, объемы внутреннего спроса и экспортных поставок, а также объемы закупки в государственный интервенционный фонд;
- расчеты на основе разработанной модели, откалиброванной по значению эластичности, показывают, что проводимые в августе–декабре 2022 г. государственные закупочные интервенции не ока-

зали заметного воздействия на динамику внутрироссийских цен на пшеницу;

- более значительное влияние закупочных интервенций требует увеличения объемов закупки пшеницы в государственный интервенционный фонд, что представляется трудно осуществимым на практике в силу масштабов российского рынка пшеницы.

Применение обоснованной модели влияния закупочных интервенций на рыночные цены позволяет адекватно оценивать потенциал интервенционной политики как инструмента стабилизации рынка, а также более правильно анализировать последствия уже принятых мер. Таким образом, не стоит переоценивать роль закупочных интервенций с точки зрения поддержания на высоком уровне цен на пшеницу.

Полученная модель может использоваться при выработке параметров интервенционной политики и бюджетировании мероприятий, связанных с проведением государственных закупочных интервенций. Последующие исследования по теме могут быть посвящены адаптации разработанной модели для анализа интервенционной политики на других рынках, в том числе на рынках ржи и ячменя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аварский Н.Д., Пролыгина Н.А., Гасанова Х.Н. и др. (2014). Государственные интервенции как форма маркетингового регулирования рынка зерна // Экономика сельского хозяйства России. № 6. С. 12–18.
- Карашук О.С., Большаков А.И. (2023). Анализ эффективности государственных закупочных и товарных интервенций на рынке зерна в России // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. № 2. С. 18–30.
- Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А., Урус А.В. (2019) Регулирование зернового сектора в контексте задач обеспечения продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. № 6 (177). С. 22–31.
- Литвиненко Т.В. (2024). Выявление факторов, влияющих на конъюнктуру российского рынка зерна // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. Т. 59. № 2. С. 112–129.
- Марущак И.И., Жеребцов Г.И. (2012). Расчет цен при проведении государственных закупочных интервенций на рынке зерна РФ // Вестник Московского университета МВД России. № 7. С. 190–191.
- Ползиков Д.А. (2023). Основные направления политики адаптации сельского хозяйства России к климатическим изменениям // Проблемы прогнозирования. № 6(201). С. 119–137.
- Рыкова И.Н., Юрьева А.А., Аксенов С.С. (2018). Оценка эффективности деятельности государственного интервенционного фонда при проведении зерновых интервенций // Международный сельскохозяйственный журнал. № 2. С. 63–68.
- Светлов Н.М. (2016). Имитационное моделирование регулирования рынка пшеницы // Никоневские чтения, № 21. С. 168–171.
- Светлов Н.М. (2021). Модель системной динамики региональных рынков зерна // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. № 3. С. 88–105.
- Светлов Н.М. (2022). Параметры политики интервенций на рынке пшеницы // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. № 3. С. 113–128.
- Шиловская С.А. (2010). Совершенствование механизма государственных интервенций на рынке зерна и продуктов его переработки в России // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. № 4 (16). С. 124–135.
- Aditya K., Subash S., Praveen K. et al. (2017). Awareness about Minimum Support Price and Its Impact on Diversification Decision of Farmers in India // Asia & The Pacific Policy Studies, vol. 4, no. 8, pp. 1–13.
- Aggarwal S., Chatterjee I., Jha N. (2024). Minimum Support Prices in Indian Agriculture: Supporting Whom and at What Price? SSRN Electronic Journal, article 4762945, pp. 1–26.
- Dev K. (2023). Institutional Arrangements to Enforce the Minimum Support Price (MSP) Policy Effectively in India: A Case Study of Wheat and Paddy Production in Punjab. Advances in Research, vol. 24, no. 5, pp. 60–70.
- Gallagher P. (1978). The Effectiveness of Price Support Policy – Some Evidence for U.S. Corn Acreage Response.

- University of Minnesota. Department of Applied Economics Staff Papers, no. 14140.
- Gerrard C., Roe T. (1983). Government intervention in food grain markets: An econometric study of Tanzania. *Journal of Development Economics*, vol. 13, no. 1–2, pp. 109–132.
- Guda H., Dawande M., Janakiraman G. et al. (2021). An Economic Analysis of Agricultural Support Prices in Developing Economies. *Production and Operations Management*, vol. 30, no. 902, pp. 1–14.
- Kim K., Chavas J-S. (2002). A Dynamic Analysis of the Effects of a Price Support Program on Price Dynamics and Price Volatility. *Western Journal of Agricultural Economics*, no. 27 (02), pp. 495–514.
- Li J., Liu W., Song Z. (2020). Sustainability of the Adjustment Schemes in China's Grain Price Support Policy. An Empirical Analysis Based on the Partial Equilibrium Model of Wheat. *Sustainability*, vol. 12, no. 6447, pp. 1–21.
- Lyu J., Li X. (2019). Effectiveness and Sustainability of Grain Price Support Policies in China. *Sustainability*, vol. 11, no. 2478, pp. 1–13.
- Morales L., Balié J., Magrini E. (2020). How has the minimum support price policy of India affected cross-commodity price linkages? *International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 24, no. 2, pp. 179–196.
- Qian J., Ito S., Zhao Z. (2020). The effect of price support policies on food security and farmers' income in China. *Australian Journal of Agricultural and Resource Economics*, no. 59, p. 1–22.
- Su M., Heerink N., Oosterveer P., Tan T. (2021). Impacts of China's Minimum Grain Procurement Price Program on Agrochemical Use: A Household-Level Analysis. *Agriculture*, vol. 11, no. 910, pp. 1–20.
- Svetlov N. (2016). How to withstand uncertainty in Russian wheat market. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*, no. 6, pp. 108–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/how-to-withstand-uncertainty-in-russian-wheat-market/viewer>
- Würriehausen N., Lakner S., Ihle R. (2012). Market integration of conventional and organic wheat in Germany. *Diskussionspapiere. Department für Agrarökonomie und Rurale Entwicklung Working paper*, no. 1204, pp. 1–46.
- Avarskij N.D., Prolygina N.A., Gasanova H.N. et al. (2014). Government interventions as a form of marketing regulation of the grain market. *Economics of Agriculture of Russia*, no. 6, pp. 12–18 (in Russ.)
- Karashuk O., Boldyasov A. (2023). Analysis of the effectiveness of state procurement and commodity interventions in the grain market in Russia. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, no. 2, pp. 18–30 (in Russ.)
- Ksenofontov M., Polzikov D., Urus A. (2019). Regulation of the grain sector in the context of the tasks of ensuring food security in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, no. 6, pp. 22–31 (in Russ.)
- Litvinenko T. (2024). Factors affecting Russian grain market conjuncture. *Moscow University Bulletin. Series 6. Economics*, vol. 15, no. 2, pp. 112–129 (in Russ.)
- Marushchak I., Zherebtsov G. (2012). Calculation of the prices in case of carrying out the state purchasing interventions in the Russian Federation grain market. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, no. 7, pp. 190–191 (in Russ.)
- Polzikov D. (2023). Adaptation of Russian Agriculture to Climate Change: Policy Objectives and Main Problems. *Studies on Russian Economic Development*, no. 6 (201), pp. 119–137 (in Russ.)
- Rykova I., Yur'eva A., Aksenov S. (2018). The assessment of the effectiveness of the state intervention fund at carrying out of grain interventions. *International Agricultural Journal*, no. 2, pp. 63–68 (in Russ.)
- Svetlov N. (2016). Simulation modeling of wheat market regulation. *Nikonov's Readings*, no. 21, pp. 168–171 (in Russ.)
- Svetlov N. (2021). System dynamics model of regional grain markets. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*, no. 3. pp. 88–105 (in Russ.)
- Svetlov N. (2021). Parameters of the intervention policy in the wheat market. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*, no. 3. pp. 113–128 (in Russ.)
- Shilovskaya S. (2010). Improving the mechanism of government interventions in the grain and processed products market in Russia. *Bulletin. Peoples' Friendship Institute of the Caucasus. Economic Sciences*, no. 4 (16), pp. 124–135 (in Russ.)
- Aditya K., Subash S., Praveen K. et al. (2017). Awareness about Minimum Support Price and Its Impact on Diversification Decision of Farmers in India. *Asia & The Pacific Policy Studies*, vol. 4, no. 8, pp. 1–13.
- Aggarwal S., Chatterjee I., Jha N. (2024). Minimum Support Prices in Indian Agriculture: Supporting Whom and at What Price? *SSRN Electronic Journal*, article 4762945, pp. 1–26.
- Dev K. (2023). Institutional Arrangements to Enforce the Minimum Support Price (MSP) Policy Effectively in India: A Case Study of Wheat and Paddy Production in Punjab. *Advances in Research*, vol. 24, no. 5, pp. 60–70.
- Gallagher P. (1978). The Effectiveness of Price Support Policy – Some Evidence for U.S. Corn Acreage Response. *University of Minnesota. Department of Applied Economics Staff Papers*, no. 14140.
- Gerrard C., Roe T. (1983). Government intervention in food grain markets: An econometric study of Tanzania. *Journal of Development Economics*, vol. 13, no. 1–2, pp. 109–132.
- Guda H., Dawande M., Janakiraman G. et al. (2021). An Economic Analysis of Agricultural Support Prices in Developing Economies. *Production and Operations Management*, vol. 30, no. 902, pp. 1–14.
- Kim K., Chavas J-S. (2002). A Dynamic Analysis of the Effects of a Price Support Program on Price Dynamics and Price Volatility. *Western Journal of Agricultural Economics*, no. 27 (02), pp. 495–514.

- Li J., Liu W., Song Z. (2020). Sustainability of the Adjustment Schemes in China's Grain Price Support Policy. An Empirical Analysis Based on the Partial Equilibrium Model of Wheat. *Sustainability*, vol. 12, no. 6447, pp. 1–21.
- Lyu J., Li X. (2019). Effectiveness and Sustainability of Grain Price Support Policies in China. *Sustainability*, vol. 11, no. 2478, pp. 1–13.
- Morales L., Balié J., Magrini E. (2020). How has the minimum support price policy of India affected cross-commodity price linkages? *International Food and Agribusiness Management Review*, vol. 24, no. 2, pp. 179–196.
- Qian J., Ito S., Zhao Z. (2020). The effect of price support policies on food security and farmers' income in China. *Australian Journal of Agricultural and Resource Economics*, no. 59, p. 1–22.
- Su M., Heerink N., Oosterveer P., Tan T. (2021). Impacts of China's Minimum Grain Procurement Price Program on Agrochemical Use: A Household-Level Analysis. *Agriculture*, vol. 11, no. 910, pp. 1–20.
- Svetlov N. (2016). How to withstand uncertainty in Russian wheat market. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*, no. 6, pp. 108–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/how-to-withstand-uncertainty-in-russian-wheat-market/viewer>
- Würriehausen N., Lakner S., Ihle R. (2012). Market integration of conventional and organic wheat in Germany. *Diskussionspapiere. Department für Agrarökonomie und Rurale Entwicklung Working paper*, no. 1204, pp. 1–46.

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: ПОНЯТИЕ, ОЦЕНКА, КОНЦЕПЦИИ

© Корнилова А.Ю., 2025

Корнилова Анна Юрьевна, эксперт Meterstartup.ru, Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-4066-3579, pgmcjd@yandex.ru

Статья поступила: 21.08.2024, принята к печати: 04.03.2025

Оригинальная статья

Аннотация. В статье анализируется понятие, оценка и причины возникновения теоретических идей в области энергоэффективности в историческом аспекте. Высокая общественная значимость энергетических ресурсов и кризисные явления на рынке углеводородов в XX в. явились причиной возникновения и дальнейшего развития концепции энергобезопасности в политике стран-импортеров нефти, которая впоследствии трансформировалась в долгосрочную государственную политику повышения энергоэффективности. Эволюция инструментария оценки эффективности свидетельствует о том, что он становится, по сути, накопительным итогом, отражающим результативность мер государственной политики в области диверсификации источников поставок энергии и перехода к зеленой экономике. Причины использования идеи энергоэффективности в экономике странами-импортерами запада объяснены с позиций ресурсной теории системной организации экономики. Несмотря на процессы глобализации и либерализации, действующие в мире, экономики западных стран ориентированы на формирование концентрации энергоресурсов в одной стране, а их целью является завоевание экономического лидерства в располагаемых ресурсах. Сформулированы определения энергосбережения и энергоэффективности. Энергосбережение – процесс, который позволяет справиться с еще не возникшей потерей энергии. Энергоэффективность характеризует такое состояние экономической системы, которое позволяет уменьшить еще не возникшую потерю энергии в экономической деятельности с целью достижения заданного социально-экономического результата в условиях ограничений. Такими ограничениями могут быть доступность источников энергии, энергетическая безопасность, климатические условия и др.

Ключевые слова: энергоэффективность, энергосбережение, оценка, энергобезопасность, ресурсная теория системной организации экономики, концепция рационального природопользования

Классификация JEL: N50, Q40, Q48

Для цитирования: Корнилова А.Ю. (2025). Энергоэффективность в историческом аспекте: понятие, оценка, концепции // Экономическая наука современной России. Т. 28. № 1. С. 99–111. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-99-111](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-99-111). EDN: WXYGVO

[https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-99-111](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-99-111)

EDN: WXYGVO

HISTORICAL EVOLUTION OF ENERGY EFFICIENCY: DEFINITION, EVALUATION, AND CONCEPTS

© Kornilova A.Yu., 2025

Anna Yu. Kornilova, expert in Meterstartup.ru, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0000-4066-3579, pgmcjd@yandex.ru

Received: 08/21/2024, Accepted: 03/04/2025

Original article

Abstract. The article analyzes the concept, evaluation and reasons for emerging theoretical ideas in energy efficiency in the historical aspect. High importance for society of energy resources and crisis phenomena in the hydrocarbon market in the 20th century were the reasons for emerging and further developing of the concept of energy security in the policy of oil-importing countries which was subsequently transformed into a long-term government policy of energy efficiency improvement. The evolution of the efficiency valuation tool indicates that it becomes an accumulative outcome reflecting the effectiveness of public policy measures in the area of diversification of energy supply sources and transition to a green economy. The reasons for speculating on the idea of energy efficiency by Western importing countries are explained from the perspective of the resource theory of system organization of economy. Despite the processes of globalization and liberalization existing in the world, the economies of Western countries are focused on the formation of «concentration of energy resources in one country», and their goal is to gain economic leadership in disposable resources. Definitions of energy conservation and energy efficiency were formulated. Energy conservation is the process of managing energy loss that has not yet occurred. Energy efficiency characterizes such a state of the economic system that allows reducing not yet arisen energy loss in a certain economic activity in order to achieve a given socio-economic result under constraints. Such constraints can be availability of energy sources, energy security, climatic conditions etc.

Keywords: energy efficiency, energy saving, valuation, energy security, resource theory of system organization of the economy, rational use of resources

JEL Classification: N50, Q40, Q48

For reference: Kornilova A.Yu. Historical evolution of energy efficiency: definition, evaluation, and concepts. *Economics of Contemporary Russia*. 2025;28(1):99–111. (In Russ.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28\(1\)-99-111](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2025-28(1)-99-111). EDN: WXYGVO

ВВЕДЕНИЕ

Считается, что энергоэффективность является единственной важнейшей мерой, позволяющей избежать спроса на энергию в рамках сценария достижения нулевого уровня выбросов к 2050 г. в западных странах, наряду с тесно связанными мерами, направленными на электрификацию, изменение поведения, цифровизацию и повышение эффективности использования материалов (Net Zero by 2050, 2021).

Правительства во всем мире ставят задачи сокращать потребление энергии при одновременном достижении целей экономического развития. Политика повышения энергоэффективности связана с достижением климатических целей, поэтому данная проблема не является строго экономической, её решение находится в области политического и экономического выбора.

В экономической литературе существуют различные мнения относительно того, каким образом энергетическая эффективность определяется и оценивается. Энергоэффективность часто связывают с государственными мерами, направленными на сокращение потребления энергии. Трудности отсутствия всестороннего толкования понятия «*энергоэффективность*» вызывают различные, порой антагонистические, суждения о причинах и тенденциях экономии энергии и ее влиянии на эффективность экономической деятельности в целом.

В статье рассматривается развитие понятий, дается оценка и причины возникновения теоретических идей в области энергоэффективности в историческом аспекте. Также предлагается толкование термина «*энергоэффективность*», которое соответствует современным требованиям экономической науки.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Наиболее общее определение энергетической эффективности дал М. Петтерсон: энергетическая эффективность в широком смысле определяется как отношение полезного результата к затратам энергии (Patterson, 1996, p. 377). Данное определение происходит от толкования эффективности преобразования энергии в физической науке, которое описывает отношение выходной мощности к входной мощности. Эффективность преобразования энергии описывает форму сигнала для устройств (двигателей, трансформаторов).

Несмотря на то что показатель «энергоемкость ВВП» вызывал споры в академической сфере на Западе (Patterson, 1993, p. 377), он активно применялся в качестве показателя энергоэффективности при разработке энергетической политики в западных странах-импортерах (США, страны ЕС). Однако, как отмечает М. Петтерсон, политические аналитики и другие специалисты-практики, как правило, игнорируют и/или не в полной мере оценивают последствия методологических проблем при попытках использовать показатели энергоэффективности (Patterson, 1993, p. 741). Другие исследователи отмечают, что на уровне экономики или сектора в целом энергоемкость является менее значимым понятием для оценки энергоэффективности, поскольку, помимо энергоэффективности, важны другие факторы, которые определяют характер общего потребления энергии (Показатели энергоэффективности, 2015).

Интересно, что современные исследователи видят в энергоэффективности и характеристику, и проблему, и задачу одновременно, причем в зависимости от контекста и границ исследования. Так Л.-Г. Жироде и др. определяют *энергоэффективность* контекстуально – как способность технологии минимизировать количество потребляемой энергии (например, кВт·ч, МДЖ и т.д.), необходимое для обеспечения заданного уровня энергопотребления (в частности, освещенности, температуры, пассажиро-км и т.д.). Энергоэффективность является в первую очередь технологической характеристикой. Она становится экономической проблемой, поскольку человек осознает первоначальную стоимость технологии, эксплуатационные расходы на электроэнергию, которые она должна снизить, и выгоды, которые потребители получают от связанных с ней услуг, – другими словами, когда он рассматривает *энергоэффективность как инвестицию* (Giraudet, Missemer, 2023). Как отмечает В.М. Цилибина, энергоэффективность – не только энергетическая и экономическая задача, но и экологический императив, а также социально-политическое условие достижения принятых страной основных направлений развития на перспективу, связанных с повышением конкурентоспособности экономики и обеспечением устойчивого социально-экономического роста (Цилибина, 2021, с. 80).

Контекст определения энергетической эффективности, а также необходимость учета множества факторов в процессе оценки наводит на размышления о том, какое понятие энергоэффективности соответствует современным требованиям. По мнению Всемирного энергетического совета, энергоэффективность имеет более широкое значение, чем просто технологическая эффективность обо-

рудования; она охватывает все изменения, которые приводят к уменьшению количества энергии, используемой для производства одной единицы экономической продукции (например, количество энергии, используемой на единицу ВВП) или для достижения определенного уровня комфорта. Энергоэффективность связана с экономической эффективностью и включает технологические, организационные и поведенческие изменения (World Energy Perspective, 2013).

Т. Данлоп приводит мнение о том, что одной из основных тем риторики в экономической науке на протяжении десятилетий является идея «*бесплатного обеда*» – с энергоэффективностью мы получаем больше за меньшие деньги или, другими словами, что-то даром. Например, определение энергоэффективности предполагает, что потребитель не теряет комфорта. Кроме того, поскольку результат энергоэффективности был отнесен к более длинному списку преимуществ, он стал более эффективным риторическим приемом (Dunlop, 2022, p. 712).

Противоречивое толкование энергоэффективности необходимо проанализировать, основываясь на причинах возникновения теоретических идей в экономической науке, на развитии инструментария оценки, и конкретизировать содержание самого термина.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие содержания термина «*энергоэффективность*» важно рассмотреть в рамках эволюции *теории энергоэффективности*. В связи с этим можно отметить работу Л.-Г. Жироде и А. Миссемер, которые предложили аргументированный анализ эффективности в историческом аспекте (Giraudet, Missemer, 2023). Предложенная в настоящей статье периодизация отличается от той, которую приводят ученые.

В основу периодизации в статье положена эволюция подходов к энергобезопасности западных странах-импортерах нефти. Высокая общественная значимость энергетических ресурсов и кризисные явления на рынке углеводородов в XX в. явились причиной возникновения и дальнейшего развития концепции энергобезопасности в политике стран-импортерах нефти (США, страны ЕС). Впоследствии концепция энергобезопасности трансформировалась в долгосрочную государственную политику повышения энергоэффективности в странах-импортерах нефти. При этом доминирующие концепции в экономической науке играли важную роль для формирования теорети-

ческого фундамента работ в области энергоэффективности. Значительное число работ по данной тематике в большей степени акцентируют внимание на проблеме взаимодействия государства с социумом в процессе достижения целей энергоэффективности. В то же время концепции в экономической науке определяют приоритет, в соответствии с которым цель достижения энергоэффективности согласуется с иными социально-экономическими ориентирами.

По сути, *концепция энергобезопасности*, возникшая в США, в первую очередь предполагала независимость экономической политики от внешних ценовых шоков. Однако возникающие кризисы и трансформации на рынке углеводородов расширили спектр поиска решений проблемы энергобезопасности в западных странах – импортерах энергоресурсов (США, страны ЕС). В настоящее время энергетическая безопасность тесно связана с другими проблемами энергетической политики, такими как обеспечение равного доступа к современной энергетике и смягчение последствий изменения климата (Goldthau, 2011, p. 213).

В государственной политике ведущих стран мира энергия и доступ к ней играли приоритетную роль, начиная с XX в. В частности, электроэнергия в СССР была в некотором роде общественным благом, и результаты Плана ГОЭЛРО повлияли не только на успехи промышленности, но и на социальный сектор. Энергетическая доступность стала фактором развития общества, а не только научно-технического прогресса. Однако для стран – импортеров нефти энергетическая доступность имела более обширное значение: не только стремление управлять ресурсами как источником, но и возможности контролировать цены на них.

Одновременно с задачей развития общества начиная с XX в. наука пытается сформулировать принципы взаимодействия природы и человека. Появление системы взглядов на взаимодействие в триаде «общество – экономика – окружающая среда» произошло на основе соотнесения ценности развития цивилизации в балансе с природой и национально-государственными интересами. Поэтому акцент в работах, посвященных концепциям устойчивого развития и «Net Zero», которые призваны были предлагать варианты взаимодействия в триаде, в первую очередь сделан на *контролирующем воздействии*. То же самое можно наблюдать в области энергоэффективности преимущественно в западных странах: последние 50 лет посвящено *анализу энергоэффективности именно на макроуровне*. Таким образом, между тематикой исследований в экономической науке и государственной политикой существует определенная преемственность.

Одной из причин толкования *энергоэффективности в качестве задачи* связано с тем, что экономическое знание начиная с XX в. формируется под влиянием политической сферы. Как отмечает О.Б. Кошовец, после институционализации экономики как научной и учебной дисциплины на рубеже XIX–XX вв. решающее воздействие на дальнейшее развитие ее эпистемической культуры также создало тесное взаимодействие с властью в рамках перехода государства к новому типу технократического управления и массового привлечения экономистов в систему управления (Историческая эпистемология, 2019, с. 68).

Такое мнение могло бы вызвать споры, однако как отмечал К. Маркс, юридической и политической надстройке соответствует определенная форма общественного сознания (Маркс, 2019, с. 105). И это сознание будет определять «реальный базис» – экономическую структуру общества. Но только в XX в. экономическая и политическая наука становятся концептуально связанными, поскольку именно с прошлого века начинается эпоха, когда *улучшение условий жизни каждого жителя страны становится целью государства*.

До нефтяного кризиса 1970-х гг. термина «*энергоэффективность*» не существовало, и политика ведущих стран сводилась к расширению энергоснабжения, а собственно энергосбережение имело более низкий приоритет. Тесная связь между электрификацией и модернизацией придала отрасли электроснабжения во всех странах большую политическую значимость (Fawkes, Oung, Thorpe, 2016, p. 78). В СССР тема экономии энергии предпринятиями оформилась в централизованной повестке в 1950-е гг. (Никифорова, Покидько, 2023, с. 90). Необходимо отметить, что только в государственном управлении СССР в этот период времени использовалась *концепция рационального природопользования*, которая была призвана улучшить потребление и сократить потери при потреблении энергии.

Начиная с 1970-х гг., энергоэффективность стала одним из важнейших приоритетов экономической политики ведущих западных стран, поскольку она играла роль инструмента достижения энергетической безопасности. Можно утверждать, что с этого времени доминирующая концепция энергетической безопасности в политике этих стран стала катализатором в развитии экономического знания в области энергоэффективности.

Напротив, для стран-экспортеров (государства ОПЕК), по мнению ряда ученых, концепция энергобезопасности противоречит их интересам, которые в основном продолжают ориентироваться на стабильный спрос на углеводороды и высокие цены на них. Основной довод стран-поставщиков

заключается в необходимости поддержания постоянного уровня доходов для осуществления инвестиций в добывающий сектор, испытывающий нехватку капитала (Nye et al., 2008, p. 180). По сути, такие страны-экспортеры, как Саудовская Аравия и ОАЭ, предпринимают шаги в направлении энергосбережения, поскольку развитие альтернативных источников энергии не имеет стратегического характера, причем роль энергоэффективности все еще остается второстепенной в политике этих стран.

Кратко можно выделить следующие вехи в развитии теории экономической науки в области энергоэффективности.

- *Докризисный период (до 1970 г.)*. Период, характеризующийся в основном появлением термина «*энергосбережение*» и опытом формирования такой политики в отдельных странах (СССР). В СССР задачи нормирования расходов ресурсов и расширения электроснабжения привели к возникновению концепции *рационального природопользования*. В 1960–1970-е гг. во всех отраслях были разработаны нормы электропотребления и задания по энергосбережению, опираясь на выпуск основной продукции (Кудрин, 2012, с. 5).

В СССР, по сути, происходит рождение идеи *расширения объема потребляемой продукции при сохранении ресурсов окружающей среды*. Как отмечают Н.С. Касимов, Ю.Л. Мазуров и В.С. Тикунов, признанная мировым сообществом концепция устойчивого развития, впервые представленная комиссией Брундтланд (Комиссия Брундтланд (Gro Harlem Brundtland) «*Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию*» (МКОСР)¹ в 1987 г., является западным аналогом исторически предшествующей ей концепции рационального природопользования, успешно разрабатывавшейся в советской науке с начала 1960-х гг. (Касимов, Мазуров, Тикунов, 2004, с. 29).

- *Нефтяной кризис и посткризисный период (1970–1990 гг.)*. Нефтяной кризис стал решающим для появления концепции энергобезопасности в странах – импортерах энергоресурсов на западе. Кризис 1973 г. – точка отсчета для формирования широкомасштабной системы «безопасности

¹ URL: <http://устойчивоеразвитие.рф/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf>; см. также: Международная комиссия по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development, WCED). URL: https://mgimo.ru/upload/2023/11/komissiya-brundtland-i-koncepciya-ustoi-chivogo-razvitiya-v-istorii-sssr-rossii-1980-90.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

энергоснабжения» в странах-потребителях, остающейся актуальной и по сей день (Ткачук, 2010, с. 259).

В период 1960–1980-х гг. энергетическая политика западных стран не была единой, но тем не менее эта сфера практически полностью оставалась в национальной компетенции западных стран. И только США впервые обозначили достижение «энергетической независимости» в своих приоритетах в 1970-е гг.

В экономической науке в это время развивается поведенческая теория: появляются работы, которые оценивают спрос на энергоэффективность, а также первые работы по институциональной теории, где исследуются факторы, влияющие на энергосбережение (Blumstein et al., 1980).

Характерной чертой этого этапа является старт использования показателя энергоэффективности – энергоёмкости ВНД (общее потребление первичной энергии на единицу валового национального дохода (ВНД)) в оценке энергоэффективности на макроуровне в отдельных странах (США).

• *Кризис недоинвестирования (1990–2000 гг.).* С 1986 г. в результате того, что рыночные цены на нефть зачастую были равновесными, в 1990-е гг. произошел кризис недоинвестирования (Эволюция мировых энергетических рынков, 2015, с. 50).

Очередной кризис на рынке нефти привел к необходимости диверсифицировать поставки и сокращать потребление. Именно в этот период расширяется масштаб государственных мер в области энергоэффективности в политике западных стран как стимулирующего, так и ограничительного характера.

Это время можно отнести к периоду оформления энергоэффективности в виде долгосрочной политики в различных областях экономики. Энергоэффективность становится важной частью политики Европейского Союза (ЕС), когда Европейская комиссия приняла Директиву по энергоэффективности (EED) 2012/27 (EU Directive 2012/27/EU, 2012). Аналогичный процесс происходил в США, когда стандарты энергоэффективности стали утверждаться не только для автомобилей, но и частных домов, приборов и т.д.

В экономической науке период с 1990 по 2000 г. характеризуется прогрессом в отдельных областях энергоэффективности: развитие индексного метода Дивизиа² применительно к энергоэффективности (Schipper et al., 1992; Renewable Energy Directive, 2024; Ang, Lee, 1994; Sun, 1998) и др., возникновение исследований, оценивающих ре-

зультаты политики в области энергоэффективности, устраняющие сбои рынка (Hirst, Brown, 1990; Jaffe, Stavins, 1994; Goldthau, 2011; Golove, Eto, 1996 и др.), которые уже позднее будут рассматриваться как «обратные эффекты».

Постепенно оценка энергоэффективности на макроуровне меняется: *энергоёмкость ВНД*, а затем ВВП дополняется другими показателями, которые отражают приоритеты энергетической политики. В ЕС с 2006 г. целевой показатель энергоэффективности – энергоёмкость ВВП – изменен на измерение конечного потребления энергии внутри страны – ориентировочный целевой показатель энергосбережения для государств-членов. Несмотря на это, энергоёмкость ВВП по различным видам деятельности продолжают отслеживать и анализировать на макроуровне. Позднее на основе индексного метода появляются различные показатели, которые призваны агрегировать данные о достижении политических целей в области энергетики (энергетическая безопасность, энергетическая доступность и экологическая устойчивость и др.), – TRILLEMMA (Utility Scorecard, International Energy Efficiency Scorecard, Odyssee indicator) и др. Такие показатели являются следствием взаимодействия между странами запада в плане координации в области энергоэффективности. Возникает множество исследований, проводимых международными организациями (Европейский Совет по энергоэффективной экономике (ECEE), Международное энергетическое агентство (IEA), Всемирный энергетический совет (World Energy Council)).

• *Энергетический кризис 2000-х гг. и посткризисный период (2000 г. – настоящее время).* В 2000 г. мир пережил более серьезный нефтяной шок, чем в 1970-е гг. (Глобальная экономика: 2004 год, 2005). В данный период страны-импортеры столкнулись с новыми вызовами и угрозами, что также значительно повлияло на экспортеров энергоресурсов. В ответ на это правительство США разработало комплексную программу, которая включает разнообразные меры, направленные на повышение энергоэффективности и развитие альтернативных источников энергии (Ткачук, 2010, с. 259).

В 1990-е гг. происходило оформление и климатической политики ЕС, нацеленной на реализацию Киотского протокола (Кавешников, 2015). Однако климатические показатели стали утверждаться в правительственных программах ЕС только с принятием директивы «О стимулировании использования энергии возобновляемых источников» в 2008 г. (Renewable Energy Directive III, 2024).

Новый этап в экономической науке ознаменовался докладом Н. Стерна об *экономике изменения*

² Метод декомпозиции индексов на основе данных, отличающихся различными единицами измерения.

климата (Stern, 2006). В это время возникает идея «Чистого нуля» (концепция «Net Zero»), которая стала основой для формирования целей Парижского соглашения и привела к переходу от теоретической направленности работ об энергоэффективности в области возобновляемых ресурсов к *формированию правительственных программ* на их основе. Такая смена парадигмы послужила базой для множества исследований в области эффективности возобновляемых, «зеленых» источников энергии.

В академической сфере разных стран мира возникает работа, посвященные изучению влияния энергоэффективности как антропогенного фактора на глобальный климат – углекислый газ в атмосфере (Hens, Verbeeck G., Verbeeck B., 2001; Tajudeen, Wossink, Banerjee, 2018; Ang, 2007; Wu et al., 2012; Lozano, Gutiérrez, 2008 и др.). Кроме показателей энергоемкости и иных индексов, отражающих достижение целей энергобезопасности, на макроуровне стал отслеживаться показатель *выбросов в атмосферу* – как дополняющий оценку энергоэффективности (Tracking Industrial Energy Efficiency, 2007). Таким образом, показатель энергоемкости ВВП стал дополняться частными показателями эффективности отдельных видов энергии (из возобновляемых источников).

Исследования современных ученых сместились в сторону того, как сделать так, чтобы *возобновляемые технологии стали более эффективными*, надежными и рентабельными. Одним из показателей энергетической эффективности возобновляемых технологий становится период времени, необходимый после начала эксплуатации системы для окупаемости энергии, использованной при ее строительстве, который называется периодом окупаемости энергии. Другой показатель – коэффициент окупаемости инвестиций в энергию (Goswami, Kreith, 2017). Иными словами, акцент на возобновляемые источники энергии выбран не вследствие доказанного тезиса об их энергоэффективности в настоящий момент, а только в результате *суждений об этом потенциально высоком показателе в будущем*.

Таким образом, понимание энергоэффективности в современной науке смещается от оценки фактических выгод к сравнению потенциальных выгод от зеленых источников энергии с традиционными.

Однако при наличии потенциальных выгод существует необходимость учета потенциальных затрат, поэтому энергоэффективность следует оценивать иначе. С данного момента появляются работы в области политики повышения энергоэффективности, устраняющей барьеры между рынками возобновляемых и невозобновляемых источ-

ников энергии (Haas et al., 2013; Verbruggen, 2021; Krajačić et al., 2011 и др.).

Оформление в виде идеи энергобезопасности в политике направило фокус ученых-экономистов на западе в сторону экономических концепций, отвечающих требованиям развития энергетики, независимо от экспорта. Поэтому концепции устойчивого развития и «Net Zero» развивались под влиянием целей государственной политики, в том числе в области энергетики (табл. 1).

Представляется, что активное использование показателя энергоэффективности как энергоемкости ВВП на макроуровне в странах запада в первую очередь связано с тем, что приняты многими странами цели устойчивого развития приводят к потребности объединять иные показатели с ВВП и проводить декомпозицию факторов, влияющих на данный показатель.

Дальнейшее развитие инструментария оценки эффективности свидетельствует о том, что он становится, по сути, накопительным итогом, отражающим *результативность мер государственной политики в области диверсификации источников поставок энергии и перехода к зеленой экономике*.

Тем не менее становится очевидным, что энергоемкость ВВП не может быть единственным и всеобъемлющим показателем, который характеризует энергоэффективность. Потребление энергии на душу населения является важнейшим экономическим и социальным детерминантом, полностью определяющим не только уровень жизни населения конкретной страны, но и, по-видимому, этапом исторического развития, на котором находится экономика этой страны (Энергосбережение в зеркале, 2014, с. 1). Энергоэффективность становится показателем развития общества, а поэтому ее оценка может базироваться на *группе показателей*, отражающих различные общественные цели.

В современном мире выбор того или иного показателя энергоэффективности, используемого на макроуровне, не всегда определен на основе консенсуса с научной средой. *Единой системной концепции энергоэффективности в экономической науке не существует*.

Тем не менее для формирования целостного знания необходима опора на академическую сферу, и СССР в этой области имел больше преимуществ, так как она играла более значимую роль в концептуальном и методологическом обосновании планов Госплана и научно-технической политики по сравнению с западными странами. Взаимодействие с международными организациями важно для создания единого информационного поля, однако исследовательская работа международной организации, как правило, имеет краткосрочный

Таблица 1. Основные вехи развития экономической науки в области энергоэффективности

Период	Эволюция подходов к энергобезопасности западных стран	Концепции в экономической науке	Характеристика этапа развития экономической науки в области энергоэффективности
Докризисный период (до 1970 г.)	—	—	Опыт энергосбережения в отдельных странах (СССР)
Нефтяной кризис и посткризисный период (1970–1990 гг.)	Появление приоритетов энергетической независимости у отдельных стран (США)	Идея энергоэффективности	Появление термина «энергоэффективность», первых работ в области институциональной политики развития энергоэффективности и поведенческой теории
Кризис недоинвестирования (1990–2000 гг.)	Политика повышения энергоэффективности	Концепция устойчивого развития	Развитие индексного метода Дивизия применительно к энергоэффективности; исследования политики в области энергоэффективности, устраняющей сбои рынка
Энергетический кризис 2000-х и посткризисный период (с 2000 г. – по настоящее время)	Политика развития «зеленой» энергетики	Концепция Net Zero	Появление работ, посвященных влиянию энергоэффективности как антропогенного фактора на глобальный климат – углекислый газ в атмосфере – в академической среде во всем мире; исследований политики в области повышения энергоэффективности, устраняющей барьеры между рынками возобновляемых и невозобновляемых источников энергии

и экспертный характер, так как ученый в течение длительного периода времени обогащает теорию идеями, что является неперенным условием появления научно обоснованной концепции.

Инструментарий оценки энергоэффективности, сложившийся за прошлый период развития экономической науки, является основой для решения аналитико-прогнозных задач, на базе которого могут проводиться оценки достижения результатов государственной политики и выводы о способах использования энергоресурсов. Но для формирования системной концепции энергоэффективности важно обнаруживать возможности использования энергоресурсов во взаимосвязи с закономерностями развития природы. Однако только *концепция рационального природопользования*, сочетающая идеи экономических и географических наук, предусматривала возможности комплексного анализа экологической структуры биосоциальной системы как фундамента для технико-экономической и социальной структур. Достоинство такого подхода состоит в моделировании систем, используя разделение процессов и явлений в мире на природные законы и законы, обусловленные деятельностью человека, – закономерности развития общества, на которые влияет цивилизационный, институциональный и иной ценностно-обусловленный фактор.

Несмотря на то что зеленая экономика является перспективным направлением исследования, результаты работ, задачей которых является поиск влияния антропогенных факторов на природу, основываясь исключительно на экономических знаниях, могут представляться недостаточно обоснованными с позиций наук о природе и вызывать критику.

Развитие исследований в области КПД живой и неживой природы способно связать воедино физические и естественные науки с экономикой (Корнилова, 2023, с. 26). Активное взаимодействие государства с академической сферой, а не только с международными организациями, способно дать импульс расширению системного знания в области энергоэффективности на основе знаний как физических, так и естественных и социальных наук.

В ходе исследования возникает вопрос: почему именно идея энергоэффективности как инструмент политики обеспечения энергобезопасности стала более конкурентоспособной для государств, входящих в западный блок? Причины использования идеи энергоэффективности в экономике именно в странах – импортерах энергоресурсов нельзя объяснить только наличием политической воли либо ухудшением экономических условий в мире.

Причины того, что идея энергоэффективности нашла активное применение в странах – импортерах энергоресурсов на западе, можно объяснить с позиций ресурсной теории системной организации экономики. Здесь интересно рассмотреть сам подход, который благодаря пространственно-временным характеристикам позволяет анализировать и проводить аналогии с показателями эффективности.

Доступное для экономической системы пространство и время являются ее базовыми стратегическими ресурсами. Экономические системы каждого типа выстраивают свою логику взаимоотношений с базовыми экономическими ресурсами – пространством и временем, а также с базовыми экономическими способностями – интенсивностью и активностью деятельности. В случае объектной

системы доступ к пространственному ресурсу ограничен, в случае процессной – не ограничен (Клейнер, 2011, с. 16).

Для объектных систем справедлива формула (Клейнер, 2011, с. 17):

$$I_{\delta}(t) = \frac{R_{\delta}(t)}{S_{\delta}(t)}, \quad (1)$$

где $I_{\delta}(t)$ – интенсивность использования пространственного ресурса системой δ ; $R_{\delta}(t)$ – результат деятельности объектной системы в момент t ; $S_{\delta}(t)$ – объем этого ресурса.

Результат деятельности проектной системы γ (Клейнер, 2011, с. 17):

$$R_{\gamma}(t) = \min(I_{\gamma}(t) S_{\gamma}(t), A_{\gamma}(t) T_{\gamma}(t)), \quad (2)$$

где $I_{\gamma}(t)$ – интенсивность использования пространственного ресурса системой γ ; $S_{\gamma}(t)$ – объем этого ресурса; $A_{\gamma}(t)$ – активность системы γ при использовании временного ресурса; $T_{\gamma}(t)$ – объем этого ресурса.

Таким образом, как проектная, так и объектная системы ориентированы на повышение отдачи от потребления ресурса.

Энергоэффективность можно по аналогии представить как:

$$I_e(t) = \frac{R(t)}{S_e(t)}, \quad (3)$$

где $I_e(t)$ – интенсивность использования энергетических ресурсов системой; $R(t)$ – результат экономической деятельности системы δ в момент t ; $S_e(t)$ – общий объем вовлекаемых в экономическую деятельность энергетических ресурсов.

По сути, *энергоэффективность является отнесительной характеристикой потребления энергии*, демонстрирующей интенсивность использования энергии экономической системой. На основе показателей интенсивности потребления энергии (либо обратных им) можно понять, как деятельность, направленная на снижение потребления энергии (энергосбережение), влияет на объект – результаты экономической деятельности.

Ограниченные в пространстве системы (проект, объект) стремятся интенсивно использовать занимаемое пространство. Не имеющие пространственных ограничений системы (среда, процесс) функционируют экстенсивно, поскольку могут не экономить пространство (Клейнер, 2011, с. 14). В связи с этим страны-импортеры из западного блока явились своего рода аналогом (очень упрощенным) объектных и проектных систем в момент, а страны-экспортеры – процессных и средовых систем, где объем ресурса – энергии – не ограничен.

Несмотря на то что все страны мира сталкиваются с проблемами экономической конкурентоспособности, доступности энергетических ресурсов и экологической устойчивости, а также с необходимостью противостоять кризисным явлениям, они по-разному действуют в условиях пространственно-временных ограничений. Представляется, что глубинные причины отнесения стран к той или иной системе (проектная, объектная, процессная, средовая) лежат далеко за различиями в количественном объеме стратегического ресурса – энергии, имеющейся у страны, и возможностями его экспорта. Механизмы, заложенные в способе работы с энергоресурсами, складывались исторически и не могут быть изменены одномоментно.

Но необходимо отметить, что энергоэффективность позволяет измерять существенные свойства системы и ее состояние, а не процесс изменения системы. И только при контроле состояния можно отслеживать лидерство и сравнивать системы между собой. Можно предположить, что достижение экономического лидерства в располагаемых ресурсах как цель является мотивом для отдельных стран применять показатели интенсивности использования ресурсов, в том числе энергоэффективности.

Таким образом, можно сделать следующее заключение в отношении энергосбережения и энергоэффективности.

Энергосбережение – процесс, который позволяет справиться с еще не возникшей потерей энергии. Энергоэффективность характеризует такое состояние экономической системы, которое позволяет уменьшить еще не возникшую потерю энергии в экономической деятельности с целью достижения заданного социально-экономического результата в условиях ограничений. Такими ограничениями могут быть: доступность источников энергии, энергетическая безопасность, климатические условия и др. Потери энергии существует всегда как следствие второго закона термодинамики, но целенаправленная и упреждающая деятельность человека, направленная на повышение энергоэффективности, способна увеличить количество теплоты, которая превращается в работу в процессе преобразования энергии.

Несмотря на то что страны-импортеры из западного блока явились аналогом объектной и проектной систем, характеристики систем с течением времени могут меняться, а в случае достижения конкурентных преимуществ в энергоэффективности пространственные ограничения могут наблюдаться и у стран – экспортеров энергоресурсов. Кроме того, не следует считать, что ограничения в использовании энергии даже у этих стран отсутству-

ют. Возможно, эти ограничения в полной мере еще не проявлены в настоящее время, и им будет придано стратегическое значение в ближайшем будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из причин выдвижения энергоэффективности в качестве народнохозяйственной задачи связано с тем, что экономическое знание начиная с XX в. формируется под влиянием политической сферы.

Высокая общественная значимость энергетических ресурсов и кризисные явления на рынке углеводородов в XX в. явились причиной возникновения и дальнейшего развития концепции энергобезопасности в политике стран – импортеров нефти. Впоследствии концепция энергобезопасности трансформировалась в долгосрочную государственную политику повышения энергоэффективности. При этом доминирующие концепции в экономической науке играли важную роль при формировании теоретического фундамента работ в области энергоэффективности.

Развитие идеи энергобезопасности в политике направило фокус ученых-экономистов на западе на исследование последствий контроля государством потребления энергии в экономике в рамках институциональной и поведенческой теорий.

Исследования энергоэффективности характеризуются теоретической эклектичностью, а сама концепция не сформирована и не имеет системного характера. Понимание энергоэффективности в рамках современных концепций смещается от оценки фактических выгод к сравнению потенциальных выгод от «зеленых» источников энергии с традиционными.

Развитие показателя энергоэффективности можно представить как переход от измерения интенсификации потребления энергии – по экономике в целом – к оценке этих показателей по видам деятельности и отдельным аспектам устойчивого

развития и видам источников энергии. Эволюция инструментария оценки эффективности свидетельствует о том, что он становится, по сути, накопительным итогом, отражающим результативность мер государственной политики в области диверсификации источников поставок энергии и перехода к зеленой экономике.

Энергоэффективность становится показателем развития общества, поэтому ее оценка может строиться на группе показателей, отражающих различные общественные цели.

Причины использования идеи энергоэффективности странами-импортерами запада объяснены с позиций ресурсной теории системной организации экономики. Страны – импортеры энергоресурсов из западного блока явились своего рода аналогом (очень упрощенным) объектных и проектных систем в момент, а страны-экспортеры – процессных и средовых систем, где объем ресурса – энергии – не ограничен. Несмотря на существующие в мире процессы глобализации и либерализации, экономики западных стран ориентированы на формирование «концентрации энергоресурсов в одной стране», а их целью является завоевание экономического лидерства в располагаемых ресурсах. Это объясняет то, что идея энергоэффективности, которая предполагает интенсификацию использования ресурсов, явилась для таких стран более конкурентоспособной.

В ходе исследования были сформулированы определения понятий «*энергосбережение*» и «*энергоэффективность*». Энергосбережение – процесс, который позволяет справиться с еще не возникшей потерей энергии. Энергоэффективность характеризует такое состояние экономической системы, которое позволяет уменьшить еще не возникшую потерю энергии в экономической деятельности с целью достижения заданного социально-экономического результата в условиях ограничений. Такими ограничениями могут быть: доступность источников энергии, энергетическая безопасность, климатические условия и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глобальная экономика: 2004 год. (2005). Аналитический обзор. Центр науч.-инф. исследований глобальных и региональных проблем. Отд. Азии и Африки. М.: ИНИОН РАН. 88 с.
- Историческая эпистемология. (2019). Историческая эпистемология. История, онтология, эпистемология: сб. статей. СПб.: Фонд развития конфликтологии. 100 с.
- Кавешников Н. (2015). Невозможная триада энергобезопасности Европейского Союза // *Международные процессы*. Т. 13. № 4. С. 74–85.

- Касимов Н.С., Мазуров Ю.Л., Тикунов В.С. (2004). Концепция устойчивого развития: восприятие в России // *Вестник Российской Академии Наук*. Т. 74. № 11. С. 28–36.
- Клейнер Г.Б. (2011). Ресурсная теория системной организации экономики // *Российский журнал менеджмента*. Т. 9. № 3. С. 3–28.
- Корнилова А.Ю. (2023). Физическая экономика в контексте современных экономических проблем // *Экономическая наука современной России*. № 2. С. 17–31.

- Кудрин Б.И. (2012). Стратегия энергоэффективности и электрообеспечения потребителей до 2060 г. М.: ИНИП РАН. 51 с.
- Маркс К. (2019). Капитал. Критика политической экономии. М.: АСТ. 704 с.
- Никифорова Н.В., Покидько П.С. (2023). Стратегии энергосбережения в позднем социализме. Технологическая инфраструктура и этика общественной собственности // Социология науки и технологий. Т. 14. № 4. С. 88–107.
- Показатели энергоэффективности (2015). Показатели энергоэффективности: основы формирования политики. Международное энергетическое агентство. URL: http://www.iea.org/media/training/eeukraine2015/Russian_EPM.PDF
- Ткачук К.В. (2010). Эволюция подходов к энергетической безопасности: страны-импортеры против стран-экспортеров // Вестник МГИМО-Университета. № 6 (15). С. 258–264.
- Цилибина В.М. (2021). Энергоэффективность экономики: методология и практика. Ин-т экономики НАН Беларуси. Минск: Беларуская навука. 215 с.
- Эволюция мировых энергетических рынков (2015). Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России / под ред. А.А. Макарова, Л.М. Григорьева, Т.А. Митровой. М.: ИНЭИ РАН-АЦ при Правительстве РФ. 400 с.
- Энергосбережение в зеркале (2014). Энергосбережение в зеркале промышленной политики. Информационный обзор М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 38 с.
- Ang J.B. (2007). CO₂ Emissions, Energy Consumption, and Output in France. *Energy Policy*, vol. 35 (10), pp. 4772–4778.
- Ang B.W., Lee S.Y. (1994). Decomposition of industrial energy consumption: some methodological and application issues. *Energy Economics*, no 16, pp. 83–92.
- Blumstein C., Krieg B., Schipper L. et al. (1980). Overcoming social and institutional barriers to energy conservation. *Energy*, vol. 5(4), pp. 355–371.
- Directive 2012/27/EU. (2012). Directive 2012/27/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on energy efficiency, amending Directives 2009/125/EC and 2010/30/EU and repealing Directives 2004/8/EC and 2006/32/EC Text with EEA relevance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32012L0027>
- Dunlop T. (2022) Energy efficiency: The evolution of a motherhood concept. *Social Studies of Science*, vol. 52, issue 5, pp. 710–732.
- Fawkes S., Oung K., Thorpe D. (2016). Best Practices and Case Studies for Industrial Energy Efficiency Improvement. An Introduction for Policy Makers. Copenhagen: UNEP DTU Partnership, 170 p.
- Giraudet L.-G., Missemer A. (2023). The History of Energy Efficiency in Economics: Breakpoints and Regularities. *Energy Research & Social Science*, vol. 97, p. 102973.
- Goldthau A. (2011). Governing global energy: Existing approaches and discourses. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, no. (4), pp. 213–217.
- Goswami D.Y., Kreith F. (2017). *Energy Efficiency and Renewable Energy Handbook*. 2nd ed. Boca Raton: CRC Press, 1624 p.
- Golove W., Eto J. (1996). *Market Barriers to Energy Efficiency: A Critical Reappraisal of the Rationale for Public Policies to Promote Energy Efficiency*. University of California. Lawrence Berkeley National Laboratory. Energy Environment Division, 51 p.
- Haas R., Lettner G., Auer H. ed. (2013). The looming revolution: How photovoltaics will change electricity markets in Europe fundamentally. *Energy*, vol. 57(C), pp. 38–43.
- Hens H., Verbeeck G., Verbeeck B. (2001). Impact of energy efficiency measures on the CO₂ emissions in the residential sector, a large scale analysis. *Energy and Buildings*, vol. 33, issue 3, pp. 275–281.
- Hirst E., Brown M. (1990). Closing the Efficiency Gap: Barriers to the Efficient Use of Energy. *Resources, Conservation and Recycling*, vol. 3, issue 4, pp. 267–281.
- Jaffe A.B., Stavins R.N. (1994). The energy-efficiency gap. What does it mean? *Energy Policy*, no. 22 (10), pp. 804–810.
- Krajačić G., Duić N., Tsikalakis A. ed. (2011). Feed-in tariffs for promotion of energy storage technologies *Energy Policy*, no. 39(3), pp. 1410–1425.
- Lozano S., Gutiérrez E. (2008). Nonparametric frontier approach to modeling the relationships among population, GDP, energy consumption and CO₂ emissions. *Ecological Economics*, vol. 66, issue 4, pp. 687–699.
- Net Zero by 2050 (2021). A Roadmap for the Global Energy Sector. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050>
- Nye J.S., Scowcroft B., Campbell K.M., Price J. (2008). *The Global Politics of Energy*. Washington, D.C.: Aspen Institute. 249 p.
- Patterson M.G. (1993). An accounting framework for decomposing the energy-to-GDP ratio into its structural components of change. *Energy*, vol. 18, iss. 7, pp. 741–761.
- Patterson M.G. (1996). What is energy efficiency? Concepts, indicators and methodological issues. *Energy Policy*, vol. 24, iss. 5, pp. 377–390.
- Renewable Energy Directive (2024). European commission. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/renewable-energy/renewable-energy-directive-targets-and-rules/renewable-energy-directive_en
- Schipper L., Meyers S., Howarth R. et al. (1992). *Energy Efficiency and Human Activities: Past Trends, Future Prospects*. Cambridge: Cambridge University Press. 385 p.
- Stern N. (2006). Review on the Economics of Climate Change: Part III: The Economics of Stabilisation. London: HM Treasury. pp. 191–192.
- Sun J.W. (1998). Changes in energy consumption and energy intensity: A complete decomposition model. *Energy Economics*, vol. 20 (1), pp. 85–100.
- Tajudeen I.A., Wossink A., Banerjee P. (2018). How Significant is Energy Efficiency to Mitigate CO₂ Emissions? Evidence from OECD Countries. *Energy Economics*, vol. 72(C), pp. 200–221.

- Tracking Industrial Energy Efficiency. (2007). Tracking Industrial Energy Efficiency and CO₂ Emissions International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/tracking-industrial-energy-efficiency-and-co2-emissions>.
- Verbruggen A. (2021) Pricing Carbon Emissions: Economic Reality and Utopia. New York: Taylor & Francis Books, 198 p.
- World Energy Perspective (2013). World Energy Perspective Energy efficiency policies: what works and what does not. World Energy Council. URL: <https://www.worldenergy.org/publications/entry/world-energy-perspective-energy-efficiency-policies-a-what-works-and-what-does-not>
- Wu F., Fan L.W., Zhou P. et al. (2012). Industrial energy efficiency with CO₂ emissions in China: A nonparametric analysis. *Energy Policy*, vol. 49(C), pp. 164–172.
- Energy saving in the mirror (2014). *Energy saving in the mirror of industrial policy*. Information review. Moscow: Analytical Center of the Government of the Russian Federation. 38 p. (in Russ.)
- Ang J.B. (2007). CO₂ Emissions, Energy Consumption, and Output in France. *Energy Policy*, vol. 35 (10), pp. 4772–4778.
- Ang B.W., Lee S.Y. (1994). Decomposition of industrial energy consumption: some methodological and application issues. *Energy Economics*, no 16, pp. 83–92.
- Blumstein C., Krieg B., Schipper L. et al. (1980). Overcoming social and institutional barriers to energy conservation. *Energy*, vol. 5(4), pp. 355–371.
- Directive 2012/27/EU. (2012). Directive 2012/27/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on energy efficiency, amending Directives 2009/125/EC and 2010/30/EU and repealing Directives 2004/8/EC and 2006/32/EC Text with EEA relevance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX-%3A32012L0027>
- Dunlop T. (2022) Energy efficiency: The evolution of a motherhood concept. *Social Studies of Science*, vol. 52, issue 5, pp. 710–732.
- Fawkes S., Oung K., Thorpe D. (2016). *Best Practices and Case Studies for Industrial Energy Efficiency Improvement*. An Introduction for Policy Makers. Copenhagen: UNEP DTU Partnership, 170 p.
- Giraudet L.-G., Missemer A. (2023). The History of Energy Efficiency in Economics: Breakpoints and Regularities. *Energy Research & Social Science*, vol. 97, pp.102973.
- Goldthau A. (2011). Governing global energy: Existing approaches and discourses. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, no. (4), pp. 213–217.
- Goswami D.Y., Kreith F. (2017). *Energy Efficiency and Renewable Energy Handbook*. 2nd Edition Boca Raton: CRC Press, 1624 p.
- Golove W., Eto J. (1996). Market Barriers to Energy Efficiency: A Critical Reappraisal of the Rationale for Public Policies to Promote Energy Efficiency. University of California. Lawrence Berkeley National Laboratory. Energy Environment Division, 51 p.
- Haas R., Lettner G., Auer H. et al. (2013). The looming revolution: How photovoltaics will change electricity markets in Europe fundamentally. *Energy*, vol. 57(C), pp. 38–43.
- Hens H., Verbeeck G., Verbeeck B. (2001). Impact of energy efficiency measures on the CO₂ emissions in the residential sector, a large-scale analysis. *Energy and Buildings*, vol. 33, issue 3, pp. 275–281.
- Global Economy: 2004 (2005). Global Economy: 2004. Analytical Review (2004) Moscow: The Center of scientific information research of global and the regional problems. Asia and Africa Department. Moscow: RAS. INION. 88 p. (in Russ.)
- Historical epistemology. (2019). Historical epistemology. A collection of articles on history, ontology, and epistemology. St. Petersburg: Foundation for the Development of Conflictology. 100 p. (in Russ.)
- Kaveshnikov N. (2015). The impossible triad of energy security of the European Union. *International Processes*, vol. 13, no. 4, pp. 74–85 (in Russ.)
- Kasimov N.S., Mazurov Yu.L., Tikunov V.S. (2004). The concept of sustainable development: perception in Russia. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 74, no. 11, pp. 28–36 (in Russ.)
- Kleiner G.B. (2011) Resource theory of the systemic organization of the economy. *Russian Journal of Management*, vol. 9, no. 3, pp. 3–28 (in Russ.)
- Kornilova A.Yu. (2023). Physical Economics within the context of modern economic problems. *Economics of Contemporary Russia*, no. 2, pp. 17–31 (in Russ.)
- Kudrin B.I. (2012). Strategy of energy efficiency and electrical supply to consumers up to 2060. Moscow: INP RAS. 51 p. (in Russ.)
- Marx K. (2019). Capital. A Critique of Political Economy. In 2 vol. Moscow: AST. 704 p. (in Russ.)
- Nikiforova N.V., Pokidko P.S. (2023). Energy saving strategies in late socialism. Technological infrastructure and ethics of public property. *Sociology of Science and Technology*, vol. 14, to. 4, pp. 88–107 (in Russ.)
- Energy efficiency indicators (2015). Energy efficiency indicators: fundamentals of policy formation. The International Energy Agency (in Russ.) URL: <http://www.iea.org/media/training/eeukraine2015/Russian EPM.PDF>
- Tkachuk K.V. (2010). Evolution of approaches to energy security: importing countries versus exporting countries. *Bulletin of MSIIR University*, no. 6 (15), pp. 258–264 (in Russ.)
- Tsilibina V.M. (2021) *Energy efficiency of the economy: methodology and practice*. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk: Belarusskaya navuka. 215 p. (in Russ.)
- The evolution of world energy markets (2015). *The evolution of world energy markets and its consequences for Russia* / ed. by A.A. Makarov, L.M. Grigoriev, T.A. Mitrova. Moscow: INEI RAS-AC under the Government of the Russian Federation. 400 p. (in Russ.)

- Hirst E., Brown M. (1990). Closing the Efficiency Gap: Barriers to the Efficient Use of *Energy. Resources, Conservation and Recycling*, vol. 3, issue 4, pp. 267–281.
- Jaffe A.B., Stavins R.N. (1994). The energy-efficiency gap. What does it mean? *Energy Policy*, no. 22 (10), pp. 804–810.
- Krajačić G., Duić N., Tsikalakis A., Zoulias M., Caralis G., Panteri E., da Graça Carvalho M. (2011). Feed-in tariffs for promotion of energy storage technologies *Energy Policy*, no. 39 (3), pp. 1410–1425.
- Lozano S., Gutiérrez E. (2008). Nonparametric frontier approach to modeling the relationships among population, GDP, energy consumption and CO₂ emissions. *Ecological Economics*, vol. 66, issue 4, pp. 687–699.
- Net Zero by 2050 (2021). A Roadmap for the Global Energy Sector. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050>
- Nye J.S., Scowcroft B., Campbell K.M. et al. (2008). The Global Politics of Energy. Washington, D.C.: Aspen Institute. 249 p.
- Patterson M.G. (1993). An accounting framework for decomposing the energy-to-GDP ratio into its structural components of change. *Energy*, vol. 18, issue 7, pp. 741–761.
- Patterson M.G. (1996). What is energy efficiency? Concepts, indicators and methodological issues. *Energy Policy*, vol. 24, issue 5, pp. 377–390.
- Renewable Energy Directive (2024). European commission. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/renewable-energy/renewable-energy-directive-targets-and-rules/renewable-energy-directive_en.
- Schipper L., Meyers S., Howarth R. et al. (1992). *Energy Efficiency and Human Activities: Past Trends, Future Prospects*. Cambridge: Cambridge University Press. 385 p.
- Stern N. (2006). Review on the Economics of Climate Change: Part III: The Economics of Stabilisation. London: HM Treasury. pp. 191–192.
- Sun J.W. (1998). Changes in energy consumption and energy intensity: A complete decomposition model. *Energy Economics*, vol. 20(1), pp. 85–100.
- Tajudeen I.A., Wossink A., Banerjee P. (2018). How Significant is Energy Efficiency to Mitigate CO₂ Emissions? Evidence from OECD Countries. *Energy Economics*, vol. 72(C), pp. 200–221.
- Tracking Industrial Energy Efficiency. (2007). Tracking Industrial Energy Efficiency and CO₂ Emissions International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/tracking-industrial-energy-efficiency-and-co2-emissions>.
- Verbruggen A. (2021) *Pricing Carbon Emissions: Economic Reality and Utopia*. New York: Taylor & Francis Books, 198 p.
- World Energy Perspective (2013). *World Energy Perspective Energy efficiency policies: what works and what does not*. World Energy Council. URL: <https://www.worldenergy.org/publications/entry/world-energy-perspective-energy-efficiency-policies-a-what-works-and-what-does-not>
- Wu F., Fan L.W., Zhou P. et al. (2012). Industrial energy efficiency with CO₂ emissions in China: A nonparametric analysis. *Energy Policy*, vol. 49(C), pp. 164–172.

ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН АЛЬБЕРТУ РАУФОВИЧУ БАХТИЗИНУ – 50 ЛЕТ

Альберт Рауфович Бахтизин, известный российский ученый, организатор и популяризатор науки, видный общественный деятель, эксперт в области математического и компьютерного моделирования социально-экономических процессов, родился 25 марта 1975 г.

После окончания школы поступил в Башкирский государственный университет, который успешно окончил, получив специальность «Прикладная математика».

Талант молодого специалиста заметили и оценили выдающиеся российские ученые – академик РАН Валерий Леонидович Макаров и академик РАН Роберт Искандерович Нигматулин. Под их научным руководством Альберт Рауфович Бахтизин в 2003 г. успешно защитил в ЦЭМИ РАН кандидатскую диссертацию на тему «Вычислимая модель «Россия: Центр – Федеральные округа», межрегиональные экономические отношения». Продолжая научно-исследовательскую работу, уже через 5 лет молодой ученый защитил докторскую диссертацию «Гибридные методы моделирования общего экономического равновесия с использованием агент-ориентированных моделей».

А.Р. Бахтизиным разработан целый ряд агент-ориентированных моделей, в том числе комплекс агент-ориентированных моделей для суперкомпьютеров, осуществлен запуск крупномасштабной агент-ориентированной модели социально-экономической системы России на суперкомпьютерах «Ломоносов» (МГУ имени М.В. Ломоносова) и «Тяньхэ-2» (Гуаньчжоу, КНР). А.Р. Бахтизиным предложена методология построения иерархической системы CGE моделей, отражающих отраслевые, региональные и институциональные аспекты экономики России. Данные модели нашли свое применение в деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации, Счетной палаты Российской Федерации, Контрольно-счетной палаты г. Москвы и др. А.Р. Бахтизин является автором теоретико-методологического подхода к моделированию социальных процессов с использованием агент-ориентированных моделей, построенных на базе геоинформационных систем. Подобный подход существенно дополняет парадигму имитационного моделирования социальных систем и относится к приоритетным направлениям развития

науки и техники в Российской Федерации. На основе данной методологии им разработан ряд моделей этого класса, рассматривающих социально-экономическую систему России в региональном разрезе.

А.Р. Бахтизин – автор и соавтор более 270 научных работ, в том числе более 20 монографий.

Научные работы А.Р. Бахтизина отличаются высокой культурой математических расчетов, демонстрируют большой опыт автора в работе с мировыми информационными ресурсами и статистическими центрами. Итоги научной работы неоднократно были отмечены в качестве важнейших результатов деятельности РАН.

Вся трудовая деятельность А.Р. Бахтизина связана с ЦЭМИ РАН. В разные годы Альберт Рауфович занимал в ЦЭМИ РАН руководящие научные должности. В 2002 г. стал заведующим лабораторией ЦЭМИ РАН, с 2018 г. является директором Института. В 2016 г. был избран членом-корреспондентом РАН.

Успешно совмещая научную деятельность с педагогической работой, А.Р. Бахтизин осуществляет подготовку кадров высшей квалификации, являясь заведующим Кафедрой математических методов анализа экономики Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также членом диссертационных советов при МГУ имени М.В. Ломоносова (Экономический факультет) и при ЦЭМИ РАН.

Большое внимание А.Р. Бахтизин уделяет редакционно-издательской деятельности, участвуя в работе 15 редакционных советов и редколлегий научных экономических журналов. Альберт Рауфович – один из основателей и заместитель главного редактора журнала «Искусственные общества», заместитель главного редактора журнала «Экономика и математические методы», главный редактор журнала «Стратегирование: теория и практика», заместитель главного редактора журнала «Вестник ЦЭМИ», член редакционного совета журнала «Цифровая экономика» и других журналов.

Экспертные оценки и комплекс моделей А.Р. Бахтизина широко используются при разработке государственных программ и стратегий развития в целях выполнения приоритетных задач, поставленных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным для обеспечения национальной безопасности в сложной геополитической ситуа-

ции. 26 февраля 2025 г. А.Р. Бахтизин был включен в состав Экспертного совета при Совете при Президенте РФ по реализации государственной демографической и семейной политики в целях экспертно-аналитического обеспечения его деятельности. Сейчас как никогда нашей стране нужны специалисты, которые способны анализировать данные, строить математические модели и прогнозировать результаты. Этими качествами в полной мере обладает ученый, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор ЦЭМИ РАН Альберт Рауфович Бахтизин.

За большой вклад в развитие отечественной науки, многолетнюю плодотворную деятельность и в связи с 300-летием со дня основания Россий-

ской академии наук Альберт Рауфович Бахтизин награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Глубокоуважаемый Альберт Рауфович, примите наши самые искренние поздравления с юбилеем. Желаем Вам здоровья, творческих успехов, новых свершений, талантливых учеников и последователей, вдохновленных Вашими идеями. Пусть Ваши замечательные качества человека и ученого будут залогом успеха дальнейшей плодотворной работы на благо российской науки.

*Редакционная коллегия
и редакционный совет журнала
«Экономическая наука современной России»*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал

Уважаемые читатели!

Подписаться на печатную версию журнала «Экономическая наука современной России» можно следующими способами.

В почтовом отделении Почты России

По каталогу «Почты России» на соответствующем сайте или в любом почтовом отделении. Подписной индекс журнала – ПН917.

Подписка для физических лиц

Стоимость подписки на полугодие – 2000 р., на год – 4000 р. В стоимость подписки в редакции входит почтовая доставка.

Подписку можно оформить в редакции:

- по безналичному расчету перечислите сумму за подписку на расчетный счет Региональной общественной организации содействия развитию институтов ОЭ РАН. В графе «Назначение платежа» платежного поручения укажите: Взнос для выпуска журнала «Экономическая наука современной России», а также Ваш почтовый адрес и период подписки;
- за наличный расчет по адресу: 117418, Москва, Нахимовский пр., 47 (м. Профсоюзная), комн. 609. Телефон 8 (499) 724 25 17, 8 (499) 724 21 39.

По безналичному расчету перечислите сумму за подписку на расчетный счет Региональной общественной организации содействия развитию институтов ОЭ РАН.

Обычным почтовым переводом отправьте сумму за подписку на расчетный счет РОО содействия развитию институтов ОЭ РАН. В графе «Для письменного сообщения» укажите наименование журнала, период подписки и Ваш почтовый адрес.

В любом отделении Сбербанка оформите квитанцию-извещение на сумму подписки, в графе «Получатель платежа» укажите реквизиты «РОО содействия развитию институтов ОЭ РАН» (реквизиты приведены ниже). Не забудьте указать Ваш почтовый адрес.

Банковские реквизиты

Региональная общественная организация содействия развитию институтов

Отделения экономики РАН (РОО)

ИНН 7726249569; КПП 772601001

ОКОНХ 98400; ОКПО 45188030

Р/счет № 40703810638280100664

в ПАО Сбербанк г. Москве

Банк получателя:

ПАО Сбербанк г. Москва

Корр. счет № 30101810400000000225, БИК 044525225

В графе «Назначение платежа» платежного поручения укажите:

Взнос для выпуска журнала «Экономическая наука современной России»,
а также Ваш почтовый адрес и период подписки.